И. Сельвинский 3

И. Сельвинский

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1972

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

собрание
сочинений
в шести
томах

издательство
„художественная
литература"

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

ТОМ

3

ДРАМЫ И ТРАГЕДИИ

МОСКВА

1972

Р2
С29

Редакционная коллегия:
В. А. КОСОЛАПОВ, А. А. МИХАЙЛОВ,
С. С. НАРОВЧАТОВ, Л. А. ОЗЕРОВ,
О. С. РЕЗНИК, М. Б. ХРАПЧЕНКО

Примечания
к «Командарму-2» *Л. Озерова*,
к остальным пьесам *О. Резника*

Оформление художника
Е. Ганушкина

7—4—2

Подп. изд.

КОМАНДАРМ-2

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1918 год. Н-ский фронт. Белоярский плацдарм. Ночь. Канцелярия начальника штаба. Писарь Оконный у телефона.

Оконный
(в трубку)

Дальше. Список сыпнотифозных,
Отправленных в госпиталь номер один:

Абаев,
Борисов,
Бурашев,
Грóзных,
Данилин,
Дементьев,
Диковский,
Дождúн...

Как? Слишком быстро? Можно потише.
Готов прислушаться к вашей мольбе:

Захаров,
Захарьин,
Захарченко,
Крышин...

Голос Оконного становится глуше, невнятнее.

Конферансье
(на просцениуме)

Зрители! Два слова о себе.
Я здесь ни герой, ни злодей. Однако
Автор свой трагедийный транс
Моим участьем поставил на кон...
Виноват, я не кончил: на кон-фе-ранс.
Я, видите ли, должен что-то «оттенять».
Работка, доложу вам. Пустячки задание.
Но нам, конферансьям, нечего терять,
Кроме, конечно, самообладания.

О к о н н ы й

Устала? Пожалуйста. Передохнем.
Я-то? Не устаю, дорогая.
Я сорок лет живу, догорая,
Денно и нощно трудясь, как гном.
Но это не в силу привычки. О нет-с.
Я не чинуша. Не у́ж ползучий.
Т-тваж, не в чернильнице мой конец.
(Закуривает.)
Есть такое понятие: Случай.
У каждого в жизни его хоть раз
Бывает возможность взлететь на крыльях.
Тогда в кардиналы проходит клирик,
А в академики лоботряс;
Тогда-то сынок любого червя
Становится женихом Кунигунды...
Важно — не упустить секунды,
Коли смекнул, что она твоя.
На это я и надеюсь. Что?
Да, конечно. Только на это.
Этим одним и жив, а не то
Давно бы уж каркнул из пистолета.
Если б вы только знали, Лариса...

К о н ф е р а н с ь е

Ее зовут не Лариса, а Нина.
Будьте корректны! Вы! Мужчина!

О к о н н ы й
(в трубку)

Да, вы правы. Не покорился.
Как вы сказали? Зачем же «маньяк»?
Впрочем, безумные так энергичны.
А вы бы, Нина, пошли за меня,
Если б узнали, что я, т-тваж, личность?
А? Уж то-то была бы семья:
У мужа флейта, у вас пианино.
Ах, Лариса!

Конферансье толкает его в бок. Оконный спохватывается.

Простите меня...
Какая Лариса? Нина! Нина!
НИНАглядная вы моя.

Входят начдив Г у б а р ё в и комбриг Б о й.

Губарев

Где командарм?

Оконный
(кладя трубку)

Не знаю.

Губарев

Врешь.

Бой
(вынув револьвер)

Пуля — или Панкратия будишь!

Оконный

Да нет его здесь!

Губарев

А сам кто будешь?

Оконный

Я только писарь. Цена мне грош.

Губарев

Нынче грошовых нетути, друже.

Оконный

Вот как! Впрочем, не думаю.

Губарев

Слушай:
В девять ноль-ноль получили от вас
Так называемый «приказ».
(Читает.)
«Начдивам, начартам сим довести
До сведенья всех частей по кордонам,
Эскадронам и батальонам,
Чтоб не только атак не вести,
Но равно набегов и вылазок. Точка.
Приказ проводить буквально и точно.
Виновных расстреливать. Точка. *Чуб*».

Оконный

Ну-с?

Губарев

Кому это дело полезно?
Ответьте мне! Я начдив Железной.

Бой
(хрипло)

Я знаю «белюгу» на нюх и на щуп,
Я вдарю — и он поползет себе «рачки»,
А мине: «Ша!» Никакой чтобы драчки,
Вроде я старший городовой.
Га? Да мое же ж фамилие *«Бой»!*
От! Читайте!
(Протягивает Оконному приказ.)

Оконный
(читает)

«Коннице Боя
С противником не завязывать боя,
На канонаду не отвечать».

За дверью говор. Входят трое военных: Куница, матрос Ковальчук и Котелин.

(Вглядываясь в приказ.)

Номер?

Бой

А как же! Номер. Печать.
Сюды, сюды смотри! А то как же?

Оконный

Дата: апрель, четвертого дня.

Бой

Ну! Так кто ж нам за это докажет?

Оконный

Не знаю. Приказ прошел без меня.
Рад бы душой...

Политрук Куница в буденовке и рабочей кожаной куртке подходит к ним и козыряет.

Куница

Кто из вас командарм?

Оконный

Товарищ Чуб на передовой.

Куница
(утирая пот)

Значит, мы зря?

Бой
(усмехаясь)

Значит, с легким паром.

Матрос Ковальчук

Шутишь, кореш? Как тебя...

Бой

Бой!

Куница

Кавгруппа, что ли?

Бой

Она. Кавгруппа.

Ковальчук

Шутишь, а получается глупо.

Куница

Ах, да не в шутках сегодня толк!
Пензенский имени Ревдисциплины
Бывший красногвардейский полк
Вам рапортует: открылась линия!
Можно бить! А комбриг ждет.
Как на этот счет?

Ковальчук

Товарищи! Мы, конно-флотский полк
Имени товарища Рошаля, между прочим,
Должны сказать: мы очень хочем
Начать наступление. Это наш долг!
А вот стоим и гибнем задаром.
За что?! Говорят: «приказ»... «командарм».

Котелин
(с алыми петлицами Огневой дивизии)

Первый имени Первого мая
Парижской коммуны курский полк...

Оконный

Постойте, постойте: не понимаю —
Зачем вы здесь?

Котелин

А куда нам еще?

Бой

Правильно! А куды же нам: к белым?

Оконный
(сухо)

Спрячьте, товарищ, т-тваж, парабеллум —
Вы говорите и так горячо.

Бой неожиданно для самого себя повинуется четкости его тона и прячет револьвер в кобуру.

Я не начальство. Я писарь. Не больше.
Но должен внушить командирам бригад,
Что в их посещенье не много пользы...
Знаете ль вы — что такое *приказ?*

Котелин

Знать-то знаем...

Ковальчук

Какой секрет?
А только кроет белый сосед —
Цельное поле снарядом иззмеяно!
Как с этим жить?

Куница

Может... измена?

Ковальчук
(на крик)

Время-то классовое или нет?!

Дверь соседней комнаты открывается — на пороге начальник штаба Бел-Конь-Любомирский.

Бел-Конь

Друзья! Прошу ко мне в кабинет.

Оконный
(вполголоса)

К начальнику штаба. К начальнику штаба.
Быстрей. К начальнику штаба.

Все прибывшие входят в кабинет Бел-Конь-Любомирского. Дверь за ними закрывается.

Так.
Что он им скажет, этот тюфяк,
Академическая эта баба,
Этот беспочвенный эрудит?
Армия рвется к победе! Рычит!
Грает! Плещет крылами! Ведь это...
Это прекрасно! Все прочее — чушь.
А тут?

Телефон.

Вас слушают. Из лазарета?
Сыпнотифозные. Сколько душ?
Дайте грубую цифру хотя бы.
Есть. Доложу начальнику штаба.
(Кладет трубку.)
Как он сказал мне, этот начдив:
«Нынче грошовых нету».
Он несомненно красноречив!
(Декламирует ямбом.)
Списать в расплавку мелкую монету!
А впрочем — здесь не одно красноречье:
Тут начдив и комбриг,
Ничуть этой формуле не переча,
Пытались, переходя на крик,
У писаря выявить его мненье
Касательно странного запрещенья
Бить неприятеля.
Значит, для них
Оконный не хуже всех остальных?
Но если, т-тваж, я для этих хорош,
То почему же для прочих не лучше?
Стало быть, вправду Оконный не грош —
И надобен только случай?

Конферансье

Прекрасно! Вы как орел над бездной!
Что-нибудь под занавес.
Будьте любезны.

Оконный достает из бокового карманчика записную книжечку, перелистывает ее и находит сонет. Читает его со сдержанным, но каким-то глубинным лиризмом.

Сонет

Когда закат желтел, как шкура леопарда,
И огненно пылал, как кожа сатаны,
В прогнившем чердачке (он звал его
«мансарда»)
От книг он поднимал лицо бледней луны.

И, свистнув кобелька, ублюдка сенбернарда,
В трамвае доезжал до городской стены,
И, выйдя на шоссе, где тракты сплетены,
Он молча ожидал в угрюмой позе барда.

Он верил: выйдет из кареты герцогиня,
Неся метелью горностаевый наряд...
И он часами ждал, от странной жути стыня.

Увы... Увяла даль. Столбов унылый ряд.
И, глубоко вздохнув, он грустно шел назад.
Но распускаются и лилии в пустыне...

Телефон.

Слушают вас. Это Нина? Да, да.
Продолжим список сыпнотифозных?
Пожалуйста:
Мáлин,
Май-Борода,
Майкопов,
Найденов,
Поплавский,
Пóстник,
Пустынин,
Пустырников,
Рамазан,
Романов Андрей,
Романов Иван...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Митинг в степи. На трибуне Чуб с красной лентой через плечо, в бурке и папахе. Рядом комиссар Лариса Блаженина, красивая девушка в очках. Далее начальник штаба Бел-Конь-Любомирский, при нем писарь Оконный. В стороне группа делегатов: Куница, Ковальчук и Котелин, которые держатся особо, но время от времени вступают между собой в тихие пререкания. В толпе выделяются казак Вешнев и боец Попов особым своим бузотерством.

Чуб

Объявляю солдатский ми́тинг открытым!
На повестке доклад комиссара Блажениной
О внешнем и внутреннем положении.

Вешнев

Вот так фунт!
А насчет Белоярска?

Попов

Ты провоцируешь бунт
Пролетарский!

Крики

— Люда серого
Тратишь икрою!

— Белые с севера
Саблей кроют!

— Белые с юга
Бьют огнями!

— Чей ты, гадюка?
Говори: с нами?

— Нас гурьбою,
Сдал на гроба́ им!

— Мы погибаем!
— Дайте бою!

— Дайте бою! Дайте бою!
— На Белоярск!
— Бою! Бою!

Б л а ж е н и н а
(подняв руку)

Товарищи!

П о п о в

Без промедлений!

Б л а ж е н и н а

Товарищи!

В е ш н е в

К черту в ящик!

Ч у б
(методически)

Дорогоой воождь всех трудящих
Товарищ В. И. Ульянов-Ленин
Сказал: «Факт — это вещь упрямая».
С своей стороны, объявляюсь прямо:
План Белоярска решен прогрессивно
В смыслáх отрицательных.
Это есть факт.
Об этом мною подписан акт.
Пущен приказ. Припечатан гривной.
И значит, товарищи, с подлинным верно.

К р и к и

— Как бы не так.
— Могли бы и сами.

П о п о в

Нужен контакт
Вождя с бойцами.

Ч у б
(хладнокровно)

И значит, товарищи, с подлинным верно.

Г о л о с а

— Губят коней.
— Каж дён буремёты
— Что ж ты. Чего ты.
— Будя... Конец.

— Целые месяця
Шли за тобою.
— Красноармейцы
Требуют бою.

Все

Бою, бою, бою, бою!

Чуб

И значит, с подлинным верно, товарищи.

Крики

Будя!!

Чуб

Товарищи!

Крики

Конец!

Чуб

Товарищи!

Попов

Мы не позволим...

Чуб

(перекрывая всех своим зыком)

То! ва! ри! щи!!!
Это ми́тинг или кадры бродяг?
Рабоче-Крестьянская Красная Армия
Будет слушать свойво командарма,
Который сказав, оно й будет так!

Молчание.

Слово берет комиссар.

Блаженина

Товарищи!
Не превращайте ми́тинг в базарище.
Имеется штаб, у которого линия;
Имеется воинская дисциплина;
А вы хотите толочь толокно,
Устроив правление батьки Махно?

Ковальчук

Тут анархисты!

Котелин

Долой!

Куница

Заклеймить их!

Блаженина

(продолжая)

Товарищи! Этот летучий митинг
Устроен с тем, чтобы вам разъяснить,
Как извивается, так сказать, нить
Соотношения сил в Европе.

Голоса

— Слышали!
— Знамо!
— Сладкий сиропик.
— Опять про знамя...

Блаженина

А вам желательно что-нибудь вроде
Отчета командованья? Увы.
Теперь во главе не их благородья,
А сами трудящиеся — и вы
Верьте в них, несмотря на усталость!

Ковальчук

(махнув рукой)

Погиб человек — одно горло осталось.

Блаженина

Какое там горло? Бросьте шуметь!
Конечно, товарищи, честь вам и слава,
Что, и не слыша трубную медь,
Вы рветесь вперед вулканической лавой,—
Но раз командиры вас не ведут,
Значит, на то существуют причины.

Вешнев

Которые скрываются от низменного чина...

Попов

Отчего комиссары частей не войдут
С докладами по эскадронам и ротам?

Блаженина

Нельзя же, товарищи, всем народом
В краю, где распылен шпионаж,
Вдруг обсуждать военные тайны.
Да вот, например, хоть и этот, крайний:
(Указывает на Вешнева.)
Наш человек или нет?

Вешнев
(нахально)

Наш!..

Смех. Вешнев с наигранным недоумением пожимает плечами и ретируется, провожаемый подозрительными взглядами красноармейцев. Напряжение готово рассеяться, но в этот миг, отстраняя Блаженину, на трибуну вымахнул начдив Бой[1].

Бой

Бойцы!

Голоса
(восторженно)

Бой! Да здравствует Бой!

Бой

За кого мине держите?

Голоса

— За героя!
— Хочь на рога, абы с тобой.

Бой

Скажет ли кто, шо яму рою
Чубу или другим кому?

Голоса

— Никому.
— Ныкóму.
— Ни!
— Никому.

Бой

Бойцы! Вчóра, согласно приказу,
Я объявил командирам бригад,
Шобы ни всадника за перекат
Без приказанью — йначе казнь.

---

[1] Описка автора. Бой — комбриг. *(Ред.)*

Объява прошла по всем кордонам,
Батальонам и эскадронам.
Вот тут Чуб говóрил за факт...
Бойцы — шапки!
Умер Доронов.
Ночью с одним из своих эскадронов
С полной надеждой он вышел на тракт,
Накрыл батарею у речки Ямги,
Срубил прислугу и снял замки.
А я подтверждаю —
согласно приказу,
Я ж объявлял командирам бригад,
Никто шоб не лазил за перекат
Без приказанью — потому ж казнь!
Бойцы! Бой — людина тверёзый.
Бой на ветер не брешет угрозы.
У Боя слово скрозь зуб не споймать.
Ну давши — зарежу рóдную мать!
Садюся на коника — к нему.
«Ты?» — «Я». — «Айда на расплату».
Скинул он, значить, казенную платью.
Эх, перетак через мрак ды в тьму —
Вынул наган я — а сам плачу.
Ктось повидал его — знает того:
Роскошный мужик был...
Грудинка — во!
Собрал я рóбу и пару бот [1].
«Простите, говóрю, товарищ Доронов;
Не я бью — революция бьет».
А он, великатно так ручкою тронув,
«Брось,— говóрит,— скука заела,
Делай свое революционное дело».
От этих его золотых лозунгóв
Вскричал я «ура»
и, как был, с коня —
Всадил. В героя. Четыре. Огня!
И теперь мой вопрос до Чуба таков:
Раз — что еще нам сапки тупить,
Придется всех чисто героев побить!
И это не факт, а на самом деле.
Бойцы, извиняюсь!
(Бой под овации сходит с трибуны.)

[1] Р о б а — любая одежда; б о т ы — любая обувь (южный приморский жаргон). Это и последующие примечания автора.

Котелин

Мне слово! Котелин!

Чуб

Слово Котелину.

Котелин

Стыд и страм!
Да здравствуют, робя, Совдепы и прочее!
Мы, робя, кто? Одно слово — рабочие,
Одно слово — темень дуре сястра.
А в штабе людь-то нас потолковя;
Они нам отцы — мы ихние дети.

Голос

Хороши дети,
Да некуда дети!

Крики

Долой Котелина, черта такого!

Голоса

— Брось трепаться!
— Экая пря!
— Губарева давай!
— Губарев.
— Губаря.
— Губарь.
— Губу.
— Даешь Губарева.
— Начдива Железной!
— Вали, чернобровый!
— Начдива Железной.
— Котелину смепой.
— Даешь Губарева!
— Всенепременно...

Чуб

Товарищи, ликвидируйте рев:
Слово имеет товарищ Губарев.

Аплодисменты, крики, восторженные свистки. Губарев всходит на трибуну. Говорит на «о»; вместо «своё» — «свое», вместо «свое-во» — «своего» и т. п.

Губарев

Товарищи, я, как сказать, не оратор.

Голоса

— Не прибедняйся.
— У нас не киятр.

Губарев

Я не оратор от слова «орать».
Но пашню ваших мозгов проорать
От слова «орало» — на то я оратор.

Смех.

Второе. Плохо, коль думают вслух.
Мыслящий вслух — не имеет заслуг.
У каждого шарик на разном месте,
Смекалка у каждого по уму,
Так ежели будем думать все вместе —
Оно и выйдет не по-чьему.
Поэтому плохо, коль думают вслух!
Думать вслух — бедовать за двух.
Третье. На свете дураков нет.
Вошь и та понимает, где скусно.

Смех.

Ведь коли с искусным да ты не искусный —
В два счета тебе наступает конец.
Отсюда, товарищи, мое третье:
В жизни живых дураков не встретите.

Смех.

Важно одно: чтобы общая цель...
Раз она есть — в нее-то и цель.
Еще что важно? Чтобы за класс
Орлом глядел командирский глаз.
А все остальное, товарищи, мелочь.
Главное — мы! Главное — сделать.
Дельно удумано? Хорошо.
И всем хорошо. Удумано худо?
Да каждый свое выполняет на чудо —
Опять хорошо. Главное дело —
Делай свое и не при на рожон.
Скажут: в атаку — в атаку иди.
Скажут: сиди — ну и сиди.

Мамаич
(ехидно)

А ежели скажут ходить на руках,
То, стало быть, э... ходить али как?

Смех.

Губарев

А чем же рука глупее ноги?

Мамаич

А коли не можу?

Губарев

А ты моги.

Мамаич

Вот те драсьте!

Голоса

— Ай да Мамаич!
— Ну-ка, ответь ему!

Мамаич
(степенно)

Что ты, сынок?

Губарев

Мартышку видал? И вовсе без ног —
Четыре руки. А поди-ко, поймаешь?

Хохот. Аплодисменты.

Вешнев
(восторженно)

Всех одурачит!

Попов

Это уж так.

Голоса

— Башковит.
— Губа-то? Мастак.

Блатак

Губа — не дура.

Вешнев

Прощения просим.

Губарев

Давай, давай.

Вешнев
(ехидно)

А почем ноня соль?

Смех.

Губарев
(улыбаясь)

Не знаю, друг, не моя мозоль.
Есть еще какие вопросы?

Пауза.

Нет? Ну, простите, коли надоело:
А все ж запомним: главное — дело.

Аплодисменты.

Чуб

Губарев, лапу. Спасибо за службу.

Губарев
(неохотно)

Ладно, жуй, пока горячо.

Чуб

Определенно. А где старый черт?
Ага. Ну вали.
Да не сядь там в лужу.
(Зычно.)
Выступает партизан Митяй!
(Комиссару.)
Лариса!

Блаженина

Что?

Чуб

За ним примечай.

М и т я й
(всходит)

Здрасьте воочию,
Интеллигенты, крестьяне, рабочие,
Лумпыри и всякие прочие,
Личной корыстью неопороченные,
До социализму очение охочие,
Но насчет выдержки — черта с два.
Ничего-то у вас не получится,
Запомните мои словеса: на ветер не лаю, стар уж,
Чиненый, ковырянный,
Битый.
Словцо мое ни мало́, ни велико,
С медком да румянцем, круглого лика,
Секрет же его — вбивать панталыко.
Слушай же, непутевая клика,
Что́ говорит перелетный калика,
Небезызвестный дед Митяй.
А потом можете делать, что кому вздумается: не всю же вам жизнь под мою дудку плясать — не так ли, ась?
Ты, рыжая чуйка!
То-то!

Должон с обидою молвить про нас я,
Что мы, кавалерия, коли признаться,
Самая непутевая нация,
Ибо, привыкши с ветрами гоняться,
Никак не запомним числа шашнадцать.
А в этом, товарищи, вся бяда.
Потому, кто грамоту понимат и до
Шашнадцати счет превзошел, завсегда
помнит:
«Дело мое — шашнадцать, когда
призовут, тогда и отвечу-с».
Ясно?
А мы?.. Иной воробей из Жиздры —
Зад неопёрен, а смотрит в министры,
И обо всем эдак ладно, быстро:
(Виляет задом.)
«Мы, да я, да я-ста, мы-ста».
А в каждом словенке ошибок триста.
Но попробуй-ка исправить — засмеют!

Как же, мол: генералишка бить,
а нам самим не командовать? А того
не поймут, что генерал-то один,
а нашего
брата — казнь египетская, где ж тут
скопищем
командовать?
Черти!
Оружие наше — словцо недлинное:
Наше оружие — дисциплиния,
А коли боец ты, а не Акулина,
Забей в башку себе крепче клина:
Есть клубника и есть земляника —
Обе красны, да несхожий рост.
А так все одинако — пупырышки, волоски,
шапчонка; да цена-то им, братики,
разная: одной руб да кóпа, а другой
хвостик укропа, да и с того, гляди,
сдачи
потребуют.
Шутка?
Вот вам побаска, да бубличков вязка,
Да мед, да пир — на весь на мир,
Да еще две ноздри в придачу,
А коли угодно и целый нос.
А нам кончение...
Все-с.

Сходит. Жидкие аплодисменты. На коне въезжает комрот Деверин. Жесты отчаянного бессилия заменяют ему слова.

Деверин

Братцы! Что ж это?

Секунда молчания. И вдруг все почувствовали в его надрыве что-то гораздо большее, чем слова: это был крик души всей армии.

Крики

— Правильно!
— Верно!
— Предательство выжигай!
— Долой командарма!
— Качать Деверина!

Вешнев

Ребята! Переизбрать вожака!

Мамаич

Пущай Губарев!

Вешнев

Любомирский лучше!

Мамаич

Пущай Губарев!

Крики

Губарева пора!

Попов

Бел-Конь-Любомирского!

Деверин
(истошно)

Граждане люди!
На Белоярск! Ура!
(Падает с коня в конвульсиях.)

Голоса

— Это контузия.
— Эпилептик.
— Не видишь: это черная болезня.
— Воды б.
— Что вы! Сейчас ему губ не разлепите.
— Гляди, гляди-тко: волосы в дыбь!
— Царица небесная, чур нас, чур нам!..
— Накройте его, товарищи, черным.

Вешнев
(тихо, Бел-Конь-Любомирскому)

У командарма-то рать поредела.

Бел-Конь
(покосившись на Оконного)

Что-с?

Вешнев

Ничего. Я так.

Бел-Конь

Это, боец, не ваше дело.

Вешнев

Ага. А дело Чуба — табак.
(Отходит в сторону.)

Оконный
(смеясь)

Видали? Уже подъезжает парень:
Наштаб становится популярен.

Деверин, лежа на земле, выгибается до хруста костей и в беспамятстве выкрикивает слова команды.

Деверин

Любимая рота!

Голоса
(как эхо)

Любимая рота...

Деверин

За дело народа!

Голоса

— Народа...
— Народа.

Деверин

За мною, ленинские сыны!
Пулеметы!

Ковальчук
(не выдержав)

Мы здесь!

Деверин

Первый номер!
(Замирает.)

Бой

Ух же ж сила! Роскошные сны!

Голоса

— Что делать, ребята?
Неужто же помер?
— Может, надоть водицей облить?

Деверин
(встрепенувшись)

Рота-а: пли!

Со всех сторон раздались нестройные выстрелы, выпущенные почти бессознательно.

Голоса

— Ура, подымайте!
— Деверин, ура!
— С тобой по команде
Пойдем в ураган!
— Салют облаками!
— Комрота Деверина
Мы облекаем
Нашим доверием!
— Да! здра!
вствует вождь!
— Ура!..
— Даешь!

Какой-то паренек истерически пляшет, растягивая гармонь.

— За хлеб! За мир!
Пройдем! Весь мир!
Сквозь огонь! Живьем!
По-новому заживем!

Деверина поднимают с земли и держат на плечах.

Бел-Конь
(осторожно)

А что вы, Оконный, имели в виду,
Когда говорили об этом парне?

Оконный

А то, что он верит в вашу звезду.

Бел-Конь
(успокоившись)

Ах, так.

Оконный

А вы думали?

Бел-Конь

В нашей армии
Попадается всякий сброд,
В частности, брызги прежней знати.
Мне показалось, что вы его знаете.

Оконный

Я? Вот этого? Наоборот!
Мне показалось, что он вас знает.

Блаженина

Товарищи!

Крики

— Комиссара долой!
— Не слушать ее!

Попов

Опять про знамя?

Блатак

Киска! Езжайте домой!
К маме!

Блаженина

Товарищи!

Крики

— К черту киску!
— Даешь уполовник!
— Ложку!
— Миску!

Хохот.

Блаженина

Командарм желает слово сказать!

Попов

Чуб ей зять!

Вешнев

Куды! Полюбовник!

Чуб
(невозмутимо)

Отлагая, товарищи, у перспективу
Весь бандитизм сего выступления,
Я отнюдь не даюся диву,
Ибо, как сказано в томе у Ленина,
«Нужно помнить, что к чему!».

Попов

Не исключая и этой цитаты,
  Которая ни к чему.

Голоса

— Ему бы крашче по вмэршим читаты!
— Правильно! Ты скажи, не мусоль.
— Говори дело!
— Самую соль!

Чуб

Я выяснил, товарищи, об инициативе
Солдатдвижения вверенных частей.
Тут выступляли комбриги, начдивы —
И не было линии более чистей.
Все они матерые, ярых профессий,
Но отражали добрые прогрессы.
И ихний призыв дисциплинарно вперед
Хоть минимум у эскадронов и рот
Поднял форсировку влияний в крови
Плюс преодолевши злобные виды.
Но вырос над вами Деверин — и увы:
Губаревизм делов не увидел.

Ну, что ж, дорогие. Может, я стар?
Курс на молодость? Новый состав?
Факт! Исключительно тольно напомню
Про нашу первую кучку — и к ней
За год сбившись также огромную
Вольницу в десять тысяч коней.
Кто это, товарищи, организувал?
Кто вас провел скрозь огненный шквал
Белых, черных, зеленых и прочих?
Кто припаял к диктатуре рабочих?
Может быть, ты! А? Что? Или ты!
Ну? Из другого состава литы...
Я был водитель массовых войск,
Бессмертный. Ваш. Дорогой. Диктатор,
Рабоче-крестьянин от царских каторг —
Я! А теперь у вас ставленник свой?
И я уже лишний? Ну, что же. Я лично
Сам передам ему знаки отличности.
На!
(Снимает с груди алую ленту.)

Вот этая алая лента
Полностью и целиком легенда.
(Отцепляет наган.)
А этот наган не менье того.
Возьми ж и води крутогорьем и рвами.

Деверина подносят на плечах. Он протягивает руку. И вдруг Чуб стреляет в него в упор. Окутанный дымом, Деверин опрокинулся на руки бойцов.

Ну! Вы желали иметь *его?*
Пускай же теперь командует вами.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Хата командарма. Бел-Конь-Любомирский делает доклад Чубу. Подле него Оконный. Далее Блаженина и дед Митяй.

Чуб

Согласен. Дале.

Бел-Конь

Дальше по теме
У меня в папке вопрос эпидемии
Тифа.

Чуб

Так. Созвать докторов.

Бел-Конь

Ну, что доктора? У нас ни дров,
Ни сколько-нибудь приличной больницы.

Чуб

Расход заразы?

Бел-Конь

Статистики нет,
Но тиф среди нас, так сказать, на коне.
Он может в любой момент прокатиться
По фронту, ибо на пятом пути
Три эшелона сыпнотифозных.
Трупы. Рвота. Гниющий воздух.

Больные бегут. Но куда им пойти?
В двух словах: если это продлится
Еще неделю — наши позиции
Будут отстаивать мертвецы.

Митяй

Батюшки светы! Святые отцы!

Блаженина

Отправьте на север.

Бел-Конь

Увы: невозможно —
Северные пути искорежены.

Чуб

А если в обход?

Бел-Конь

Эти забиты
Снарядами для предстоящей битвы.

Чуб

Созвать докторов! Уничтожить тиф!

Бел-Конь

Опять? Но это же паллиатив.

Оконный

Да и лекарства-то: соль да клевер.
Клизмой лечим и этих и тех.

Чуб

Какой же выход?

Блаженина

На север, на север!
Реквизировать сотню телег...

Митяй
(усмехаясь)

Только-то? Сотню?

Бел-Конь
(ей)

А тысячу сто?!
Соображаете? Эпидемия!

Чуб

Что же нам делать? Делать что?
А? Как скажете, академия?

Бел-Конь

Выход один: взять Белоярск.
Но я смущен: вы глядите, как барс...

Чуб

За Белоярск не может быть речи.

Блаженина

Но почему? Атакуем заречье,
Конница Боя в предутренней мгле
Начнет операцию с правого фланга...

Чуб

Цыпочка: Белоярск — приманка,
Белые хочут поймать в дефиле.

Блаженина

Но это же ваше частное мнение.

Чуб

Но я ж командарм тем не менее.

Пауза.

Слева озеро, горы справа.
За ними этот барон, фон Брук,
Нас поджидает, как муху паук.
Мы кинемся к бою нашей оравой,
А те как дунут всею дугой —
Аж на молитву шапки долой!

Митяй
(осторожно)

Может, нам их оставить так?

Чуб
(с надеждой)

А? Может, все это архипустяк?
Подумайте: наши — рязанцы, тверцы,
Тульцы, калужцы...

Бел-Конь
(неумолимо)

Если продлится
Еще хоть неделю — наши позиции
Будут отстаивать мертвецы.

Молчание.

Чуб

Так. Значит, тыл у меня в тифу?
(Блажениной.)
Да брось ты грызть свои ногти! Тьфу!
Стоит и жует над ухом.

Блаженина
(смущенно)

Простите.
Это я с детства.

Чуб

А ты бы, дите,
Вымела с нашей хаты сметьё:
Вешнев, Саенко, Никифоров, Дитин...
Белый на белом! Заметно враз!
Однако живут промеж наших масс,
А комиссар среди их, прожженных,
Сосет себе лапу, как медвежонок.

Пауза.

Значит, дорогу на север заело?

Бел-Конь

Увы.

Чуб

Отправить нельзя?

Бел-Конь

Нельзя.

Чуб

Плохо дело... Плохо дело...
Закройте окошко! Плохо, друзья.
Окошко закройте! Ты! Тимоха!

Митяй

Я не Тимоха.

Ч у б

Ах да, Митяй.
Плохо, плохо, плохо, плохо,
Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй..
Они уж не выздоровеют? А может!
А вдруг и выздоровеют?

О к о н н ы й

В гробу?

Б е л - К о н ь

Они страшнее любой пристрелки.
Поймите: нашего фронта судьбу
Решают секундные стрелки.

Ч у б
(стонет)

М-м...

Б л а ж е н и н а

Положение дикое...

Ч у б

Ох!

М и т я й

Сгинем, поди-ко. Помилуй бог.

Ч у б
(вскакивая)

Нет, братва. Что-то стали мы куцые.
Разве ж тут допустимо — *весы!*
Вопрос: армейцы или мертвецы?
Ответ: армейцы.
Пиши резолюцию!
Мямлют чегой-то. Ведь там у них мор.
Секунда больше, секунда меньше,
Жизни-то нет! Какой разговор?
Молчишь? Боишься интеллигенщины?
Сядь. Пиши.
(Диктует.)
«Наличный состав,
Погру́женный сыпнякам, отправить
За Черную Горку...»

Митяй

Это где заводь?

Бел-Конь
(записывая)

Прикажете, может быть, точку?

Чуб

Ставь.

Бел-Конь

А как наступать? Я предлагаю:
Железной выйти к Черному Гаю,
А коннице...

Чуб

Не об этом речь!
Пиши: «К сыпнякам подкатить на карьере
Орудия полевой артиллерии,
Каковым эти составы сжечь».

Блаженина
(ахнув)

Сжечь?

Бел-Конь

Составы?

Оконный

Сыпнотифозных?

Блаженина

Где мы, товарищи? На Луне?

Чуб

Выздоровеют они или не?
Можно лечить их еще или поздно?

Блаженина

Ах, да оставь ты это, чудак!

Чуб
(ей)

Так говорю я или не так?

Блаженина

«Сжечь составы!» А? Батареей!
Сказал — и все. Безо всяких прикрас.
Да я бы... Я б умерла скорее,
Чем разрешила приказ.

Чуб
(коротко)

Что ж ты советуешь?

Блаженина

Ох, и горяч...
«Сжечь!» Немыслимо...

Чуб
(устало)

Угомонись ты.
Что ты советуешь?

Блаженина

Я не врач.

Чуб

Я тебя спрашиваю, как коммуниста.

Блаженина

Надо было спрашивать тогда, когда часть...

Чуб
(грубо)

А я тебя спрашиваю сейчас!!
Вы ж образованные. Студенты.
Так помогайте ж моёй темноте!

Митяй

Помогут... Им лишь бы очкп-то надеть.

Чуб

Чего?

Митяй
(оробев)

Очки, говорю, надеты.

Блаженина
(в крайнем волнении)

Мне девятнадцать лет. Это зло.
Опытом тут невозможно клясться.
Ведь я же, если на то пошло,
Всего гимназистка восьмого класса.
Но не глядите, товарищи, хмуро —
Это не значит, что я дитя:
Я постигаю суть бытия
Опытом русской литературы,
А опыт этот — великий! Святой!
Пушкин, Белинский, Герцен, Толстой —
Все они ставили выше всего,
Выше счастья — любовь к человеку.
И вот развернулось их торжество
В гуманизме нашего века.
Да, их голос притих, даже нем
В этих событиях грозных;
Но разве я оскорблю их тем,
Что срежу секунду у сыпнотифозных?
Разве мы обрываем нить
Нашей эпохи с прежней культурой?
Или величие русской натуры
Мы собираемся похоронить?

Чуб

Брось ломаться.

Блаженина

Вы это... мне?

Чуб

Эта петрушка мне опостыла.
Мы на войне. Поняла? На войне.
Сыпнотифозные бьют меня с тылу,
Мать их в бога-душу-завéт...
Что же мне делать? Дай мне совет!

Блаженина

Надо. Взять. Белоярск!

Чуб

Нельзя.

Блаженина

Надо! Немедленно! Чуть забрезжит!

Чуб

Ты, комиссар, закрываешь глаза:
Мы занеслися — и нас отрежут.
Я ж тебе объявлял не раз.

Блаженина

А вдруг не отрежут?

Чуб
(грубо)

Довольно фраз!

Пауза.

Ты себе думаешь: «Чуб — зверь».
А? Сознавайся! «Чуб — это изверг!»
Кровавую клятву даю, поверь:
Я плачу за эти разбитые избы,
За кажного выбитого телка,
За кажную выжженную осину.
А этот расстрел — такая тоска!
Не пожелаю ни внуку, ни сыну.
Но что же делать? Стоит вопрос:
Они или мы? Да мешает кочка.
Но я пролетарий. Я разумом прост.
Я отвечаю: МЫ! И точка.
(Начальнику штаба.)
Так вот, говорю, Николай Петрович,
Просьба: сготовьте этот приказ.

Блаженина

Я его отменю.

Чуб

Вот новость!

Блаженина

Беру на себя.

Чуб

Но, но, не брыкайсь!
Знаешь меня?

Митяй
(тихо)

Ого! Еще бы.

Чуб

Ты кто у меня? Ты политучеба.
Вот и вонзай в черепушки сверло,
Я в твое дело не лезу.
Но и не суйся в мое ремесло:
Тут уж я, цыпка моя, железо!

Блаженина

Не смейте так меня называть!

Чуб

Не важно. Пусть будет страус.
Хочешь Коммуну организувать
Без всяких таких затрат? Звиняюсь!
(Передает приказ начальнику штаба.)
Так вот, говорю, Николай Петрович,
Развейте этую мысль подробней...

Блаженина
(Любомирскому)

Дайте сюда!

Чуб
(спокойно)

А как же тиф?

Блаженина

Выход найдется. А вы — вы скиф!
Гунн! О, господи...
(Вырывает приказ из рук начальника штаба и рвет в куски.)
Отменяю!

Митяй
(испуганно)

Ого!

Чуб

Я разрешил ей сам.
(Блажениной.)
Но помни: белогвардейским псам,
Ихнему пулеметному лаю
Нужно тебя заманить в свою пасть.
Выйти в атаку — значит, пропасть,
Значит, открыть дорогу для рейда,
Значит, пустить кровавого бреда

На наших жен, детей, матерей,
Значит, предать суседние части...
И все через этих, через несчастных
Сыпнотифозных.
Думай скорей.
Тиф помогает белым, как может.
Даю тебе час. Смотри: через час
Я подпишу этот зверский приказ —
А уж тогда — сам черт не поможет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Канцелярия начальника штаба. Оконный у телефона, Блаженина просматривает списки сыпнотифозных.

Оконный
(диктует)

Андреев,
Андреев,
Андреев,
Андреев,
Комиссар Антиус вместе с женой,
Арабов,
Арапов,
Арбузов,
Арбутов,
Аржанов,
Аржанцев,
Аржан,
Аржаной...

Блаженина
(просматривая бумаги)

И это... это все за сегодня?

Оконный

А как же? Апрель девятого дня.
Причем заметьте: вторая сотня.

Блаженина

Но Белоярск... Ведь там западня!
Панкрат Пантелеич прав.

Оконный

Командарм

Прав, дорогая моя, как всегда.
Действительно: дефиле под ударом!
Справа — гора, слева — вода,
А уж с воды ли, а уж с горы ли
За арсеналами арсенал!
Но то, что вы вчера говорили...
О! Потрясающе! Я записал.
(Достает свою книжечку.)
Вот оно! Нет, не это... Постой...
(Нашел. Читает.)
«Пушкин, Белинский, Герцен, Толстой!
...Да, их голос притих, даже нем
В этих событиях грозных.
Но разве я оскверню их тем,
Что срежу секунду у сыпнотифозных?»
Лариса! Лара! Какие слова!

Конферансье
(свистнув)

Так вот откуда Лариса-то эта.
Влюблен писаришка.

Оконный

Я жил, как сова...

Конферансье

Сова, но достойная все же сонета.

Блаженина
(грызя ногти)

Бросьте слова. Подскажите дело.

Оконный

Я? Писаришка?

Блаженина

Который час?

Оконный

Пять.

Блаженина

Их отвага не знает предела.
Если бы выйти и крикнуть сейчас:

«Гей, ребята: Васька! Павлушка!» —
Все, как один, рванутся сквозь гром.
(Потирая виски.)
Господи... Но ведь там ловушка!

Конферансье

Ловушка и смерть.

Оконный
(как-то вдруг встрепенувшись)

А что ж? И умрем!

Блаженина

Как вы сказали? Умрем?

Оконный

А что ж?

Конферансье

Однако во имя чего?

Блаженина

А во имя
Тех часов, что не до́житы *ими*.

Оконный
(экстатически)

Слушайте: можно ли всаживать нож
В сыпнотифозного, со вчера еще
В судорогах умирающего?
Ведь он способен свой смертный час
Наполнить таким клокотанием жизни...

Блаженина
(подхватывая)

Испить из таких граалевых чаш,
Каких обывательские слизни,
Переползающие через сад,
За все свои годы не ощутят!
Время... Оно относительно, да?
В минуту иную вместятся года.
Вот умираю. Последний градус.
Но даже и здесь не погасла радость:
Жизнь уходит от гор и ущелий
В точку! В пуантилизм ощущений!

Оконный
(подхватывая)

Допустим, что точка эта — слеза.
Но мне она чудится телом небесным,
В ней по морям и сияющим безднам
Льется пузырчатая лоза,
Сквозная, бесцветная, с формой дракона...
(Знаешь: от нервности в поле зрачка
Всегда мельтешит что-то такое,
Вроде стеклоидного стручка.)
Ты вниз — она вниз. Ты вбок, она вбок.
Ты в центр — она прячется. Чуть ли не тает.

Блаженина
(подхватывая)

И снова парит, как диковинный бог
Сказочного Китая.
И я, за десять минут до конца,
На слезной планетке —
слушай, Оконный! —
Со всем упоеньем гоняю дракона
По кругу оптического кольца,
Как дрессировщик.
Я поняла,
Что счастлива. Я готова смеяться.
Мне хочется с ним у фотографа сняться,
Но сердце падает до нуля...

Конферансье

Черт меня побери сто крат!
А? По-каковски они говорят?
По-русски? Китайски? По-датски?
Какие-то пузыри, подвески,
Какие-то блики... А я — не я.
Тут не amant [1] и его подруга,
Но как они понимают друг друга!

Блаженина

Сердце падает до нуля...

Оконный

А? До нуля? Но ведь это чудо!
Я никогда не подозревал...

[1] Возлюбленный *(франц.)*.

И вдруг этот Чуб! Его огненный шквал!
Для Чуба они только жалкая груда.
Но там — озаренье последних минут...
Т-тваж, виденпе, точно комета...

Блаженина

Там даже свой предсмертный уют!
Вы понимаете это?
Но я тоже женщина. Мм... Проклятье!
К самой душе приросло мое платье.
О, если б вы поддержали меня —
Милый!

Оконный
(оробев)

Да, но ведь там западня...

Лариса резко отвернулась от него, подошла к окну и замерла. Часы прозвонили шесть.

Так. А куда же денутся ночи?
А как же касательно черной бессонницы?
Мое сумасшедшее одиночество?
Жизнь моя мимо зорь и березок,
Сосредоточенная в папиросах?
Носить двадцать лет за ушком перо,
Страдать, как люди страдают гриппом,
Хроническим канцелярским скрипом,
Ходить в кино, даже в баню порой,
Играть по маленькой благородно,
Плешиветь, лысеть —
но безысходно
Существовать за скобками... О!
Верить,— т-тваж — лунатически верить,
Видя житьишко свое сквозь бельмо,
Что вся жизни́шка моя лишь преддверье
К чему-то огромному!
И вдруг
Все это упустить из рук?
Сдаться, не разыграв сражения?
(Со стоном.)
Нет!
(Бросается к комиссару.)
Лариса!

Блаженина
(не оборачиваясь)

Для вас — Блаженина.

Оконный

Я с вами!

Блаженина
(обернувшись вполоборота)

Вы все продумали?

Оконный

Да!

Лариса внимательно поглядела ему в глаза, с минутку подумала и вдруг распахнула дверь в кабинет Бел-Конь-Любомирского.

Блаженина

Товарищ наштарм!

Любомирский появился на пороге.

Подите сюда!

Любомирский входит.

Блаженина
(экзальтированно)

Внимание: вы, Оконный и я,
Очень тактично, а нет — так и грубо
Во имя всей полноты бытия
Арестовываем Чуба!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Железнодорожное депо с мертвым локомотивом, приспособленное под госпиталь. Умирающие лежат вповалку на цементном полу. Стоны, вздохи, бредовые выкрики. Среди живых и мертвых мечется санитарка Маша.

Голоса

— Машенька, утку!
— Машка!
— Маша!
— Утку!
— Пить...
— А где тут «параша»?
— Ма-ань!

Маша

Сейчас, говорю, сейчас.

Голоса

— Манечка... Ой... Я ведь тоже с Буга...
Дай водички...
— Манька, белуга,
Прошью тебя с пулемета враз!!

Маша

Да что вы, скаженные? Есть у вас совесть?
А? Налетели, как те грачи.

Ковальчук

Братцы! Зачем это к Машке суровость?
Лучше спросите: а где врачи?
Сестры где? А она санитарка.

Голоса

— Правильно!
— Санитарка она,
А лечит, вишь ты, за всех одна.
— Утку, Машенька.
— Душно... Жарко...

Боец
(бредит)

Смерть-старуха... Достать рукой...
Идет, подпирается этим... клюкой.
Вон она! Я ж ее вижу: старушка.
Идет, идет. Подпирается клюшкой.

Голоса

— А я, коли выздоровею — месть!
— Выздоровеешь... Карман пошире!

Блатак

Депо́! Меж вас одесситы есть?

Голос

А что? Охота подебоширить?

Блатак

Скучно, депо, умираете. А?
«Машка» и «Машка»! Скучно... Пресно...

Были бы, скажем, мои братья́,
    Мы бы запели песню.
И что это мне за такой удел?
Братан хлебанул урагану в море,
Брательник шикарно на взрыв налетел.
А я? От вшей погибаю в изморе.
И хоть бы люди были кругом,
А то ж одна сухопутная скука,
    Разрази ее гром!

Голоса

— Песни? Тебе ихахошки, сука,
А здесь умирают, а не поют!
— Как и споешь, коли на́ сердце пуд?

Боец
(бредит)

Глянь в окошко... Увидишь аллею...
Старушка-смертушка там...

Блатак

Ну, и что ж?

Боец

Сюда ковыляет.

Голос
(со вздохом)

Уж тут не споешь.

Блатак

Э, нет! Буду петь, пока околею.
(Поет.)
Не люблю я молотить,
Люблю я подмолачивать,
Не люблю я воровать,
Люблю я подворачивать.

И-эх лимончики,
Вы мои лимончики!
Где ж вы растете?
В Сони на балкончике.
Мои лимончики,
Мои лимончики,

Где ж вы растете?
В Сони на балкончике...

Ковальчук

Слышь, Одесса!

Блатак

А?

Ковальчук

Брось.

Блатак

Не понимаю.

Ковальчук

Ты кто: матрос?

Блатак

Я вор-чародей из преступного мира,
А щас — гражданин де-ла республи́к.

Ковальчук

Ага. Не акула уже, а балык?

Блатак
(спокойно)

Ты что — задираться хотишь? Ну, вира!
(Поет.)
Ой, Одэсс! ой, Одэсс!
Три «лимона» за отрез,
А за шубку с леопардов
Сто семнадцать «лимонардов»...

Ковальчук
(с трудом, но решительно подымаясь на колени)

А ну, замолчать!

Блатак

Ты имеешь понятье?

(К окружающим.)
Умирающие! Я желаю петь.
Теперь свобода. Все люди братья.
А этот типчик, как белый медведь,

Встает на дыбки. Но здесь же не тундра.
А? Умирающие!

Ковальчук
(вскинув ручной пулемет «томпсона»)
Полундра!
(Дал одну очередь поверх голов.)

Голос

Ты что! Больной?

Блатак

Я отвечу так:
Хоть я, по-одэсски скажем, «блатак»,
Но я вас видал приходить на митинг
И понял, что вы промеж серых Митек
Близкая до меня душа.
Я слушаю вас. Дорогие: ша!!

Ковальчук

То, что парень страдает за песни,
Это неплохо. Я сам матрос.
Мы пели в тюрьме. Мы пели на Пресне.
Но песня песне, товарищи,— розь,
Под эту, которая про «лимонарды»,
Я помирать не хочу.
Хочу я под песню об Красной гвардии.

Голоса

— Утку!
— Маша, подай свечу:
Здесь тараканы.

Ковальчук
(с *революционным пламенем)*
Воля ваша,
А петь я все-таки *буду!*

Голос

Ма-а-аша...

Ковальчук
(запевает)
Шли. Три. Матроса.
С буржуйского плена,
С буржуйского плена

Домой.
Ай, дири-дара...

Голоса

— Машка! И где ж ее черт гоняет?
— Машенька, уберите хоть труп,
Нету сил моих как воняет!
Третий же день!
— Напиши в Стародуб:
Воняющий — родом оттуда.
— Брось зубоскалить!
— Лярва!
— Паскуда!

Ковальчук пообождал маленько
и запел с еще большим чувством.

Ковальчук
(поет)

И только вступили в Се-
вастопольскую бухту —
Как их споразило грозой.

Сказал один матросик:
«Мне нету больше мочи,
Мне нету больше мочи
Так жить...
Ай, дири-дара!
Заплакали горько
Их карие очи:
Кадеты с нас веревки будут вить».

Кое-какие голоса подхватывают конец.

Сказал другой матросик:
«Ведь мы проиграли,
Ведь мы жа проиграли
Войну!
Ай, дири-дара.
Советское знамя
Варва́ры растоптали,
И Май-Борода сам в плену».

Голоса
(ведут втору)

Советское знамя
Варва́ры растоптали,
И Май-Борода сам в плену.

Ковальчук

Сказал третий матросик:
«Мы еще вернемся,
Ах, мы еще вернемся,
Хлоп вам в лоб!
Ай, дири-дара.
Оставим с вашей суши
От пупа́ —
уши,
Наскрозь перекопаем Перекоп —
Оп.
Оп?»

Голоса

Оставим с вашей суши
От пупа —
уши,
Насквозь перекопаем Перекоп...

Ковальчук

Шли три матроса
С буржуйского плена,
С буржуйского плена
Домой,
Ай, дири-дара,
И только вступили в Севастольскую бухту —
Как их споразило грозой...

Командарм Чуб стоит в дверях и молча слушает песню. Наконец песня затихла. Молчание.

Чуб

Здравствуйте, сыпнотифозные.

Голоса

— Ба!
— Начальство пришло!
— Ей-богу: начальник!

Блатак

Где у нас флейты, скрипки, труба?
Маршей бы тут величальных!!

Голоса

— Пришел, туды твою в сердце-печень...
— А раньше где бы́л?
                    — Появился, гад?!

Блатак

А что начальнику? Он обеспечен:
Вши перед ним на часах стоят.

Чуб
(спокойно)

Кончили?

Голоса

Смертью мы кончим.

Чуб

                    Тем боле.
Поговорить я с вами хочу.

Голоса

— Об чем говорить?
                    — Мы воем от боли,
А он...
          — Поболтать охота хрычу.
— Забыли вы нас, окаянные!

Чуб

Врете.

Голос

Побросили нас: подыхай — мол.

Чуб

Врешь.
Сейчас в любом эскадроне и роте
Только об вас и гудит молодежь.

Молчание.

Как обстоит вопрос? Дефиле!
Слева озеро, справа горы.
С обоих сторон в агромадном числе
Стоят, братки, орудийные хоры.
Стало быть, можно идти по нему?

Ковальчук

Нет.

Чуб

А можно ли здесь обрастаться?
Тоже нельзя. Вопрос: почему?
А через вас, дорогие братцы.
Я вызывал любых докторов.
Доло́жили точно — надежды нету:
Сыпнотифозные гробят победу.
Кто в окопе сегодня здоров,
Завтра ему же могилка в соснах,
А через сутки — братский овраг,
Ибо зараза от сыпнотифозных
Косит армию хуже, чем враг.

Голоса

— Так увезите нас к черту отсюда!
— Просим!
— Вот он стоит, паровоз!

Чуб

Это? Это ж не транспорт: посуда.

Голоса

— Леший с ним! Абы только повез.

Чуб

Некуда ехать.

Голоса

Эй! Паровозник!

Чуб

Некуда. Взорваны все пути.
Ясно? Армии гнить на кости́
Через посредство сыпнотифозных.
Все понимают это. А все ж
Крутят, вертят, правды боятся...
Видят: бьет революцию Вошь,
А сами в жмурки.

Голоса

— Холодно, братцы...
— Маша... Грелочку....

Крики

— Цыц!

— Молчи!

Чуб

Я на врачей! А что врачи?
У нас ни лекарства, даже ни ваты.

Ковальчук

Что же? Выходит, мы виноваты?

Чуб

Говорю артиллерии: так, мол, и так,
Огневики! Помогите вы хоть:
Это же ясно, ну как пятак! —
Сжечь заразу — единственный выход.
«Жаль!» — говорят. Да пойми ты, бревно:
У них, у тифозных, последние корчи!
Секунда длиньше, секунда короче,
Жизь-то кончена все равно.
Так нет же! «Чуб,— говорят они,— зверь!»
(Есть у меня комиссариха-дура. .)
А Вошь? А Вошь себе лезет вверх,
  Как в градуснике
    температура.
Вошь! Понятно?

Голос

Зачем пришел?

Чуб

Пришел? Зачем? Ах, не шел я, ребятки:
Сами к вам привели меня пятки...

Глубокое молчание.

Ковальчук

Маша!

Маша
(плача)

Ну?

Ковальчук
(ни на кого не глядя)

Пиши протокол.
(Диктует.)

«Мы, депо из сыпнотифозных,
Ввиду положений крайне серьезных
Постановляем белюге назло
Поддержать предложение Чуба».

(Ко всем.)

А?

Голоса

— Подписаться: партийная группа.
— И беспартейные!!

Ковальчук

Ставь число.

Блатак

Эй-эй! Виноват! А при чем тут я?
Я же не тиф — я же чахотка!
Это совсем другая статья...
Я не считаюсь!

Голоса

— Молчи, трещотка!
— Ну, и ступай, коли не хошь!
— Иди, иди!

Блатак

И пойду. А что ж?

(Воровски озираясь, пробирается к выходу.)

Голос

Трус!

Блатак
(иронически)

Дрефуха до беспредела...

Ковальчук

Вон отсюда!

Блатак
(словно подстегнутый)

Иду! Чом дело?

Голос Любомирского за воротами

Взво-о-од, стой!

Чуб
(прислушиваясь)

Комендантская рота?

Входит Оконный, за ним Блаженина, Бел-Копь-Любомирский, Вешнев, Попов и несколько красноармейцев.

Оконный
(Чубу)

Вы арестованы.

Чуб

Я? Приказ?

Блаженина

Незачем. Мы низложили вас
В порядке военного переворота.

Чуб

Это ж предательство!

Блаженина
(едко)

С чьей стороны?

Чуб

Но я же геройствувал для страны!
Да, средь изменщиков ваших косных
Жаждал я смерти сыпнотифозных.
Но делал это, как горькая мать!
Сами тифозники дали визу.
Правильно?

Голоса

— Правда.
— Надо понять:
Мы-то уж смертники...

Блаженина

Вы? Не вижу!
Все вы поправитесь. Все, как один.

Оконный

Сдайте оружие, гражданин.

Чуб
(грозно)

Слышь: опомнись!

Оконный

Сдайте оружие.

Чуб отцепляет наган и тем же манером, что и на митинге, направил его в грудь Оконному, но Вешнев вовремя ударил прикладом по его руке. Выстрел пришелся кверху.

Вешнев
(приставив штык к груди Чуба)

Шалишь.

Бел-Конь

Увести!

Вешнев и красноармейцы связывают Чубу руки и уводят. Попов с винтовкой остается у входа.

Оконный
(среди больных)

Ребята, ну, как?

Голоса

— Сами глядите: вконец занедужили.
— Вошь заела!

Блаженина
(улыбаясь)

Неверно, земляк:
Скоро она потеряет крепость.

Голос

С чего же?

Блаженина

Возьмем Белоярскую крепость,
А там больницы, бани, еда...
Уж мы, дорогие, такое завертим!..

Ковальчук
(задыхаясь)

А дефиле? Ведь вам же... тогда...
Смерть?!

Блаженина

А мы ее, дуру, бессмертьем!

Смех.

Бел-Конь
(тихо, Попову)

Ночью, связанным и в седле,
Как только откроется канонада,
Чуба тайно свезешь в дефиле.

Попов

А как вернусь?

Бел-Конь

Возвращаться не надо.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Оконный в кабинете командарма.

Оконный
(у телефона)

Здравствуй, Лариса. Я. Ты одна?
Ела чего-нибудь? Не голодна.
О, ты от радости б заплясала:
Я для тебя от обеда сберег
Соленый огурчик, свиное сало
Да три картошки. Помилуй бог,
Что за стеснения? Надо питаться!
Что? Да нет. Я так. Потрепаться.
Иду я сего числа домой.
Весна. Вдыхаю нашу аллею
И так-то жалею тебя, так жалею —
И все без причин. А тут предо мной
Воробей, подлец, прыг-прыг перепрыжкой!
Пухлый такой воробушек... Рыженький...
Слеза? Ну, понятно.
Но я, т-тваж, немного.
Одну, да и то... Больше сопя...
Смахнул и думаю сам про себя:
«Экое старое ты, мохноногое...»
Ага? Не хочешь. Любишь? Меня?

Ларочка! Золотко! Все имена!
Нет, и за что это мне привалило?
Девушка сильная, как Далила,
И жил себе тихонький счетовод
С пером номер два. Никого не трогал,
И вдруг, т-тваж, ты — моя, я — твой,
И оба скорбим о высокой дороге!
Я родился́ с лунатическим черепом,
Полным безвредных и сонных ужей...

Конферансье

Оконный, не тяните. Монолог уже исчерпан.
Ликвидируйте романтику и двиньте сюжет.

Оконный
(в телефон)

Вообрази: пулеметный дождь,
А с тыла, казачьей атаке хвосты́ сеча,
Триста Железной...
(Щелкнул на счетах.)
Северной тысяча...
(Отщелкнул и Северную.)
Т-тваж, минутку.
За папиросой.
Ну, одну можно. Ты не уйдешь?
Одну минутку. Ну-ну, моя роскошь!
(Бежит к шкафу, достает кисет, закуривает.)

Конферансье
(берет трубку)

Алло! Никого. Придется учесть.
Телефон для него — это только повод.
(Снова в трубку.)
Слушаю вас!
Ну, да. Так и есть.
А что, как я перережу провод?
(Перерезает.)

Оконный снова возвращается к столу, по дороге сбросив со счетов сначала Железную, потом Северную.

Оконный

Алло! Ты здесь? А я все о том,
Откуда, откуда в гражданском чиновнике,

В сердце унылом, в сердце седом
Вдруг эти чувства — чеканистые, новенькие,
Вымахнувшие чохом зараз!
Ты помнишь, наверно, на карте Зарайск?
Ну, вот. Как дохлая муха в банке,
Я шевелился в коммерческом банке,
Подсчитывая чужие рубли.
Казалось бы, этак до смерти. А?
Казалось бы... Но спасла мечта!
О-о! Трехъярусные корабли
Моей фантазии.
                    Двадцать, тридцать,
Сорок лет жить под чехлом
И в том же доме, где и родиться,
Не повидавши даже Чухлом,
Не побывавши, т-тваж, в Пошехонье —
Тип закоулочного пешехода.
Но в то же время я изучил
В паузах банковского аппарата
Звонкий такой язык — эсперанто.
И я, старитьфук, уездный чин,
Стал получать стихи и каракули,
Т-тваж, из Сантьяго, из Никарагуа,
Бывало, над паром отклеишь марки.
Тогда печати, особенно маркие,
Пустят колониальный сок
Синькалия, анилина, и́ндиго,
А ты поскорей заберешься в сон,
Чтобы в ноздрях ночевала Индия.

Конферансье

Чудесно! Легенда! Предание!
До чего поэтично! А зря...
А что будет кушать Великобритания,
Если Индию вычихнет ночью ноздря?

Оконный

Сим подтверждаю: голос мой тонок.
Кто я? Что? Гадкий утенок?
Я двадцать лет в чернильнице ныл,
Как жил бы в эпоху мотыг авиатор.
Но я разбил свою склянку чернил —
И точка! Двенадцать вагонов ядер,
Тысяча Северной, Конной пятьсот,

И Белоярска никто не спасет.
Никто, никто! Даже ваш командарм!
Ведь сердце его — барсучья нора.
Ну где ж ему справиться с Белоярьем?
Не спорь! Ему бы из-за бугра,
Милая ты моя Лариска!
Ему вернячок бы. Только без риска.
О, эти люди... Я знаю вас:
Рубль в кармане, а пьете квас.
Да и какой же вы поводырь?
Вы разве учтете оттенки событий?
Осыпь вас алмазами чистой воды,
Вы этой водой коня напоите!

Конферансье

А вы, заключивши с автором блок,
Поите этой водой монолог.

Оконный

А я? Я иду в неизведанный бой,
Жертвуя жизнью, рискуя собой.
Во имя чего?
                Уместный вопрос.
Больше того: вопрос очень тонкий.
Однако ответец мой крайне прост:
Увы: во имя своей душонки.
Да, да! На то революция. О!
Она одна мне вернула лицо.
Что? Грядущие? Ненавижу их!
Не выношу этих милых свиней!
Нам гром свои росчерки на сердце выжег,
В бою мы глотаем горячий свинец —
И все ради них? Ну а мы-то когда?
А время не ждет.
                Недели, года...
Да, я сужу со своих, т-тваж, деревьев.
Я вижу, от ярости опьянев,
Как эта банка человеческих консервов
С небрежностью высших, т-тваж, степеней
Нас критикует в удобном кресле:
«Стихи? Однотонны.
                Пьесы? Невеселы.
Наука? Предвзята.
                Быт? Никуда».

Но мы барабанны, угрюмы, линейны,
Ибо мои золотые года
Для вас, о граждане рая, взлелеяны.
Ибо мы — клуб самоубийц!
Мы смерть на себе в сладострастии тащим,
Мы жертвуем будущему настоящим...
Пить!

Комиссар Лариса Блаженина уже с минуту слушает в дверях его патетический бред.

Блаженина
(протягивая ему стакан воды)

Прошу: вы хотели пить?

Оконный
(бросаясь к ней)

Подумай о будущих. Чем они лучше,
Что им на долю выпадет случай
Родиться, т-тваж, в коммунизме? Как?
Чем, говорю я, чем виноват я,
Что родился́ в семействе макак,
Что сердце мое нуждается в вате,
Что все мы несчастны на этой земле,
Все беспризорны, все мы убоги,
Все одноглазы, все однобоки,
Что можно от дикого страха замлеть,
Если пройтись по нашим коллизиям.
Господи! Скоро ли коммунизм!
(Падает на диван.)

Блаженина
(сухо)

С кем вы беседовали так зло,
Так упоительно и пространно?
Ведь провод отрезан.
(Берет трубку, брошенную Оконным.)
Алло! Ал-ло!
Так и есть — никого. Странно.

Конферансье

Pardon, комиссар: еще минут пять.
А вас, Оконный, прошу продолжать:
Сходите с ума себе! Не отвлекайтесь!

Блаженина

Послушайте, рыжий: ведь это же гадость.

Конферансье

Но-но, уважаемая...

Блаженина

Шутовство!

Конферансье

Простите, наш автор задумал трагедию,
А что шекспировского у него,
Кроме рыжих острот, миледи?

Блаженина
(кладет трубку)

Товарищ Оконный, придите в себя.
Ну? Встряхнитесь.

Оконный
(садится)

Простите, Лара.

Блаженина

Не смейте так называть комиссара.

Оконный
(спазматически вздыхая)

Но я ж не по-чубовски... Я любя...

Блаженина

Кстати, о Чубе. Чуб исчез.

Оконный
(потрясенно)

Т-тваж...

Блаженина

Исчез. Ускакал с Поповым.
Полночью.

Оконный

Под ночным покровом?
Где же его большевистская честь?
Вот он каков, этот Чуб!

Блаженина
(устало)

Не шумите.
Его увезли. Украли.

Оконный

Как?!
Откуда вы знаете? А? Наптье?

Блаженина не отвечает.

Украли... Этакий здоровяк...
Впрочем, бояться нечего, Лара,
Эта покража — одно озорство:
Врагам от этого экземпляра
Не вырвать о наших частях ничего!
Так что...

Блаженина
(с силой)

Но я... Я любила его!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Белогвардейская гауптвахта. Чуб лежит на койке. Поет песню.

Чуб

За решеткой степь да юг.
Три аршина мне на круг.
Крыса, верная подруга,
Делит смертника досуг.

Я спокоен. Нет пути.
Жить осталось до пяти.
Только частая зевота
Хочет воздух запасти...

Пауза.

Слыхал я об Марксе, как он говорил,
Что чересчур людя́м доверялся..
Но я ж свою душу прятал за прясло,
Сквозь лица я видел множество рыл —
Я ж собственному наштабу не верил,
Собственному наштабу!
И вдруг

Влез в яму — зверь зверем,
Чертов бирюк.
(Поет.)
Завтра черного коня
Уведут из-под меня...
Ну, хорошо. Наштаб изменил.
Князь Бел-Конь-Любомирский. Понятно.
Тоже Оконный. На этом пятна
Старорежимных чернил.
Но Лара? Такая прекрасная женщина.
Девушка. Девочка даже почти.
(Вздохнул.)
А что с них, очкастых? Интеллигенщина,
Мать их прости...
(Поет.)
Завтра черного коня
Уведут из-под меня.
Заиграют барабаны —
Гром салютного огня,
И меж небом и землей
Я окутаюся мглой...
Только ворон, точно братец,
Зарыдает надо мной.

Молчание.

Не может быть того, чтоб конец.
Ведь жизнь — поголовный случай!
(Вскакивает.)
Но где же он? Где? Прискачет гонец?
За ним буденовцы тучей?
Жжиг! — берут «белюгу» на сруб...
Батарея — огонь!! Все в дыме.
(Горько усмехается.)
Однако заметьте, товарищ Чуб:
Чудо всегда бывает с *другими.*

Пауза.

Входят Попов и Вешнев в форме капитана и хорунжего. С ними два казака. Увидя их, Чуб ложится на койку и поворачивается к стене.

Вешнев

Ну, как? Решил? Генерал Холоди́н
Дает тебе срок до вечера.

Попов

Панкрат Пантелеич, возможны увечья.
Какой вам смысл!

Вешнев

Ты у нас не один.

Попов

Так как же, а?

Вешнев

Гляди сюда. Ну-ка.

Попов
(ему нервно)

Постой, не сразу. Повремени.

Вешнев
(размахивает перед лицом Чуба плеткой)

Видал? Замысловатая штука.
Сначала идут, как видишь, ремни.
А в них и проволока, и жилы,
И конский волос — да еще вшили
Три винтовочных пули. Шик!
Если свистнет такое охвостье,
Что тогда останется от дорогого гостя?
А? Подумай, подумай, мужик.
Сам понимаешь. От этой логики
Душу на гвоздик повесь:
Рраз! — к чертовой матери легкие...
Рраз! — и кокнул череповец...

Попов

Не скажете вы — скажут другие.
Кое-что ведь известно и мне...

Молчание.

Получите тысячи три монет,
Билет курьерским на Киев.
А там — Берлин... Париж... Ницца...
Вы только представьте: Чуб за границей!

Вешнев
(фыркнув)

Вот бы где повидал его дед:
Честное слово Вешнева!

Попов
(мечтательно)

Сначала представим, как он одет.

Вешнев

Шикарно, пожалуй.

Попов
(смакуя)

Каждая вещь его
Должна быть прочной, удобной, ладной...

Вешнев
(подмигивает)

Летом теплой, зимой прохладной.

Попов

Прежде всего — покупает он
Губчато-рыжий демисезон.

Вешнев

Затем котелок.

Попов

Не шляпу ли? Нет.
Кепи! Твердое кепи с углами.

Вешнев

Прекрасно. А как относительно штиблет?

Попов

По-моему, желтые.

Вешнев

Типа «самми»?

Попов

«Самми» — красные. Стоит ли? Боюсь.
(Чубу.)
Угодно ли вам с красноватым отливом?

Чуб лежит с закрытыми глазами.

Вешнев
(грубо)

Молчишь?

П о п о в

Он прав. У него есть вкус.
Он этот оттенок находит крикливым.

Вешнев фыркает.

Но вот он выходит. Вот он пошел,
Широкоплечий, дюжий.

В е ш н е в
(хлопнув себя по лбу)

Идет девчонка!

П о п о в
(потирая руки)

На юбке шелк —
Парусом заутюжен...
Ветер несет ее всю целиком.
Она похожа на яхту...

В е ш н е в

Ну, Чуб, конечно, крру-гом,
Полный внимания к факту.

П о п о в

Ветер несет...

В е ш н е в

Сердце горит...

П о п о в

Нервы на высшей ноте...

В е ш н е в
(вежливо)

«Я извиняюсь...»

П о п о в

...Чуб говорит...

В е ш н е в

«Красноармейцам даете?»

Оба беззвучно хохочут.

П о п о в
(тихо)

У него уж, наверно, глаза навыкате.

Вешнев

Чуб! Согласен? Иначе — пас.
Подумай: во-первых, ты шкуру спас,
А во-вторых, к собственной выгоде.

Чуб
(резким движением садясь на койке)

Во-первых, не тыкайте, а выкайте:
Я с вами свиней не пас.

Попов

А во-вторых?

Чуб

А во-вторых —
Все это яснoклассовый штрих.
Вы навернули свои ж идеалы
Мне! Идейному за коммунизм!
Вы предо мной раскрываете дали:
Польты, девочки и так дале.
А я, граждáне, смотрю на вас,— вниз.
Вон вы где у меня. Понятно?
Но я с вами ссориться не хочу.
Вы еще можете пригодиться.
При вашем идеализме к харчу —
Могу соответствовать. Заграница?
Гарантирýем ее.
Деньги на польты да на бабье?
Сим подтвердю получение ваше.
Ясно определенно. Итог:
Ежели б. Я. Случайно. Утек.
Ваша житуха стала бы краше.

Попов

Не понимаю.

Чуб

Чего ж не понять?
За что вы деретесь?
За частную собственность?
Я вам ее предлагаю на ять
Со всеми мягкими удобствами.
Ясно?

Попов

Не очень.

Чуб

Еще неясно?
Учитесь, граждáне, думать рывком.
Если Рабоче-Крестьянская Красная
Спустит вас кувырком,
То вы же, звиняюсь, собачьей рысью
Фостиком-фостиком к Европе на комиссию.

Вешнев

Этого не будет!

Чуб

А лично...

Вешнев

Шалишь...

Чуб

А лично вам от Европы — шиш.

Вешнев

Ну, ты, однако, повежливей.

Попов

Оставь его.

Вешнев

Свинопас.
У нас еще есть пеньковый запас,
Честное слово Вешнева.

Чуб

(невозмутимо)

Теперь положим, что белая сво...
Свободная, значит это, белая армия
С шансонетками и земгусарами,
Гиперболицки овладеет Москвой.
Тогда спекулянты пойдут на рывки,
Рвачи начнут считать свои пенсы —
А что будет с вами, кадровики,
Военная интеллигенция?
Вы, кровью своей отбивавши редут,—
Старушечью пенсию вам дадут.

Вы, погибавши не дни, а годы —
В баню без очереди — вот ваши льготы.

Попов

Не агитируйте нас, дорогой.
Не вашего стада овцы.

Чуб

Я и не агитирую вовсе.
Тут, понимаешь, вопрос другой.
«Частная собственность» — вот ваш лозунг.
За это вы пулями нас замели.
А сколько лично у вас земли?
Земли, а не тут полосок...
(Указывает на погоны.)
За кулачье проливаете кровь.
А сколько лично у вас коров?

Офицеры молчат.

Мы с вами — как маузер против копья.
Тут агитаж — всуе.
Но только у вас же ж нет ни копья.
Вот что меня интересует...
Вы трупы свои проносили в бою
За денежный знак всех наций!
А есть ли у вас ну хоть тысяч пятнадцать?
Дадут они вам? А я вам даю.
Я вам даю!

Вешнев
(подлетая к часовым)

Послушайте, вы!
Как вы держите ружья?!
Кто мы такое? Банда братвы?
И вообще вы должны быть снаружи.
Где у вас разводящий? Молчать!
Я его разыщу по бумагам
И к черту в дисциплинарную часть!
Крру-гом! На улицу — ша-гом...
Аррш!

Часовые выходят.

Продолжайте.

Чуб

Архипустяк.
Дело для вас получается весело.

Думайте! Вот вы меня повесили.
Вот я вишу.

Попов

Ну зачем же?

Чуб

Пусть так.
Что вы с меня получили? Костяк?
Теперь возьмите как раз обратно:
Мы утекаем с вами на Дон.
Что вы с меня получили? Кордон.
И по пятнадцать тысяч на брата.

Вешнев

Что-с? Подкупать офицерский темляк?
Славу русского оружия?!
Да я вас, милый...

Чуб

Слушай, земляк.

Вешнев

Эй, часовые... Да я вас, друже...

Чуб

Все это будет дато Москвой.
Сам подпишет!

Вешнев

Ну, это слишком!..

Чуб

Думайте, думайте. Чуб не мальчишка.
Думайте с головой.

Вешнев
(нащупывая почву)

Вы понимаете, капитан?
Эти люди воображают,
Что мы, офицеры, за чашку чаю...

Чуб

Пятнадцать, граждáне, есть капитал!

Вешнев

Тем более...

Чуб

С заграницею вкупе.

Вешнев

Нет, голубчики, нас не купишь!

Чуб

Я вас зачислю у личный конвой.
Не так надолго, впрочем.
Ну, думайте. Думайте с головой.
Думайте — время не очень.

Вешнев

Нет, он меня игнорирует!..

Попов
(тихо)

Брось!
Он эту браваду поймет, как сцену,
Которой ты набиваешь цену.
(Чубу.)
Панкрат Пантелеич, один вопрос:
Все ваши планы мною разбиты.
Но если вы станете в центре орбиты —
Останусь ли я в живых?

Чуб

Гарантиру́ю. Большевик
Должен уметь забывать обиды.
По крайней мере, у первый раз.

Вешнев
(насмешливо)

Вот благородство. Смотрите-ка.

Чуб

Давайте, гражда́не, поменьше фраз.
«Бла-ародство». Это ж политика:
Подвесь человека па сук за монисто,

Из каждого сделаешь гуманиста.
Ты бы мне раньше в руки попал,
Я б тебя, субчика, взял «на попа»,
Черта б увидел в кибитке!
А так — что? На — отвяжись!
Иду на всё. Такова жизь.
Жизь — это ж одни убытки.

Офицеры смеются.

Попов
(решительно)

Пятнадцать — мало. Видите ль... тут...
За такие гроши... подрывать устои...

Чуб
(грубо)

Поймайте Буденного — больше дадут!
А я подсчитал: больше не стою.
(Попову.)
Так я вам ручаюсь за вашу голову.
Все?

Попов

Все.

Вешнев
(Попову)

Поехали, дед.
Но посоветуйте этому голубю
Нынче же вечером дать ответ,
Иначе некоего повешенного
Вместо проса или гречи
Завтра будут клевать грачи.
Честное слово Вешнева!

Попов
(рассеянно)

Честное слово Попова...

Чуб
(между прочим)

Чихал я теперь на вашее слово.
Вы лучше — вот что. Какой у вас план?
Нельзя ли спользовать аэроплан?

Вешнев переглядывается с Поповым.
Тот утвердительно кивает головой.

Попов
(фамильярно берет Чуба об руку)

Видите ли. Не прибегая к комментариям,
Достаточно сказать, что если двинуться
вперед...

Чуб
(освободив руку, произносит с великолепным цинизмом)

Стойте по форме, товарищ компрот,
Когда разговариваете с командармом...

Вешнев и Попов, опешив, вытягиваются в струнку.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

На сцене вагон бывшей международной компании с большими зеркальными стеклами. На крыше вагона аэроплан. У ступенек часовой со штыком, унизанным пропусками. К буферам привязаны кони. На сцене деловая, военно-штабная обстановка: люди беспрерывно входят и выходят, предъявляя и сдавая пропуска.

Часовой

Куда?

Военный 1-й

К самому.

Часовой

Пропуск.

Военный 1-й

Держи.

Часовой

Пропуск.

Военный 2-й

На.

Часовой

Пропуск.

Военный 3-й

Пожалуйста.

Военный 4-й
(спускаясь)

Ну что, получили?

Военный 3-й

Одни корки.
Да и те дрянь.

Военный 4-й

И что же вы?

Военный 3-й

Жаловаться!

Расходятся. Издалека доносится галочий грай.

Часовой
(напевает)

На свете жили братики,
Выделывали хром.
Один из них горбатенький,
Другой же просто хром.

Былинки не обидели,
Горбатый да хромой,
И спят они в обители
Престольной, храмовой.

Убогие сапожники,
Хромец и горбунок,
Лежат, отдавши боженьке
И горб, и пару ног.

Могильные их домики
Покрыты бахромой.
Горбатенький да хроменький,
Горбатый да хромой.

Галки кричат все громче.

Пропуск.

Военный 5-й

Имеется.

Часовой

Э! Друг!
Зари-то нет, а слетаются галки.
Чудно?

Военный 5-й

И верно. Ах, елки-палки!
Однако держи! Нам недосуг.

Сунул ему пропуск и ушел. Гомон галок становится все ближе, все шумнее.

Часовой

С чего бы это они разлетались?

Подходит шестой военный, протягивает пропуск.

Слышишь?

Военный 6-й

Ну.

Часовой

Галчата орут.

Военный 6-й

А мне что?

Часовой

А то. Непонятное тут.

Военный 6-й
(любознательно)

С ума сошел или это усталость?

Часовой

Сам ты, дурак, тово. Со сна.

Военный 6-й

Но-но, подсвинок!

Часовой

А ты хрячище.
(Указывая вверх.)
Эвон! Глаза-то протри почище.

Военный 6-й
(пожав плечом)

Свадьба у них. Ведь нынче весна!
(Уходит.)

Часовой

Свадьба... Нешто такая бывает?
Тут их до черта. Эко гнездо!
Вишь, прибывают... Все прибывают...

Галочий гам становится стихией. Небо темнеет от черных крыльев.

Эй! Порученец Васька!

Из окна высовывается толстый адъютант.

Адъютант

Ну, что?

Часовой

Глянь!

Адъютант

Ого!

Часовой

Доложи самому-то.

Адъютант

О чем?

Часовой

Про галок.

Адъютант
(комически козырнув)

Сию же минуту!
(Исчез.)

Часовой
(тревожно)

Нынче весна, говорит. Весна.
А их тут, может, поболе тыщи.
Да ну вас, проклятые! Чур на вас! Тише!
(Свистит на галок.)
Нет, брат, не свадьба. Тут, брат, война.
(Дает из винтовки выстрел.)

А д ъ ю т а н т
(испуганно высунувшись)

Ты что?

Ч а с о в о й

Зови самого.

А д ъ ю т а н т

Балда!
Ведь он же... Он же тебя, как зайца!

В раме окна центрального купе возникает лицо О к о н н о г о.

О к о н н ы й

Кто стрелял?

А д ъ ю т а н т
(из своего окна)

Часовой.

Ч а с о в о й
(твердо)

Ну да.

О к о н н ы й

В чем дело?

Ч а с о в о й
(указывая на небо)

Глядите, что получается.

Оконный глянул вверх, затем опрометью кинулся в глубь купе. Минута — и он сбежал по ступенькам вагона вниз. За ним сошла г р у п п а н а ч а л ь н и к о в дивизий. Все явно встревожены.

Г у б а р е в
(глядя на небо)

Движутся части.

Ч а с о в о й

Это как пить!

Губарев

И уж, конечно, движутся с боем.
Будь движение маршевым строем,
Воронье не стало б вопить.

Оконный

А? Значит, это белые?

Губарев

Точно.
И наступают опять же с восточной.

Бел-Конь

Барон фон Брук.

Часовой

Уж это как пить.

Оконный
(истерически)

Приказываю: отбить!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Тот же вагон изнутри. Слева у телефона Бел-Конь. У телефона справа — Оконный. Говорят иногда вместе, иногда с перебоями.

Бел-Конь

Как? Говорите яснее. Заставы?
Сняты наши заставы? Где?
Что же предпринято? Что-с? Отставить
Немедленно контратаку.

Оконный
(прислушиваясь)

В бой!

Бел-Конь

Немедленно, я сказал. Понятно?
Хорошо, хорошо. Дайте отбой.

Оконный
(у своего аппарата)

А относительно операций?
Что? Не слышу. Громче. Как?
Ничего не слышу. Он из Чека?
Другой? На кого же ты опираешься?
Что? Не слышу. Товарищ Чалый,
Ни черта не слышу. Не слышу: сначала!

Бел-Конь

Телефонист? Соедините с Северной.
У аппарата. Здравия желаю-с.
Где ваши сводки? Это неверно-с.
Это неверно! Нет, я не лаюсь,
А утверждаю: неверно. Нет-с.
Через двадцать минут чтоб явился гонец.

Оконный

Не слышу... Что? Это новый? Хоть наш?
Не наш? Следи за ним хорошенько.
Ему, очевидно, нужен дренаж.
Что? Не слышу. Как? Дорошенко?

Бел-Конь

Прошу отбой. Железную. Так.
У аппарата? Здравия желаю-с.
Говорит наштабарм. Товарищи, хаос.
Разъезды встречены в пятнадцати верстах,
А вам неизвестно. Где Губарев?
Скажите, чтоб фланги получше берег.
Я бы советовал конными частями
Форсировать берег. Хотя бы частями.
Прошу отбой.
Телефонист?
Дайте дивизию имени Марата.
Тогда Шестую. Прошу извинить-с,
Я верю, что вы превосходный оратор,
Но мне нужны не ваша вода,
А годные провода.
Дайте конницу Боя. Бой?
Нет его? Прошу отбой.

Оконный

Ничего не слышу. Громче. Так-так.
Ты там следи. Что? Не иначе,

Что? Не слышу. Как? Чудак.
Не слышу. Что? Ничего не значит.

Звонок второго телефона. Оконный берет трубку.

У телефона. Я. Оконный.
Ого! Т-тваж. Чудесно!
(Бел-Коню.)
Четвертый конный
Кого-то там сбил.
(В трубку.)
Ну-ну, хорошо.
Отлично. К ордену, т-тваж. Спасибо.
Уничтожайте их в пыль, в порошок...
Но только глядите, чтоб было красиво:
Раненых, т-тваж, и пленных не бить.
(Кладет трубку.)
Пленные, знаете, это наш бич:
Там всякая пакость.

В вагон вваливается, почти падая,
Блаженина с перевязанной головой.

Оконный

Лара!

Бел-Конь

Товарищ!

Оконный

Сию же минуту в постель.

Блаженина

Оставьте! Полная авария...
Берите бинокль, глядите в степь.
(Оконному на ухо.)
Чуб с бригадой идет на штаб.
Он... вчера... следил за тобою...
Он знает все...

Оконный

Товарищ наштаб,
Срочно к проводу конницу Боя.
(Укладывает Блаженину, накрывает ее шинелью.)

Бел-Конь

Конная Боя.
(Передает трубку Оконному.)

Оконный
(вынул часы, с минуту помедлил, приложил к уху)

Сбирай свои рати.
Дело в следующем: неприятель
Придумал, т-тваж, гениальный трюк:
Эти, т-тваж, белокостные гады
Оделись в буденовки нашей бригады,
В наши петлицы и прочье — и вдруг,
Разбивши «Марата», вышли на берег.
Ясно? Что? Их ведет офицерик,
Ряженный Чубом. Что? Итак...
(К Блажениной.)
Где они?

Блаженина

В двадцати верстах.

Оконный
(в трубку)

В десяти верстах. Вылетаешь? С богом.
(Кладет трубку.)
Я сказал: «с богом». Все равно.
(Расписывается в войсковом журнале.)
Товарищ наштаб. У вас было вино.
Рюмочку, т-тваж. Каким, т-тваж, убогим
Я оказался. План? Его нет.
(Пьет.)
Ведь я же считал и «Марата» и «Шесть».
А где они? А наступление есть?
Нет.

Бел-Конь

Ну, знаете, на войне
Угадать трудно.

Оконный

Т-тваж, оборона.
Кто мы сейчас против барона?
Мы думали выступить. Гром и дым.

А нам пришлось защищаться самим.
Рюмочку, т-тваж.

(Пьет.)

Бел-Конь выходит. Телефонная дробь.
Появляется конферансье.

Конферансье
(у телефона)

Слушаю. Да.
Следите за ним. Он мог и за тучку.
Зенитки его собьют без труда.
Зенитки есть у вас? Нет. Ну, тогда
Спрячьтесь в бронелетучку.
Все-таки жизнь сохраните заранее,
Если не будет прямого попадания.
(Кладет трубку.)
Ну, хорошо. А где же тут я?
Конечно, битва — особь статья,
Но все же я-то в особой роли.
Покуда тут всякую чушь пороли,
Покуда была суета сует,
Я еще мог пригодиться. Но автор
Забыл обо мне. Его мучила правда,
И он забыл. И закончил сюжет.
Ведь ясно, как день: дефиле пройдут,
Возьмут Белоярск — и занавес.
А мне куда? Что мне делать тут?
Опять зубоскалить заново?
Участь наша ведь так проста...
А впрочем, Шекспир в «Короле Лире»
Тоже в конце забыл про шута.
(Со вздохом.)
Как примитивно все в этом мире.
(Exit)

Окопный
(сам с собой)

Да, так, значит, комбриг Бой...
Я шел приказать выступление в бой
И задержался. Секунду, т-тваж, терцию,
Чтоб ощутить этот властный миг.
Я вынул часы. То было сердце.
И в нем не тиканье — бычий мык,
Животная радость.

Блаженина
(со стоном)

Что он там мелет?

Оконный

Ты что?

Блаженина

Я молчу.

Оконный

О, это не мелочь.
Гляжу на часы: часы. Стою.
Не маг, не волшебник, не чародей,
Стою, как стоят. Но стою на черте —
И се приложил я руку свою:
Я подписал свое имя. Перо —
«Рондо» номер два, как раз для цифири.
Привычно округлое выперло «О»,
Эмблема ничтожества. И в эфире
Посыпался буквенный бисер. А к оным
Хвостик с явно лакейским уклоном:
«Оконный».
Пусть так. То, что было Оконным.
И все. Не так ли? Но я натянул
На этот сорокалетний нуль
Барабанные струны. И он с хвостищем
Вымахнул, как бумажный змей,
Который пускали дети семей,
Лишенных игрушек. Сотням, тысячам,
Десяткам тысяч сей чародей
С ликом луны, с хвостом в бороде,
Вдруг оказался судьбою.

Бел-Конь
(вглядываясь в окно)

Простите...
Кто-то к нам едет... Какая-то часть...
Хм. Подозрительно. Я сейчас.
(Хватает шинель, папаху и убегает.)

Телефонный звонок, Оконный берет трубку.

Оконный

Да. Я. Да-да. Командарм.
Что? Молодец! Одним ударом?

Входят Чуб, начдив-9, комбриг-4 и красноармеец.

Лихо! Преследуйте в гриву и хвост,

Ч у б
(спокойно)

Дай сюды трубку.

Оконный в ужасе глядит на него.

(Зычно.)

Трубку!

О к о н н ы й
(истерически)

Прощай!!!

Ч у б

Не отдерешь такого прыща...
(Бьет его револьвером по голове.)

О к о н н ы й
(в трубку)

Да здравствует социализмус! Да здра...
(Падает.)

Ч у б
(в трубку)

Товарищи. У аппарата Чуб.
Здравствуйте. Все наступление здря.
Что-о? Я, брат, тебя отучу...
Смирно! Кто из вас командарм?
Вы служили незваным татарам.
Выявилася их архифальшь.
Оконный казнен. Играл самозванца.
Бой отменяю.

Б л а ж е н и н а

Не издеваться!

Ч у б

Трубить отбой! Понятно, не вальс.
Приказываю: оторваться от бою.
Точно. Оконный? Само собою.

Б л а ж е н и н а

Я поняла вас, низкая тварь:
Вас ужасает наша победа.
После нее ваша песенка спета.

Оконный

После нее — вся братва
Увидит, что вы...

Чуб

Ах ты, паскуда!
Ведь ты же расстрелян! Дыши покуда,
Но не чирикай.

Оконный

Моя колея
Останется в памяти революции!
А вы — тупые, кровавые, лютые...

Чуб сбивает его с ног.

Блаженина

И этого человека... Я...
Когда-то любила...

Чуб

Убрать ее.

Блаженина

Пустите меня, оставьте...

Ее уносят. Оконный падает на диван.

Чуб

Ну, братия,
Вот мы и дома.
(Подходит к карте.)
Тут у Литвы
Я было вправил флажок. Непорядок.
А где мой глобу́с? Ну и аппаратик!
Но я подтяну вас, мать-перемать!
Кто-то в шахма́ты играл. Я налево —
Он сюды, я — сюды. Гарде королеве,
Делаю ему вилку — и мат.
(Хохочет.)

Звонки всех трех телефонов.

Начдив-9

У аппарата. Да. Рапортуй.
Не может быть! Уже и предместье?
Ура!

Оконный
(вскакивая)

В чем дело?

Начдив-9

Ходить патруль?

Оконный
(властно)

В чем дело?

Начдив-9

Узят Белоярск.

Оконный

Наконец-то!

Красноармеец

Товарищи! Взят Белоярск, това...
Братишечки, Белоярск!
(В окно.)
Братва!
Взят Белоярск!

Голоса

— Качать командарма!
— Ура! Даешь! Го-го-го! Ура!
— Качать командарма!
Плясать до утра!
— «Интернационал»!
— Бейте в ударные...
— Качать командарма!
— Да здравствует
ярость
Красных частей!
— Ура! Белоярск!

Гул, шум, крики.

Чуб
(в окно)

Отставить!!

Начдив-9

Чего?

Ч у б

С ума вы поспятили!

О к о н н ы й

Но разве ты враг самому себе?

Ч у б

(в телефон)

Отдать Белоярск к чертовой матери —
Мы отступаем на линию «Б».

О к о н н ы й

(хватая его за грудь)

Но по-че-му?

Ч у б

(отшвырнув его)

Коли вам интересно,
Вас заманили — мы будем отрезаны.
Вы воевать не больно ловки.
Просто беляк не давал вам сдачи,
С вами беляк играл в поддавки,
А вы считали, что побеждаете.
В том-то и вся штуковина, брат,
В том-то и все сволочное дело,
Что Белоярск нельзя было брать,
Ясно, а? Нельзя было брать,
Хотя белюга того хотела.

ЭПИЛОГ

Ночь. Канцелярия начальника штаба.
Писарь И к о н н и к о в у телефона.

И к о н н и к о в

Рапорт о гибели красных бойцов,
Погибших при взятии Белоярска:
Абрамов,
Авралов,
Авилов,
Бойцов,
Борисов,

Борисов,
Ботвиньин,
Боярский...
Что? Тебя вызывают в часть?
Ладно. Я позвоню через час.

(Кладет трубку. Достает из стола тетрадку, целует ее, раскрывает и вдохновенно декламирует.)

Когда закат желтел, как шкура леопарда,
И в пламени пылал, как кожа сатаны —
В прогнившем чердаке (он звал его «мансарда»)
От книг он поднимал лицо бледней луны.

И, свистнув кобелька, ублюдка сенбернарда,
В трамвае доезжал до городской стены,
И, выйдя на шоссе, где тракты сплетены,
Он молча ожидал в чугунной позе барда.

Он верил: выйдет из дормеза герцогиня,
Неся метелью горностаевый наряд...
И он часами ждал, от странной жути стыня.

Увы! Увяла даль. Столбов унылый ряд.
И, тяжело вздохнув, он грустно брел назад.
Но распускаются и лилии в пустыне.

Из радиорупора на фоне его голоса сначала тихо, потом все громче и громче звучит, заглушая писаря, перечень погибших бойцов.

Ямов,
Ямаев,
Янкарл,
Янченко,
Янсон,
Яновский,
Яров,
Янтарев,
Яхонтов,
Яшмин,
Яшкин,
Яценко,
Яцыно,
Яцевич,
Яцов,
Яцарев.

Тирасполь
1928

ПАО-ПАО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пао-Пао.
Артур Шульц.
Оскар Шульц.
Фистов.
Кох.
Мицци.
Роберт Дидрих.
Зеверинг.
Краткий.
Эбинг.
Херинг.
Член клуба поэта Лонгфелло.
Барон
Дама.
Девочка.
Аста.
Уолд.
Репортеры, продавцы, покупатели, ученый с библиотекой на плече, юноша со свастикой, сторож, матрос, полицейские, доктор, обезьяны.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Берлин. Тридцатые годы.
Маленькая небогатая лаборатория профессора биологии Артура Шульца. В клетке раздраженно прыгает орангутанг Пао-Пао, с ненавистью глядя на Коха, который спокойно пьет чай. Входит ассистент профессора — Фистов.

Фистов

Отчего обезьяна волнуется, Кох?
Вы опять присвоили сахар?

Кох

Один кусочек. А он и заахал.
Это типичный жох!
(Обезьяне.)
На, на, гадина, жри!
Нагуливай жиры.
(Швыряет в оранга сахаром.)

Пао-Пао яростно кидается на прутья, оскалив пасть.

Фистов

Какой вы все-таки, право...
Ведь объясняли ж! Ну, ну, Пао-Пао.
Тихо, тихо... У-у... Послушный...
Хороший, хороший...
(Почесывает его за ухом.)

Обезьяна успокаивается.

Вообще после ужина
Не рекомендуется нервировать зверей:
Ему надо спать, а спит он плохо.

Кох

Его беспокоят блохи.

Фистов задумчиво глядит на Пао-Пао, затем вынимает блокнот и что-то записывает.

Фистов

Он стал последнее время свиреп.

Смотрите, Кох: с ним не шутите.
(Снимает пальто.)
Профессора нет?

К о х

Господин наш учитель
Полчаса как спит.

Ф и с т о в

Хорошо.
(Кивает на клетку.)
Дайте бромистый порошок —
И спать.

К о х

Вы тоже, Фистов, прилягте:
На вас лица нет. Устали?

Ф и с т о в
(рассеянно)

Да, да.

Кох насыпает бромистого порошка в стакан с водой и опасливо подает обезьяне. Пао-Пао ворча принимает из его рук стакан, обнюхивает и спокойно выливает себе на голову.

К о х

Смотрите — что делает. Вот балда!

Ф и с т о в
(смеясь)

Таков обезьяний характер.

К о х

Какой там характер! Просто дурак.
Допустим, Фистов, пред нами собака,
Кошка, даже зайчонок, хряк,
Самая разная тварь — и, однако,
Разве они поступят вот так?
А это? Это же сумасшедший!

Ф и с т о в

Своя у них логика, Кох. Своя.

К о х

Какая там логика! Просто свинья.

Фистов

С точки зрения человечьей?
Но с ней мы в душу его не пройдем,
Имейте в виду это, Кох. А бром
Всыпьте все-таки в чайную чашку.
(Уходит в комнату профессора.)

Кох всыпает бром в чашку, подходит к орангутангу, тот встречает его оскалясь.

Кох

Смотри у меня, блохастый граф:
Без трюков чтобы, а то — пиф-паф!
(Ставит чашку в уголок клетки, затем берет гитару и усаживается в кресло.)
Эх, гитара... С тобою тяжко,
А без тебя и совсем конец...
Мицци! Забуду ль тебя наконец?
(Поет, аккомпанируя себе на гитаре.)
О, эти черные глаза,
Как блеск рояля.
Их позабыть нигде нельзя,
Они горят передо мной.
О, эти черные глаза...
Они играли
Воспламененной глубиной,
Но не со мною, не со мной...

Пао-Пао слушает, зачарованный тембром гитары.

О, эти черные глаза,
С капризной ленью
Небрежно обратились вниз
Из-под очерченных ресниц,
И раненые голоса
Моих томлений
Напрасно звали их взглянуть
На путь тоски, мой скорбный путь...

Вбегает Мицци.

Мицци

Дядя! Дядя! Где же он?

Кох

Мицци?

М и ц ц и

Кох! Скорей! Его надо принесть...
Он умирает! Поймите!

К о х

Сию минуту! Сочту за честь!
Но кто умирает?

М и ц ц и

Папин боксер!

К о х

Ах, это Дидрих?

М и ц ц и

Но где же профессор?
(Стучится в дверь.)
Можно?
(Исчезает за дверью.)

К о х

(вдруг заметив, что Пао-Пао развешивает какие-то цветные тряпочки)

Ты что это тут понавесил?
Все мои галстуки! Ах ты, вор!
Отдай сейчас же... Слышишь? Скотина!
За этот я отдал восемь с полтиной!
Ты понимаешь это?

Фистов стремительно выходит из комнаты профессора и несется к выходу.

Ф и с т о в
(Коху, на ходу)

Пойдем!

Кох, досадливо оглядываясь на Пао-Пао, семенит за Фистовым. Пао-Пао деловито повязывает галстуки на все части своего тела. Ф и с т о в, К о х и Ш у л ь ц вносят Р о б е р т а Д и д р и х а.

Кох, заносите!

К о х

Тихонько: тут угол.

Ш у л ь ц
(отчаянно)

Роберт...

Кох

Бедняжке приходится туго.

Шульц
(спохватившись)

Боже мой! Мы не заперли дом!

Роберта укладывают на диван.

Фистов

Что с ним случилось?

Шульц

Бог его знает...
Купил я сардинки. (Двадцать монет!)
Он говорит: «Воняют!»
Я: «Нет!»
«Воняют! — он говорит.— Воняют!»
Я все сожрал — и, как видите, цел,
А он одну сардиночку съел.

Роберт
(в забытьи)

Воняет...

Фистов

Да, здесь действительно душно.
(Коху.)
Вы чистили клетку?

Кох

Пять раз.

Фистов

На ходу?
Откройте окно.

Роберт

Воняет...

Кох хочет открыть форточку.

Шульц

Не нужно.
Он это все говорит в бреду.

Входят профессор Артур Шульц и Мицци.

Мицци

Вот он! Смотрите, в каком состоянии!..
Ужас! И все — коробка сардин...
А этот юноша папе, как сын.

Шульц

Больше: это мое состояние.
Артур! Милый Артур! Спаси меня:
Будущий боксер мирового имени,
Байрон прямого удара в лоб.

Пао-Пао чихает.

Профессор

У Пао насморк?

Шульц

Я его лелеял.
Водил гулять по Зигесаллее...
За ручку. Как бонна. Мой Робхен... Роб...

Профессор
(раздражаясь)

Я говорю вам — у Пао насморк.
Вы мне его застудите насмерть.
Глаза слезятся. Пао, пá!
(Дает ему сахару.)
Видите, видите.

Шульц
(отчаянно)

Боже мой! Артур!

Профессор

Ах да...

Шульц

Тут все мое счастье на карту.

Профессор выслушивает Роберта.

Профессор

Так. А какова спина?

Роберта поворачивают.

Шульц

Ну, что?

Профессор
(задумчиво)

Проживет не более часа.

Шульц

О, я несчастный!

Мицци

Роберт! Мой Робхен...

Шульц

Я разорен...
Нищий. Подайте полпфеннига. Нищий!
Ведь это же был орел.
Разве такого отыщешь?

Профессор
(взволнованно, Фистову)

Михель, подите сюда.

Шульц
(плача)

Боже в небе! Боже в небе!

Профессор

Вы знаете меня: я не ел и не́ пил,
Я готов был ждать до Страшного суда...
И вот наконец этот миг настал.
Вы можете понять меня, Михель?

Шульц
(плача)

Нищий...

Профессор
(мягко раздражаясь)

Оскар! (Эс.) [1] Перестань...
Неужели нельзя без шумихи?
(Деловито.)

---

[1] «Эс» — означает паузу. Произносить про себя.

Слушай, Оскар. Я напрямик.
Покупаю это умирающее тело.
На вот аванс. Прими.
Ну-с. А теперь за дело!
(Отдает приказания.)
Операционный стол!

Мицци

Дядя!

Профессор

Ну, ну, без гримаски...
Кох, я прошу халат и две маски!

Шульц

Постой — постой — постой — постой...

Профессор

Сулему, перчатки и фартук.

Мицци

Я ничего не понимаю.

Шульц

Артур!

Мицци

Дядя!

Профессор
(весело)

Все мое счастье на карту.
Да здравствует этот орел
И что-то такое боксерского мира.

Шульц

Мицци, что он за чушь напорол?

Профессор
(Коху)

Больного захлороформируй.

Кох

Лишнее.

Шульц

Роберта не продам!

Профессор

Он уже больше не Роберт.

Мицци

Это кощунство...

Профессор

Ах, ерунда!
Не будь похожа на прочих дам.
Что тебя тут коробит?
Была передовою девушкой — и вдруг...
Кох! Воду и щетки для рук.

Великий Гале́н выкрадывал трупы,
Чтоб изучить анатомию. Вор?
А знаешь, каков приговор?
Славу поют ему евстахиевы трубы
И кастаньеты колен.
А вот пред тобой современный Гален,
Но — по вопросам мозга.
Давно я мечтаю мозг человека
Пересадить обезьяне. А? Оскар?
Новые струны — старая дека.
Что? Недурно, право.
Раз, два, три! Поплевавши и дунувши,
Перенести в чердак Пао-Пао
Телефонную станцию этого юноши.

Мицци

Как ты смеешь шутить пред лицом мертвеца?

Фистов

Какой темперамент!

Кох

Вся в отца.

Фистов

Мне бы хоть искру такого.

Профессор
(подходит к Шульцу, вытирая руки полотенцем)

Вот что: прикинь, человек толковый:
Если удастся мое антраша,
Сколько ты заработаешь, а?

Шульц
(встрепенувшись)

Как? Заработаю? Ну-ну-ну? Цифры!

Профессор

Будешь молчать, никуда не тычась,
Перепадет тебе парочка тысяч.

Шульц
(разочарованно)

Па-арочка...

Профессор

Мало?

Шульц

Ведь это же Зигфрид!
Это же бог!

Профессор

Ну, продай другим.
(Коху.)
Ремень горловой сделать тугим:
Вдруг да очнется. Да! Вот что:
Надо еще запастись
Живою рыбой и тройкой яиц.

Кох

Последний пфенниг истрачен на почте.

Шульц

Возьми у меня!

Мицци
(возмущенно)

Папа!

П р о ф е с с о р

О, черт!

Ш у л ь ц

Ведь это производственный расход, Мицци.

П р о ф е с с о р

Кох, возьмите, возьмите.

Ф и с т о в

А зачем нужны нам яйца и рыба,
Весь этот голландский натюрморт?

К о х

Профессор, у боксера начинаются хрипы.

П р о ф е с с о р

Что вы говорите? Скорей!

М и ц ц и
(плача)

Роберт, мой дорогой, любимый...

П р о ф е с с о р

Экхимозы появляются на мозговой коре...
(Обдумывая.)
А когда — и забыл.

Ш у л ь ц

Мировое имя!

М и ц ц и

Очи мои, золотые очки...

Ш у л ь ц

Роберт Дидрих! Прощай, богатырь!

П р о ф е с с о р
(Фистову)

Яичные пленки и рыбий пузырь
Покрывают разрывы мозговой оболочки.
(Привычно раздражаясь.)
Дети мои, идите туда.

Ф и с т о в

Поверьте, фрейлейн и вы, гражданин:
Мне очень больно...

Ш у л ь ц

Вот, вот, ну да.
Это называется — дождались:
Нас удаляют от нашего Робика.

Ф и с т о в

Будет вскрываться черепная коробка,—
Вы можете внести инфекцию.

Ш у л ь ц
(оскорбленно)

Мы?
Как тебе нравится...

П р о ф е с с о р
(раздраженно)

Идите, идите.

Шульц и Мицци выходят.

Маску для Пао. У-ти-ти. Ти-ти.
Умница. Худ. Плохие кормы...

У-ти-ти. Ишь ты: отводит взгляд.
Дайте-ка шоколад.
Помогите ассистенту уложить боксера.
(Гипнотически глядит в глаза обезьяне.)
Раз. Два. Три. Четыре. Пять.
Веки тяжелеют... Глаз еще зорок.
Пятнадцать, шестнадцать... Тяжесть во взорах.
Тридцать семь, тридцать восемь, тридцать девять, сорок.
Гаснут глаза... Открылись опять...
Спа-а-ать!!!

Пао-Пао падает загипнотизированный.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Спаленка профессора. Кровать, ночной столик, лампа под зеленым абажуром. Пао-Пао лежит в постели. Вокруг братья Шульц, Мицци, Фистов, Кох. На стене портреты Ламарка, Дарвина, Гексли, Павлова.

Кох

Раньше храпел, а теперь сопит.

Шульц

Третьи сутки!

Профессор

Ну, ну, пусть спит.
Это хорошо.

Бьют часы.

Кох

Чья теперь вахта?
Моя уже кончилась.

Мицци

Кажется, моя.

Пауза.

Фистов
(срываясь)

Нет, вы ощущаете смысл этого факта?
Ведь это же светоч! Маяк!
В орангутанжье чело въехал
Огромный психический скарб человека
С настольною лампой, с кроватью, с одеялом,
С Гегелем и даже с идеалом!

Кох
(усмехаясь)

Ну, Гегеля в покойнике было не много.

Фистов

Не в этом дело. Поймите меня:
Теперь-то мы и выясним, что в нас от «бога»,
А что от культуры и злобы дня.

П р о ф е с с о р

Михель, умерьте восторг!
Я человек суеверный, Михель.

Ф и с т о в
(Мицци)

А если б вы видели орудие: гвоздок!

П р о ф е с с о р
(обиженно)

Да, но при полном содействии химии...

Ф и с т о в

Но гвоздик все же.

П р о ф е с с о р

Увы!

Ф и с т о в
(показывая долото)

Вот.

П р о ф е с с о р

Видите ли: вскрыть черепной свод
Можно при помощи различных орудий...
Но дело в том, что я, собственно, нищ...
Я кустарь. Я работаю долотом и молотом.
(Раздражаясь.)
Банки для ваты без днищ,
Перчатки изъедены чем-то желтым...

К о х

Очнулся!

П р о ф е с с о р

Да ну?

М и ц ц и

Пао-Пао очнулся.

Ш у л ь ц

Мицци!..

Профессор

Измерить давление пульса.

Шульц

Мицци!..

Фистов

Кох!

Мицци

Дядя!

Профессор

Михель!
Это. Как его...

Фистов
(Коху)

Шприц!

Шульц

Мигом.

Профессор

Отойдите подальше: он очень слаб.
Воздух нужен, воздух.

Мицци

Я забыла: есть у него хвостик?

Профессор

Мне подозрительны кончики лап.
Михель, а? Взгляните.

Фистов

Черные?

Профессор

Холодные. Кох, скорей:
Шприц кофеина.

Фистов

Грелку согрей.

Мицци

Отчего у него по белкáм пятна?

Шульц

Мицци, не приставай!..

Фистов
(укоризненно)

Мицци...

Мицци
(неисправимо)

У него почему-то белки лиловые,
А у людей голубые.

Профессор
(раздражаясь)

Бывают любые, бывают любые...

Пауза.

Боюсь, не лишен ли он слова, а?
Михель!

Шульц

О, боже мой!

Фистов

Рано судить.

Шульц

Я нищий. Хоть милостыню удить.

Профессор

Ничего! Не слышу! В этаком! Гаме!
(Фистову.)
Человек в мозгу расположен вверх ногами.
Верхняя треть центральных извилин
Управляет конечностями. Нижняя — лицом.
Вы испортили нижнюю. Возможно притом,
Что орган речи обессилен.
Обратите внимание на глаза,
А? Ни проблеска мысли.

Фистов
(улыбаясь)

По-моему, профессор, мы рановато скисли:
Есть еще кое-что «за».
Попробуем поднять сердечную деятельность.

Профессор
(уныло)

Что вы, Фистов! Мы ведь не дети.

Фистов

Нужно впрыснуть ему кофеин.

Шульц

А может быть, водки? У нас — графин!

Фистов
(впрыскивает Пао-Пао кофеин)

Так. Больше света. Убрать этот щит.
Максимум раздраженья.
Пао! Ты слышишь меня?

Шульц
(отчаянно)

Молчит.

Профессор

Не ваше дело, торгаш!.. Разрушенье...
Полный маразм... Кретин, кретин...

Фистов

Не очень ли торопите события, профессор?

Профессор

Оставьте. Пао такой повеса,
Ведь он бы такого тут накрутил.
Он так жизнерадостен, так неистов...
А это что?

Шульц

Послушайте, Фистов!
Если подохнет и этот зверь,
Это будет для меня такой то есть гирею!!!

Профессор

Дайте спички. Гасите свет.
(Зажигает огонек и водит у глаз Пао-Пао.)
Так и есть. Зрачок не реагирует.

Фистов

На фоне черных глаз зрачок
Не так-то легко различим.

Профессор

Ах, Фистов!
Вы самый ужасный из оптимистов:
Для вас оптимизм — хороший тон.

Фистов

Я исхожу из факта:
Во-первых, вы слышали стон,
Во-вторых, наблюдали рефлексы, как-то:
Почесыванье, позевоту.

Шульц
(потирая руки)

Тэк-с.

Фистов

Попробуем его на пищевой рефлекс.
К тому ж обезьяне надо питаться.

Профессор

Есть она не будет.

Фистов

Нужно попытаться.

Профессор

Не будет, говорю я вам!

Фистов

Кох!

Кох

Есть.

Фистов

Принесите обезьяне чего-нибудь поесть.

Кох

Сыру?

Фистов

Вот-вот.

Профессор

И бутылку вина ей!

Кох приносит сыр и вино.
Профессор сует сыр под самый нос обезьяне.

Пао, на!

Шульц

Ишь ты: думает.

Кох

Сел...

Мицци
(закрыв глаза и гадая на пальцах)

Съел — не съел,
Съел — не съел,
Съел — не съел,
Съел...

Шульц
(мучительно, сквозь зубы)

Съешь, идиот!!

Профессор
(в отчаянии)

Не ест.

Пао-Пао
(швырнув в профессора сыром)

Воняет!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Библиотека в квартире профессора. Пао-Пао завтракает у письменного стола. Кох за ним ухаживает. Профессор читает ему вслух сказку.

Профессор

«Тут, конечно, Макс и Мориц
Стали драться, стали спорить,
А уж тетушка Шарлотт
С розгой вышла из ворот.
И за все-то их делишки...»
Зачем же ты пачкаешься? Вот нож.
«...Приспустила им штанишки:
— Вот вам, вот вам, шалуны,
За метание слюны,
За парик, за соль, за кошку...»
Осторожнее! Разольешь!
«...За разбитое окошко,
За очки, за миску щей!..—
Слезки льются, как ручей...»

Пао-Пао вдруг слезает со стула и взбирается по лестнице к полкам с книгами.

Ты это куда?

Кох

Доедай!

Профессор

Что такое?
Был такой чудный, кроткий,
И вдруг — ни минуты покоя.
Чем ты, например, недоволен?

Пао-Пао

Остротки.

Профессор

Вечные прихоти! То да се!

Пао-Пао
(сразу начиная ревмя реветь)

Ос-трот-ки...

Профессор

Какие «остротки»? Мосье?

Кох

Это он так называет чаинки.

Профессор

Ну дайте ему пирожок с начинкой
И чашку кофе. Погорячей.

Кох выходит.

Ну-ну, хороший, хороший, не надо.
«Остротки». Отмечу сегодняшней датой.
(Выходит.)

Пао-Пао
(плача)

А слезки ль-ю-ца, как ру-чей...

Кох
(входя)

Ну-ка! Надень свою папскую мантию.

Пао-Пао сходит. Кох повязывает его салфеткой. Пао-Пао суетливо действует над пирожком, проявляя массу энергии, беспокойства и заинтересованности.

Пао-Пао
(картавя)

Опять кахтошка? Кахтошка, кахтошка.
Кахтошка погубила Ихландию.
(Швыряет пирожок на пол.)

Кох

Ну ты, картавый макака, не буйствуй.
А то как дам тебе ложкой!

Пао-Пао
(нахально)

Маком.

Профессор
(входя)

Что там опять? Не исследуешь вкус твой.

Кох
(иронически)

Они выражают отрицательные чувства.

Профессор

И до картошки не лаком?
Вот беда. Ну просто беда.

Пао-Пао лезет к нему, целует, шаря по нему руками.

Ишь какой ласковый.

Кох
(прозаически)

Ищет сахар.

Профессор
(раздраженно)

Ну, что вы? А впрочем...
Вы правы... да.

Пао Пао что-то шепчет ему на ухо.

Что? Как? Да ты не шепчи:
Говори громко.

Пао-Пао

Дай кусахарь.

Профессор

Как?

Кох

Кусахарь — это щипцы.

Профессор
(умиленно)

«Кусахарь»... Надо пойти записать.
Дата. Семнадцатый номер. Печать.
Если пахать — пахарь,
То и кусать — кусахарь.
Это так ясно.
(Уходит.)

Кох

Жуешь, рыжий пес?
В доме ни марки, а он обжирается.
Буржуй ты, буржуй. У меня так пост,
А у него: пироги, яйца.
Груши — как дыни! Дыни — как солнца!..

Зачем, черт возьми, я родился саксонцем,
А не мартышкой?..

Входит Шульц с фотографом.

Шульц

Сюда, сюда.
Артур! Здравствуйте... Артур!
Фотограф журнала «Полюс и экватор».
(Указывая на Пао-Пао.)
Вот эта африканская кинозвезда —
Само произведение. А вот и автор:
Профессор Л. Шульц.

Профессор
(входя)

Никаких интервью.

Фотограф

Только фото — не больше.

Шульц

Только фото...

Профессор

О, эти боши!..
Они обовьют тебя, точно вьюн,
И газетною чушью доведут до эшафота.

Шульц

Нет, нет, я условился: только фото.

Фотограф

Я хотел бы заснять какой-нибудь миг,
Выражающий ваш наибольший пафос.

Профессор

Какой же?..

Фотограф

Зависит от вас самих.

Шульц

Артур, снимись усыпляющим Пао.

Фотограф

Дивно.

Профессор

Неплохо. Пао, ко мне!..

Фотограф

Простите, они не укусят?

Шульц

Он на цепи.

Профессор

Приплелся, куцый?
Сидеть спокойно. Окаменеть.

Шульц

Как же ты его... Так это? Голого?

Профессор

А что? Да ведь он не человек.

Фотограф
(установив аппарат, скрывается под черной плащаницей)

Лицом к аппарату. Левее голову.
Смотрите на Пао, но чуть-чуть поверх.
Делаем пробу, делаем пробу.
Дайте сеанс.

Шульц

Артур, пробуй.

Профессор
(глядя в окуляр аппарата)

Раз. Два. Три. Четыре. Пять.
Спать!

Фотограф падает с невероятным храпом.

Что с ним?

Кох

Спит, как на кухне щука.

Входит Фистов.

Профессор

Михель! Ну, как?

Фистов

Увы, ничего.

Профессор

А Зеверинг? Были вы у него?

Фистов

Министра не интересует наука.

Профессор

Но вы сообщили?

Фистов

Я дал описанье.

Профессор
(раздражаясь)

И что же ответил этот злодей?

Фистов

«Нам не нужны, говорит, обезьяны:
И без того много людей».

Профессор

О, варвар! Давайте напишем в Сити:
Может быть, там добьемся субсидии.
Ведь Пао-Пао отнюдь не подкидыш:
Это одна из научных эпох!

Шульц

Дадут, дадут! Ей-богу! Увидишь!
Скорее пиши телеграмму...

Профессор

Кох!

Профессор выходит. За ним Кох и Фистов. Шульц в глубокой задумчивости принимается ходить из угла в угол.

Ф о т о г р а ф
(очнувшись)

Где я? Кто я? Неясно что-то...
Какое, однако, закажете фото?

Ш у л ь ц
(не слушая)

Так. Сорвалась и эта игра.
(Подходит к окну и в совершенной прострации глядит на улицу.)

Фотограф собрал свои пожитки и вдруг увидел Пао-Пао, который, влача на ноге цепь, медленно движется к нему.

Ф о т о г р а ф
(пятясь)

Здравствуйте... Я ухожу... Пора...
Ждут, хе-хе... Вы меня поймете...

П а о - П а о

О!

Ф о т о г р а ф
(учтиво)

Теперь, очевидно, в моде
Носить цепочки на левой ноге?

П а о - П а о

У!

Ф о т о г р а ф

«У» ноги? Какой вы милый.
Вам это к лицу. Вы как в серьге.
(Протягивает ему сигару, чтобы отвлечь внимание от себя.)
Курите! Друг прислал из Манилы...
Прошу. У меня их целый баул.

Пао-Пао любознательно взял сигару, обнюхал ее со всех сторон и с большим аппетитом съел.

Боже! Он ее съел. Караул!
(Убегает.)

Шульц снова шагает из угла в угол. Пао-Пао слоняется по комнате и вдруг, вспрыгнув на радиоприемник, включает репродуктор.

Радио

«Прибавьте теперь к прошлогодней дате
Цифры лопнувших предприятий:
Триста семьдесят девять в июне,
Четыреста сорок четыре в июле...»

Шульц
(в отчаянии)

Считайте четыреста сорок пять!
Так обмишуриться... Так обнищать...

Радио

«С этими цифрами, точно в бой,
Коммунисты вышли толпой.
Но с ними пришлось расправиться жестко!
Вчера
президент
закрыл
«Роте фане»
За фельетон. Приводим названье:
«Кровавая собака Носке».

Пао-Пао

Собака — дхуг человека. Читал.

Радио

«Господин Зеверинг сам начертал,
Как патриот истый,
Яркую фразу. Приводим в абзаце:
«Три врага у цивилизации:
Негры, евреи, коммунисты».

Пауза.

«В связи с выступленьем эсдековской фракции
Против Москвы, но за дружбу с Францией,
Коммунист Ульрих крикнул: «Увы!»
(И голос разнесся по площади.)
Я думал, в рейхстаге гражданские львы,
А там заседают лошади!»

Пао-Пао
(любознательно)

Лошади заседают в рейхстаге.

Шульц
(взглянув на часы)

Половина второго.

Пао-Пао
(увидя хронометр)

О! Тики-таки.
(Спрыгнул со стола и ухватился за часовую цепочку.)
Э-о! Таки-та́ки!

Шульц

Но, но!

Пао-Пао

Это что, жо́лото?

Шульц
(думая о своем)

Золото.

Пао-Пао

«Жолото» надо сказать.

Шульц

Давно?

Пао-Пао

Но раз ведь оно желтое.
«Золото» — это если зеленое.

Шульц

Вот как? Эдакий слон я:
Столько лет живу и не знал.
А как твоя кличка?

Пао-Пао

Моя?

Шульц

Да.

Пао-Пао

Роберт.

Шульц
(встрепенувшись)

Ка-ак?

Пао-Пао

Роберт.

Шульц

Так-так-так. Роберт.
Уж нет ли в тебе боксерской микробы?
Побей меня баба, если я лгу.
Ну, а меня ты знаешь?

Пао-Пао

Угу.

Шульц

Так-так-так-так. Ну, а кто же я?

Пао-Пао

Ты?
Ты — папа Шульц.

Шульц

О, мои мечты!
Шульц, ты, кажется, сможешь вернуть
Силы, затраченные, так сказать, в оба
На этого дохлого мужика Роба,
Царство ему небесное.
(Оценивает Пао-Пао.)
Грудь?
Так. Хорошо. Слегка развернуть.
С ножками — швах. Плоховаты ножки.
Шаткие. Просто рюхи.
Но уж, зато уж какие руки!
Руки «а-прима». Ладно.
А помнишь, сын мой, Билли О'Лайланда?

Пао-Пао

Помнишь.

Шульц

Ага. Ну, и как, а?
Каково впечатленье о нем?

Пао-Пао
(пренебрежительно)

Ка́ка.

Шульц
(увлекаясь)

Что из того, что маленький рост,
А его «кросс»?

Пао-Пао

А его кро́сс отобьем косым.

Шульц
(волнуясь)

О, ты, вижу, мальчик отчаянный...
(Шульц, с тебя магарыч.) Мой сын!
Сейчас пред тобой откроется тайна:
Вдумайся! Ты вовсе не Роберт.
Ты — обезьяна. Цена тебе грош.
Но вдруг над тобой проделали опыт:
Набили тебя мозгами.

Пао-Пао

Врешь.

Шульц

Теперь вот самое главное: Артур...
(Ты знаешь его? Профессор. Мой брат.)
Он, видишь ли, хочет тебя обобрать,—
Он ставит тебя, понимаешь, на карту,
Статья, интервью, фото, заметка.
Он богатеет. Его знает свет.
А ты? Ты в неволе. В неволе! Заметь-ка.

Пао-Пао
(нервничая)

О!

Шульц

Но стоит ли дело свеч?
Ты просто-напросто — вещь.

Пао-Пао
(дрожа)

О-о...

Ш у л ь ц

Вещь!

П а о - П а о
(беснуясь)
О-о-о...

Ш у л ь ц

Пао-Пао!
Уедем со мной. Там Париж. Рим.
Они налево — а мы направо:
На воздух.
На ветер.
На волю.
В мир!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Боксерский ринг на сцене цирка «Джаз-Банджо-Хауз». Справа небольшая эстрада для оркестра. Вокруг эстрады и ринга — столики. За ними на переднем плане министр З е в е р и н г и его секретарь К р а т к и й. Вбегает Ш у л ь ц, окруженный р е п о р т е р а м и, за ним М и ц ц и.

Ш у л ь ц

Никаких интервью! Никаких интервью!
О, эти боши! Они обовьют
И газетною чушью доведут до эшафота.
Куда ж вы? Постойте! Вот наши фото.
(Раздает открытки направо и налево.)
Вы из газеты? Пишите так:
«Роберт — уроженец немецкой Африки.
Мать его — баварка, отец — орангутанг,
Похитивший несчастную женщину в шарфике
Фирмы «Майер» и в паре чулок
Фирмы «Донерстаг, Шнапс и Лох».

П е р в ы й р е п о р т е р
(записывая)

Не лучше ли наоборот? Мать — американка,
Сама укравшая орангутанга?
Так пикантнее.

Второй репортер

Нехорошо.
Это вызовет протесты церковной партии.

Третий репортер

И потом — выпадают национальные симпатии:
Где у вас баварка?

Мицци

Кельнер, крюшон!

Шульц
(к ней)

А кроме того, мы заработаем неплохо
От Майера, Донерстага, Шнапса и Лоха.

Спортивный судья Эбинг увидел Шульца.

Эбинг

Шульц!

Шульц

Господин Эбинг?

Эбинг

Ну, как?

Шульц

Все в порядке. Будьте спокойны.

Первый репортер
(мечтательно)

Я сниму даму с мартышкой на руках
В стиле византийской иконы.

Репортеры спешно занимают столики у самого ринга.

Зеверинг

Слыхали?

Краткий

Насчет Византии?

Зеверинг

Да нет:
Я о баварцах. Это навет!

Это кощунство! Некий торгаш,
А с ним и газетные лоботрясы
Пытаются какой-то гибридный ералаш
Выдать за тип арийской расы.
Этого нельзя допустить!

Краткий

О да...
Но как запретить это?

Зеверинг

Слушайте, Краткий:
Ступайте к англичанину. В присутствии суда
Скажите ему, что его перчатки
Встретятся с обезьяной.

Краткий

И что ж?

Зеверинг

Британец с мартышкой не станет же драться!

Краткий

А если он будет цепляться за грош?

Зеверинг

Но вы же почти министр агитации.
Пообещайте любую мзду,
А там будет видно.

Краткий

Иду, Иду!
(Убегает за кулисы.)

Между тем Мицци выводит на ринг Пао-Пао, углубленного в чтение какой-то книги. В зрительном зале гул удивления.

Мицци

Пао!

Пао-Пао

М?

Мицци

Очнитесь!

П а о - П а о

Да, Мицци?

М и ц ц и

Бросьте читать!

П а о - П а о

Сказка Андерсена. «Тень».

М и ц ц и

Но вы уже в цирке!

П а о - П а о
(умоляюще)

Последние страницы!
Слушай, слушай: «В яркий день
Я достигал колокольной меди,
Голова моя касалась церковной главы,
А в лунные ночи я был заметен,
Пожалуй, не хуже, чем вы.
Тогда я не знал о своей природе,
О сути моих траурных черт, моих рук.
Но в доме, который стоял напротив,
Но во Дворце поэзии — вдруг
Смещенье осей обернулось векам,
И стала черная тень... человеком!»

На ринг выходит боксер Б и л л О'Л а й л а н д
в сопровождении К р а т к о г о.

Л а й л а н д
(увидев Пао-Пао)

Что это? Это есть человек?

К р а т к и й

Но я ж говорил вам...

П а о - П а о
(подняв голову)

Быть человеком —
Значит, грезить завтрашним веком.
(Снова углубляется в чтение.)

Л а й л а н д

«Грезить»? Что это «грезить»? Э?

Пао-Пао

(снова подняв голову)

Жить! Но не в быту, а в мечте.

Лайланд

Не понимаю. О! Переводчик!
Что приключилось, э? Господа!
Я бил и китайца, и негра, и прочих,
Не день и не месяц, а целые года,
Но этот... Но это...

Эбинг

В чем дело, Билли?

Лайланд

Сэр! Ви скоро заставить наняться
Биться боксом с автомобилью.
Это горилла!

Эбинг

Не оскорбляйте нацию.
Роберт Дидрих — подданный Германии.

Лайланд

Это горилла.

Херинг

Что делать, человече?
Он не красавец.

Лайланд

Ви — ненормальный.
Ви пересталь узнавать вещи.

Мицци

Если вам нужны хорошенькие юноши,
Идите в клуб педерастов. Там пунши,
Там музыка и мальчики, и все за фунт.

Эбинг

Билл, я прошу вас.

Лайланд

Это горилла.

М и ц ц и

А где вы слыхали, чтоб горилла говорила?

Л а й л а н д

О, я не доктор.

Э б п н г

Билл, это бупт.

Ш у л ь ц

Билл, одумайтесь!

М и ц ц и

Гнусная бестия...

Ш у л ь ц

Все полетит к черту в эфир!

Э б и н г

Три миллиона оборота!..

Ш у л ь ц

Двести...

Э б и н г

Двести одних европейских фирм.

Ш у л ь ц

Какое несчастье для нас!

М и ц ц и

Для Германии!

Ш у л ь ц
(бросаясь к боксеру)

Билл О'Лайланд!

Э б и н г

Билли!

Л а й л а н д
(обращаясь к публике)

Внимание!
Билли О'Лайлапд — чэмпьон мира,

Двадцать два лет на ринг. Подай бог.
Двенадцать столица, Тасмания, Памирия,
Вальпарайзо, Рейкьявик, Гонконг, Бодайбо.
Чэмпьон мира Билли О'Лайланд
Имеет коллекций всемирных монет.
Он много люди видала номало:
Великан Сэм Бридж, негритос Боб Нэд,
Но такой, как это горилла,— нет!
Старый, мальчик папа Шульце
Пишет в газет: «О'Лайланд — закат»,
«О'Лайланд нет зуб», «О'Лайланд сутулится»...
Почтеннейший публикум! Дайте заказ,
И я свой противник на жидкость! На газ!!
Билл О'Лайланд имеет виза.
Билл всегда принимает вызов.
Как чэмпьон мира, он есть таков.
Он примет вызов минутный, сегодний,
Но от человек, а не от животный:
Ит из не бой быков.

Первый репортер

Он прав.

Второй репортер

Ничуть.

Третий репортер

Струсил.

Первый репортер

Прав!
Вы разве не видите, что это горилла!

Второй репортер

Сами вы горилла.

Первый репортер

Не толкайтесь, граф!

Второй репортер

Но-но! Без сарказма! Заеду в рыло!

На середину ринга вылетает Мицци.

М и ц ц и

Господа! Я должна предостеречь:
Лайланда речь —
Это просто каприз мирового гастролера,
Ну, и британского чванства след.
Я знаю Дидриха с этаких лет.
В мире нет чистокровней германца.
Он родился в деревушке у Майнца
На пивоварне «Глория»!
Вот вам — раз. Во-вторых, он рыжий.
Если, по-нашему, немец-блондин
Считается немцем номер один,
То значит, он немец — трижды!!!
Правда,
у него
оригинальная
внешность.
Но — это дело вкуса, конечно.
Я, например, обожаю таких.
(Отчаянно.)
О-ла-ла! Я его невеста!

Овации

Ш у л ь ц

(умиленно)

Браво!

Т р е т и й р е п о р т е р

Замечательно!

П е р в ы й р е п о р т е р

Видно, что не Веста.

В т о р о й р е п о р т е р
(хватаясь за живот)

Ой, скаламбурил...

П у б л и к а
(неистовствуя)

— Дидриха!
— Дидрих!

Т р е т и й р е п о р т е р

Дай кассеты.

Первый репортер

На! Только вытри их.

Публика

— Германию!
— Дидриха!
— Роберт Дидрих!!

Эбинг
(в рупор)

Дидрих (Германия) будет говорить!

Первый репортер

Подвинься.

Второй репортер

Сам дурак.

Третий репортер

Умерьте прыть.

Пао-Пао

Господа. Предположим, что я обезьяна.
Так называемые скоты
Всегда с человечеством были на «ты».
История Рима давно описала,
Загнув соответствующие углы,
Как конь императора Калигулы
Среди кольчужной и пурпурной знати
Председательствовал в сенате.
Мы обожаем германские стяги.
Но кто же, с совестью не разлучась,
Готов поручиться, что и сейчас
Лошади не заседают в рейхстаге?
Но если б латинские даты погибли,
То и тогда из священнейшей Библии
Мы извлекли бы случай о том,
Как принадлежавшая Валааму
Ослица критику навела ему
Собственноручным, так сказать, ртом.
Старик Валааша мог и озлиться.
Но кто — отвечайте мне,— кто из вас
Даст гарантию, что и сейчас

Потомок начитанной этой ослицы
Не пишет рецензий и даже статей
Где-нибудь в «Литературной газете»?
Что? Я не прав? То-то! Глазеете.
Итак, я просто за равноправье.
Скоты пребывают в любой оправе.
Во всех салонах принят скот.
Скоты даже «Скотленд-ярд» основали.
Был даже писатель Вальтер Скотт!
Поэтому нет никаких оснований
Так — ни с того ни с сего — вдруг
Закрыть перед ними боксерский круг.
Вступись, цивилизация, со всей своей энергией;
Скоты ж не евреи! Скоты ж не негры!

Овации.

Первый репортер

Все!

Второй репортер

О'Билли убили.

Третий репортер

До бокса!

Первый репортер
(восхищенно)

Вот это агитация!

Зеверинг

Краткий!

Краткий

Да?

Зеверинг

Прошу господина Дидриха сюда.

Шульц

Заинтересованы?

Зеверинг

Больше: увлекся.

Краткий приводит к министру Пао-Пао.
Мицци не оставляет его ни на минуту.

Позвольте пожать вашу руку.

Пао-Пао

Рад.

Зеверинг

Есть что-то вольтеровское в вашем тоне.
Но как вы смотрите на пролетариат?

Краткий

Точнее: отношение к коммунистам?

Пао-Пао

А кто они?

Зеверинг

Вы о них не слышали?

Пао-Пао отрицательно качает головой.

Краткий

Вы это всерьез?

Пао-Пао кивает утвердительно.

Зеверинг

Великолепно.

Мицци

Один вопрос:
Матч состоится?

Зеверинг

Мгновенье ока!
Сейчас решим.

(К Пао-Пао.)

А скажите, друг:
Над миром витает, как некий дух,
Проблема счастья. Но нет пророка,
Который сказал бы нам: где оно? В чем?
Я думаю, вы — с вашим тонким чутьем
Могли бы ответить.

Пао-Пао
(горько)

Есть призраки счастья:
Победный дым боевых передряг,

Винный пар,
туман сладострастья
Да «счастье» тянущий попка-дурак...

Мицци

И все-таки есть оно! Есть! Тем не менее!

Пао-Пао

Счастье — это мировоззрение.

Зеверинг

Мировоззрение? Счастье? Неплохо!
Для обывателя — это эпоха.
Милый! Вы просто спасаете нас!
Здесь глубина. Глубина без меры.
Эта! Истина! Может! Для масс
Сменить старье христианской веры.

Шульц

Господин министр! А как же матч?
Ради бога...

Краткий

Шульц, не маячь!
Отойди в сторону.

Шульц

Я не мешаю,
Но публика! Публика!

Зеверинг
(Краткому)

Матч разрешаю.

Краткий выходит на ринг.

Первый репортер

Кто это?

Второй репортер

Не знаю.

Первый репортер

Спросите Фрица.

Третий репортер

Наверное, комиссар полиции.

Краткий

(ямбы)

Германцы! Смею вас заверить,
Что долг правительства республику беречь,
Мы не позволим утверждать, что звери
Имеют человеческую речь.
Мы не позволим господину Билли,
Хотя бы он привел с собою танк,
Считать, что говорящий в изобилье
Берлинец Дидрих есть орангутанг.
Такое мненье, попадая в прессу
И тем возобновляя дарвинизм,
Ниспровергательски низводит вниз
Решенье «Обезьяньего процесса».
Вышеизложенная мысль, она,
В Америке доверье к нам растратив,
У них из мухи сделает слона.
Увы! Германия не так еще сильна,
Чтоб раздражать Соединенье Штатов.
Поэтому задам вопросец! Вот:
Имелась ли меж вас какая ссора,
Иль уговор, или иной отвод
Кандидатуры нашего боксера?

Молчание.

По-видимому, не имелась? Так.
(К арбитру.)
Начните матч. Немедленно. Иначе
Я низложу О'Лайланда — и, значит,
Он станет побежденным без атак.

Аплодисменты.

Эбинг

О'Лайланд — Дидрих! Первый раунд!

Боксеры сходятся, подают друг другу руки. Они стоят неподвижно в боевой позе, изучая друг друга и смертельно друг друга боясь.

Второй репортер

Начало бокса — такое несчастье.
Эх, если б сразу с последней части!

(Пишет.)

«Первый раунд уже показал,
Какою знатью наполнен зал:
Мадам Бовари, лейтенант Глан,
Анна Каренина, Мак-Аллан,
Туалеты, духи, ожерелья, меха
Из фирмы С. и от фирмы Х.».

Боксеры стоят неподвижно.

Мальчишка

Работать надо! Боксеры! Эй!

Крики

— Работать!
— Горилла, быстрей!

Боксеры начинают медленно кружить друг около друга.

Третий репортер

Мало толку от этого танца:
Писать-то не о чем.

Крики

Горилла, быстрей!

Мальчишка

Давай, давай!!

Первый репортер

Чего тебе, мальчик?

Мальчишка

Редактор прислал за статьей о матче.

Первый репортер

Сейчас.

Крики

— Да деритесь же! Дидрих! Билль!
— Фью-фью!
— Ату! Ату его!
— Пиль!!

Мальчишка

Стоят! Стоят, словно пара пугал!

Первый репортер
(пишет, поглядывая на неподвижных боксеров)

«Британец загнал противника в угол,
Который (противник) упал на канат.
Мы ждали бронзовый кросс из-под низу,
Но Дидрих не дал себя доконать
И гордо увел свой торс Диониса
Под мышку потомка Гамлета и Макбета.
О, как было проделано это!
Но вдруг
Хукк
Обеих рук...
Боги!
Уже победа стоит на пороге!!!
Будто стихия летит на вас!!!
Остальное сообщу, если вышлете аванс».

Но тут Лайланд наносит противнику удар в солнечное сплетение. Пао-Пао зашатался. Ему становится дурно.

Второй репортер
(лирически)

Глаза его пóлны нездешней грусти...

Пао-Пао рушится на ковер.

Крики

— Дидрих!
— Германия!
— Встаньте!
— Не трусьте!

Эбинг
(стоит над поверженным и отсчитывает секунды)

Раз! Два! Три! Четыре! Пять!

Пао-Пао
(тупо)

Спать!!

(Теряет сознание.)

Шульц
(ломая пальцы)

Все погибло!

Мицци

Так скоро, так скоро...

Краткий

Не обезьянье дело — спорт.

Зеверинг

Шульц! Из мартышки не вышло боксера,
Но философ получится — первый сорт!

Шульц

Да мне-то что делать? В омут кидаться?

Зеверинг

Зайдите завтра в министерство агитации.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Роскошный номер в отеле. У микрофона Первый репортер. Рядом Краткий, Шульц и Мицци. За ними клака.

Первый репортер

Алло! Алло! Алло!
У микрофона великий философ,
Который поставит ряд вопросов.
Люди! Запомните этот день:
В пяти афоризмах, граждане, все мы
Явимся свидетелями целой системы.
Что такое счастье? Пятипалая сирень?
Или всего только призрак, быть может?
И вообще: возможно ль оно?
Бедное сердце вопросов полно...
Сейчас Пао-Пао их подытожит.
Слушайте! Вникните! Вот мой совет.
Включаю голос философа.

Краткий

Свет!

Зажигается транспарант: «Тише! Идет передача».

Пао-Пао
(у микрофона)

1

Счастья нет. Есть только пути к нему.

2

Несчастье реальность. Но счастье миф.

3

Счастлив тот, кто ищет счастья.

4

Ищите счастье на дне ваших душ.

5

Счастье — это мировоззренье.

Шульц взмахнул руками — клака зааплодировала.

Первый репортер
(снова у микрофона)

Люди! Запомните этот день:
Вы получили новые скрижали.
Слушайте наш бюллетень:
В восемь философа изображали
Пáбло Пикáссо и Марк Шагал.
В девять философ по залу шагал —
Прошел три четверти километра.
В десять завтракал: грейпфрут, устрицы.
Десять тридцать — гулял по улице:
Шуба реглан и шляпа из фетра.
Одиннадцать десять — тартинки, ром.
Сейчас, в двенадцать, начнется прием
Самых различных посетителей.
Философ сбросил свой оранжевый халат
И ждет гостей в полувоенном кителе.
Он несколько печален и немного хохлат.
Фото его продаются всюду.
Итак, господа, до завтра. Адье!

Шульц выключает транспарант. Краткий, Первый репортер и клака прощаются с Шульцем, причем Краткий вручает ему некую сумму денег.

Пао-Пао
(шаря по столу)

Где моя книжка? Книжка где?

Мицци

Прошу вас в кресло.

Пао-Пао

Не стану! Не буду!

Мицци

Сейчас же начнете прием.

Пао-Пао

Не начну!

Мицци
(гипнотически)

Сядьте. В кресло.

Пао-Пао

Не сяду!

Мицци

Ну.

Пао-Пао садится. Мицци прощается со всеми, провожает их, затем подходит к двери, что в центре, и распахивает ее.

(Громко.)

Входите!

Входит Кох.

Кох?

Кох

Он самый.

Мицци

В чем дело?

Кох

Голод довел меня до предела.
Пока ваш философ выкусывал блох
И лил кисель на собственное темя,

Только и было слышно все время:
Кох да Кох!
Когда же вошел он в нацистский лагерь,
Вы дали мне обнищать вконец!

Пао-Пао

А помнишь, как ты воровал мой сахар?

Кох

А вы мои галстуки.

Пао-Пао

Ах, подлец!
А кто меня ложкой бил по башке?
Кто обзывал «картавым макакой»?

Мицци

Этого не было.

Пао-Пао
(иронически)

Скрылось во мраке?

Мицци
(невозмутимо)

Да, ты был в рыжеватом пушке,
Как многие дети арийской крови;
Да, с киселем ты шалил на здоровье,
Как многие дети немецких семей;
Но при твоем философском ранге
Лезть в какие-то орангутанги —
Этого ты не смей!
Кох! Вы ошиблись.

Кох

Что вы, Мицци!

Мицци

У вас удивительно странные мысли.
Признайтесь в ошибке.

Кох

Я? Никогда!

Мицци вынимает из сумочки толстый бумажник.

Мицци

Вы ошибаетесь?

Кох

(увидев бумажник)

А? Ну да...
Возможно... Бывает, знаете, сходство...

Мицци

(пряча бумажник за спину)

Сходство? Какое? С кем?

Кох

Нет, нет!
Это нечаянно.

Пао-Пао

Кох! Не юродствуй.
Возьми у нее, сколько надо, монет,
Признай ошибку — и марш по дорожке,
Пока я не вспомнил о ложке.

Мицци протягивает Коху чек.

Кох

Что это?

Мицци

Чек в Государственный банк.

Пао-Пао

(забавляясь)

Так, значит, я не орангутанг?

Мицци

Впервые слышу.

Пао-Пао

(Коху)

И ты? Ты тоже?

Кох

(беря чек и пряча его в карман)

Да, но хочу кой-что подытожить:
Сейчас у тебя наслажденья одни,
Сейчас ты, как сыр, катаешься в масле,

Но помни, приятель: в наши дни
Честный парень не может быть счастлив.

Мицци

Вон!

Кох

Ухожу, ухожу.

Мицци гневно распахивает перед ним дверь, в которую очень важно и величаво входит чрезвычайно удлиненный молодой человек. Кох скрывается за дверью.

Пао-Пао

В чем дело?

Молодой человек

Клуб имени поэта Лонгфелло,
Что по-английски означает «Долговязый»,
Избрал вас почетным членом.

Пао-Пао
(фыркнув)

За рост?

Член клуба

Обряд оформления очень прост:
Прежде всего вы обязаны
Нас посетить. Захватите, едучи,
Какой-нибудь четырехзначный фон...

Пао-Пао
(спокойно)

Ничего я не обязан. Убирайтесь вон!
Следующий!

Мицци
(звонко)

Простите: прошу в кабинет номер два.

Пао-Пао
(опешив)

Что? Да-да-да. Фрейлейн права.
Пускай Лонгфелло...

Член клуба
(гордо)

Я не кто-нибудь с улицы.
(Проходит в дверь слева.)

Мицци

Следующий!

Входит барон.

Барон

Барон фон Юлиус.

Пао-Пао

Коротко! Времени с гульхен нос.

Барон

Не купите ли баронский титул?
Герб такой: тевтонский идол,
Представляющий собою орла-альбинос.

Пао-Пао
(забавляясь)

Серебро?

Барон

Никель.

Пао-Пао

Ага. Попроще!
Поле какое?

Барон

Швабского письма:
Зелень с лазурью и черная кайма.
Внизу ж императорский росчерк.

Пао-Пао

Какие реликвии?

Барон

Особенных нет.
Имеется только гейневский сонет,
Утверждающий, что дед мой подлец и мерзавец.

Пао-Пао
(деловито)

Сонет не поддельный?

Барон

Что вы, что вы!
Сам банкир фон Штоффе
Хотел купить у нас этот сонет.
Подите спросите, почем теперь Heine.

Пао-Пао

Но вот что, любезный. Для вас не тайна,
Что нынче дворянчики не в цене.
Нет ли чего потоварней? Ну, колокол,
Может, остался от замка? Браслет?
(С интонацией уличного старьевщика.)
Старые галоши? Ботинки?..

Барон

(со вздохом)

Нет.

Пао-Пао
(соболезнующе)

Один сонет?

Барон
(печально)

Один сонет...

Пао-Пао

Сколько вашему роду лет?

Барон

Четыреста с хвостиком.

Пао-Пао

Хвостику сколько?

Барон

Полтора годика.

Пао-Пао

Куц.
Ну, так и быть. Рискну. Покупаю.
Титул и весь родословный куст.
Можете взять у Шульца аванс.

Скажите ему, что послал, дескать, вас
Барон... кхм... Юлиус фон Пао-Пао.

Барон

Вы моих предков скупаете оптом?

Пао-Пао

Да-да. А Шульц помещается там.

Барон
(взволнованно)

Позвольте...

Пао-Пао

Гоп-гоп! Жизнерадостным топотом!

Барон

Мать, например, я так не продам.

Пао-Пао

Мать? Понимаю и сына уважу.
Сколько в розницу за мамашу?

Мицци

Пао! Вы циник... Вы... Господин:
Пройдите к Шульцу — он там один.

Барон уходит.

Смотрите! Вы! Попадете в беду —
Вас не спасут никакие кредитки.

Пао-Пао
(нежно)

Какая ты красивая... Как к тебе идут
На лбу... вот эти... сердитки...

Мицци

О, вот это уже ни к чему.

Пао-Пао

Мицци! Суди меня по уму,
А не по внешности. Умоляю!
Правда, мой голос подобен лаю,

Мохнатая кожа не в силах пленять,
Но я человек! Кто мне под стать?
Атта Троль? Рейнеке Лис ли?
Мой череп усеян брильянтами мыслей,
Мозг ослепительной высоты...

Мицци
(перебивая)

В сравнении с человеческим — это
Попросту мозговая котлета.

Пао-Пао

Э! Нечестно. Уходишь в кусты.
Но ладно. Останусь орангом. Пусть.
        Вспомним греческий опыт:
Античный бык похитил Европу
И тешился ею весь свой путь.
Лебедь слетал к афинянке Леде
И с ней почевал на английском пледе.
Орел унес Ганимеда ввысь.
(Но я подозреваю, что то была орлица.)
Мицци! Вы поняли мою мысль?
Есть ли у вас фантазия, Мицци?
Бросьте скулить о женихе-человеке!
Вдумайтесь: быт переломив,
Здесь, в Берлине, в двадцатом веке,
На Ашенбахштрассе, против аптеки,
Вам в любви признается Миф!

Мицци

Чушь.

Пао-Пао

        Почему?

Мицци

                Какой же вы миф?
Вы так себе. Поднаучный работник.
Ведь Лебедь и Бык — это было на миг,
Ведь это были боги в образе животных.
Жители подлинной высоты!
А вы? Обезьяна. Волосатая. Хвостатая.
Как она по-латыни?

Пао-Пао
(глухо)

Достаточно..
Так. Я животное. Ну, а ты?
Ты, ничем на зверей не похожая?
Переплетенный в женскую кожу
Лирический том человеческих ласк,
Ты? Такая изящная, тонкая...
(Ехидно.)
А что это там за мясцо у глаз?
Ах да: это остаток птичьей перепонки.
(Саркастически.)
Но вы говорите — у меня хвост?
Я возвращаю вам обвиненье:
Мой копчик — три сантиметра. Вот-с!
А ваш — целых пять. Не менее.
Пять! Понимаете? И уж раз так,
То кто же из нас, дорогая, хвостат?
По-моему, ты! Прочитай заслужённых.
(Низким басом.)
Хвостатая ведьма.
(Высоким тенорком.)
Пардон: ведь-ме-жонок.
(И вдруг с неподдельной искренностью.)
Но я вас люблю!

Мицци

Прекратим разговор.

Пао-Пао
(поникнув)

Да, да... Понимаю... На вас еще траур.
У вас был этот... покойный боксер.
Вы пьете тоску о нем, как отраву.
Но, Мицци, Мицци! Любил ли он вас?
Познал ли
вашу
обольстительную
власть?
Когда вы мне в первый раз руку пожали,
Я себя почувствовал каким-то таким...
Возбужденным... Приподнятым... Как
на пожаре!

Я хотел петь! Обезьяний гимн!
Еле
        сдержал
                стон.
Я видел сквозь платье, как видят сквозь сон,
Почти позолоченные колонны
Ваших очаровательных ног.
Я слушал гитару резинок. Я смог
Сквозь ваши дурацкие одеколоны
Учуять запах морской волны,
Которой пахнет само здоровье,
В который язычески влюблены
Дымные
        языки нашей крови.
Я как бы всасывал ваши уста,
Издали втягивал ваше дыханье...
Мицци! Возьмите любые дани!
Я так умираю... Я так устал...
(Падает на колени.)

Мицци

Пао.

Пао-Пао

Тоской вы меня окормили,
Волчьим перцем, горьким, как желчь.

Мицци

Па-о!

Пао-Пао

Да. Я космат. Я желт.
Тем лучше. Да, да. Тем лучше, мой милый.
(Плачет.)
Бедный... Бедняжечка, Пао... О! о!
Все потерял... Опускаются руки...
Иди же домой. В джунгли. В бамбуки.
И вырыдай там сиротство свое...
(Трется головой об ее колени.)

Мицци
(брезгливо)

Однако довольно. Кому я сказала?
Доволь-но!
(Оттолкнула его и ушла к дивану.)

Валяется среди зала.

Встаньте, иначе скажу отцу.

Пао-Пао

(обессиленный)

Зачем же на ринге... ангел небесный...
Воскликнули вы: «Я его невеста!»?

Мицци

(надменно)

Пао! На, сахар! На! Тцу-тцу!

Пао-Пао сразу озверел от боли.

Пао-Пао

Уэ!

(Прянул на девушку, как дикое животное.)

Мицци

(в ужасе)

На помощь!! Ты смеешь? Силой?
Отвратительный... Вонючий... Воняешь псиной...
Лю-ди!

Пао-Пао

Уэ...

Вбегает Шульц.

Шульц

Моя Мицци! Дочь!

Пао-Пао

Уэ...

Мицци

Негодяй!

Шульц

Пао-Пао! Прочь!

(Наносит ему удар палкой по голове.)

Ошеломленный и испуганный, в съехавшем галстуке и с измятой хризантемой в петлице, Пао-Пао на четвереньках перебегает к дивану и трусливо забивается в угол.

Шульц

(потрясая перед ним палкой)

Раз навсегда говорю: не сметь!
Да тебе же по сотой статье — смерть,

Смерть без прений, кассаций, помилований...
Господи боже! Какой скандал!

Пао-Пао
(стуча зубами от страха)

Анри де Ренье сказал:
«Женщины любят, чтоб их насиловали».

Мицци и Шульц, несмотря на драматичность момента, разражаются хохотом.

Шульц

Дурак! Есть вещи не про тебя.
(К Мицци.)
Он в зоопарке зовется «Адамом»,
И там мечтают в конце сентября
Представить его оранговым дамам.
Впрочем, есть павианши — плюс
Шимпанзихи на любой вкус.
(К Пао-Пао.)
А женщин забудь. Успокой свои недра.
Мицци не вышла бы даже за негра,
А ты, хоть цитируй всего Мопассана,
Все-таки, извини, обезьяна.
Мицци!

Мицци

Да, папа?

Шульц

Дай ему бром.

Мицци

Брома нет.

Шульц

Почитай ему книгу.

Пао-Пао продолжает дрожать.
Шерсть на затылке стоит у него дыбом.

(Ему.)

Ну, ну... Спокойно...
(Гладит его по голове.)

Мицци

А как же прием?

Шульц

Страницу прочтет — и двигай!
(Ушел к себе.)

Мицци берет книгу и усаживается на противоположном конце дивана.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Та же комната. Мицци на диване. Пао-Пао в углу, как наказанный школьник.

Мицци
(читает)

Стриндберг писал Гогену: «Mon vieux!
Вкусы мои в сплошных испытаньях:
Я вижу цветы — их не знает ботаник,
Зверей — о них не слыхал Кювье.
Кто вы, мой милый? Не знаю, признаться.
Дикарь, ненавидящий цивилизацию?»

Пао-Пао
(встрепенувшись)

Цивилизацию? Ненавидящий?
Что это за книга?

Мицци
(спохватившись)

Потом, потом.

Пао-Пао
(дрожа от нетерпения)

Дайте взглянуть!

Мицци

Продолжайте прием.

Пао-Пао

М-м... Иезуитище!

Мицци захлопнула книгу и пошла к двери. Пао-Пао мгновенно ухватил голубой томик и сунул его под мышку.

Мицци
(распахнув дверь)

Войдите, мадам!

Входит дама двух бальзаковских возрастов.

Дама

Добрый вечер! Я — Стелла,
Киноактриса. Я бы хотела
Сыграть Жанну д'Арк. Вы смеетесь? Нет?
Играла же я в начале века
В «Собаке на сене» Лопе де Вега.
Вы, может быть, помните мой портрет:
Я была в газах... цветы «каприфоль»...

Мицци

Кого же вы играли?

Дама

Главную роль.

Мицци

Именно?

Дама

Ну, конечно, собаку.
О, это в прессе вызвало драку:
Альтенберг Петер... Герман Банг...
А я была в газах и флердоранже...

Пао-Пао

Увы. Я всего лишь орангутанг.

Дама
(вздохнув)

Ничего. Я согласна стать орангутангшей.

Пао-Пао

Как?! Вы пошли бы за мной?

Дама
(томно)

Кокó!
Я за вами — на край света,
Если это
Недалеко.

Вбегает девочка лет шестнадцати.

Девочка

Милый! Я видела вас в авто,
Я слышала вас... Вы себя исказили.
Вы не оранг. Вы — знаете кто?
Вы из Вообразилии!

Пао-Пао
(ему это понравилось)

О...

Девочка

А я? Я ведь тоже из сказки.
Не узнаете? Я — Красная Шапочка.
Давайте играть: вы будете папочка,
Вы сделаете для меня салазки.

Пао-Пао
(увлеченный)

Да, да. И впряжем в салазки оленя?

Девочка

Нет, зачем же? Мотор «кадиллак».

Пао-Пао
(все еще увлекаясь)

И в лес?

Девочка
(упоенно)

В отель!

Пао-Пао

Ах, вот оно как...

Девочка

Милый! Услышьте мои моленья:
Я столько мечтала, едва расцветя,
О сказке... Ведь я же такое дитя!

Дама

А если дитя, то играйте в куклы!

Девочка

А я хочу с плюшевым мишкой. Нет-нет:
С плюшевой обезьянкой.

Дама
(скривив губы)

Шкет.

Девочка

Избавьте меня от этой протухлой:
Ей, наверное, семьдесят лет.

Пао-Пао
(весело)

Так. Все ясно. Банком увенчан,
Могу завязать я любой роман.
Франс говорил: «Чтоб любить женщин,
Обезьяне нужен только карман».
Мицци! Вы знаете, что значит «чек»?
«Чек» — сокращенье от слова «человек».

Девочка

Милый! Пленительный!

Дама
(ей)

Брысь под лавку!

Девочка

Отстаньте! Я презираю вас!

Пао-Пао подходит к Мицци вплотную.

Пао-Пао
(задыхаясь)

Куплю... Тебе... Золотую булавку...
Будешь вся в булавках... Как дикобраз...
Иначе сойдусь с обеими сразу.

Девочка

Какое счастье!

Дама
(с надеждой)

Это не фраза?

Пао-Пао

Ну?

Дама
(девочке)

Понимаешь? Он в нас влюблен!

Обе ликуют.

Пао-Пао
(напряженно глядя на Мицци)

Ну?

Мицци подходит к женщинам.

Мицци

Убирайтесь вон!

Дама

Но-но, красотка! Знай свое место!

Девочка
(надменно)

Кто вы такая?

Мицци
(очень печально)

Его невеста.

Пао-Пао. Лицо его сначала осветилось исступленной радостью, но вдруг он рухнул в кресло, закрыв лицо руками. Мицци деловито выпроваживает обеих потаскух. Входят Шульц, Зеверинг и Краткий.

Шульц
(испуганно)

Пао! Что ты!

Пао-Пао
(отняв от лица руки)

Я думаю про...
Не важно, впрочем. Полный порядок.
(Указывая на кресла.)
Прошу.

Зеверинг
(усаживаясь)

Отлично. Я буду краток.
Философ! Нам нужно ваше перо.
Пять афоризмов — это блестяще,
Но — маловато. Книга нужна!

Краткий

Научный труд!

Шульц
(оробев)

То есть как? Настоящий?

Зеверинг

Книга! Пусть будет груба или нежна,
Но пусть вбивает каждому в ухо,
Что суть не в золоте, не в денежной власти,
Словом — запросы духа, а не брюха —
Вот что такое счастье!

Краткий

Какие воздушные замки ни строй,
Но береги существующий строй —
Вот в чем суть.

Зеверинг

Ваше имя в почете,
Вокруг отеля — сущий содом!
Если издать даже крошечный том,
Вы нацию всю за собой поведете.

Краткий

Мир! Мир!

Пао-Пао
(вздохнув)

Я весьма умилен.
Счастье не в золоте. Что ж. Неплохо.
Так, например,— за миллион
Сегодня купил я песенку Коха,
И все же счастлив не я, а он.

Мицци

Какую песенку?

Пао-Пао

«Черные глазки».

Мицци
(бледнея)

Как вас понять?

З е в е р и н г

К делу, друзья!
Частная жизнь не терпит огласки,
На ней останавливаться нельзя.
Нам нужно совсем другое. Видите ль...
Ваше племя, так сказать, э...
Наружность... Но дело не в красоте...
Словом, сегодня вы покровитель
Всех неудачников. Дайте же им
Тот великий духовный режим,
Который и явится подлинным счастьем.

К р а т к и й

Это заменит народную власть им.

П а о - П а о

Им? То есть снобам?

З е в е р и н г
(шепотом)

Наоборот:
Неудачники — это народ!

П а о - П а о

О, я вас понял! Пусть жадная молодость
Станет безбурной? Найти только модус!

З е в е р и н г

Именно!

П а о - П а о

Принцип?

К р а т к и й

Вот-вот!

П а о - П а о

Нашел!
Да будет каждый счастлив, хоть гол?
Не так ли?

З е в е р и н г
(восторженно)

О!

Пао-Пао

Дайте рупор.

Шульц включает репродуктор, зажигает транспарант «Тише! Идет передача».

(У репродуктора.)

Алло!
Люди! Глаголет пророк Пао-Пао.
Как уничтожить древнее зло
Безрадостности огромной, как хаос?
Я приношу человекам зарю:
Можно добыть ощутимое счастье
Без денег, без власти, даже вне страсти!
Слушайте, слушайте. Я говорю:
Клинически доказано,
что мощную радость
Дает
прогрессивный паралич.
И вот на весь на берлинский радиус
Реку вам: «Сифилис вовсе не бич!»

Зеверинг

Он издевается?

Пао-Пао
(ему)

Нет, почему же?
Этот рецепт ничем не хуже
Всяких других.
(В репродуктор.)
Однако идеи тогда популярны,
Когда и судьбы поборников их
Своим же теориям не полярны.
Разве не так поступил Христос?
«Царство мое не от бренного мира!»
Изрек и, распятый, себя вознес
В царство заоблачного эфира.
Создатель одной из мудрейших систем,
Во имя идеи,
не обинуясь,
Я
сегодня ж
привью себе lues.
И это же сделать советую *всем!*

Шульц

Он погубил нас...

Зеверинг

(зверским шепотом)

Арестовать!

Мицци

(бросаясь к нему)

Простите его, умоляю!

Пао-Пао озарился радостью.

Зеверинг

(заткнув уши)

Не слышу!

Мицци

Ведь это ж всего обезьяна!

Пао-Пао закусил от боли губу.

Зеверинг

Взять!!

Краткий лениво подходит к Пао-Пао и берет его за рукав. Пао-Пао мягко отстраняет его и прыгает на подоконник.

Краткий

Куда?

Пао-Пао

А куда же мне? К кошкам на крышу.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Берлинский универмаг. Пао-Пао движется по широкой спиральной лестнице снизу вверх, подходя то к одному, то к другому отделу.

Пао-Пао

Не нужен ли вам манекен?

Первый продавец

Нет.

Пао-Пао

Не нужен ли вам манекен?

Второй продавец

Не нужен.

Пао-Пао

Манекен не нужен?

Третий продавец
(ехидно)

Увы, баронет:
Сами из милости служим.

Радио

«Прелестные дамы и девы!
Прошу, запомните все вы:
Вечерние платья! Меха! Колье!
Любые цветы на любом белье!
Все — до костюма Евы».

Пао-Пао подходит к четвертому продавцу у витрины, где седой негр одевает и раздевает белокурую деву в полумаске.

Четвертый продавец

Мадам, повернитесь на градус. Мерси.
Обратите внимание хотя бы на прошву.
Сама принцесса де Монморанси
Не видела тоньше. И главное — дешево:
Сорок марок весь туалет.

Пао-Пао

Не нужен ли вам манекен?

Четвертый продавец

Нет.
Мистер Уолд! Прошу вас — снимите.
А плотность, плотность... Хоть дождь мороси!
Мадам, повернитесь на градус. Мерси!

Пао-Пао

О! Как похожа на Мицци!

Радио

«Прелестные дамы и девы!
Прошу, запомните все вы:

Вечерние платья! Меха! Колье!
Любые цветы на любом белье!
Все — до костюма Евы».

Пао-Пао

Слушайте: вам необходим манекен!
Это банально — «Черный и Белая».
Тут нужно, знаете, что-нибудь смелое,
Что-нибудь, знаете, в духе легенд.
А этот старик лишен темперамента.
Он обнажает ее безграмотно,
Нехотя обращается с ней...
А я, во-первых, похож на оранга!
А я люблю ее! Горькая ранка
Неразделенной страсти моей
Вмиг привлечет толпу любопытных.
А вы за муки любовных пыток
Заплатите мне лишь четверть того,
Что требует черное существо.

Четвертый продавец

Это идея! Директор одобрит.
Но вы действительно влюблены?

Пао-Пао

Я дам такой потрясающий образ,
Что все эти улицы будут полны!
Оранг и девушка! Сцена страсти!
Это звучит! А плата — пустяк.

Четвертый продавец

Как ваше имя?

Пао-Пао

Пауль.

Четвертый продавец

Так.
Ваша профессия?

Пао-Пао

Искатель счастья.

Четвертый продавец

Чего искатель?

Пао-Пао

Счастья.

Четвертый продавец

«Чащи»?

Пао-Пао

Счастья!

Четвертый продавец

И слова такого нет.

Пао-Пао

Есть. В словаре найдете. Поэт
Его применяет довольно часто.

Четвертый продавец

Ну, я в поэзии не мастак.
А это не против существующей власти?
Боюсь я его чего-то... «Счастье»...
А как оно пишется?

Пао-Пао

Извольте: вот так.

Четвертый продавец

Хм... Мне, конечно, не до открытий.
Ищите хотя бы и рай земной,
Но только, умоляю,— никому не говорите...
По крайней мере, в связи со мной.
Итак, прошу. Ее зовут Аста!
Разденете девушку до трусов.
Но только не дальше! Смотрите: без хамства!
Работать будете десять часов.

Радио

«Прелестные дамы и девы!
Прошу, запомните все вы:
Вечерние платья! Меха! Колье!
Любые цветы на любом белье!
Все — до костюма Евы».

Пао-Пао выходит на витрину.

Аста

Это что — новенький?

Уолд

Вот так урод!
За сколько работаешь? А? За трешку!

Аста

Как вас зовут? Ай... Уолд!
Вы меня оцарапали брошкой.

Уолд

Простите, Аста.

Аста

Что ж он стоит?
Странно. Он ощущает стыд...

Пао-Пао
(застенчиво)

Вам очень к лицу этот дымчатый газ.

Аста

Боже! Да он застенчив, как мальчик.

Пао-Пао

Какая вы красивая! Блеск ваших глаз
Можно носить на пальцах.

Аста

Ого! Вы, я вижу, совсем кавалер.

Пао-Пао

Я! Но вы нестерпимо похожи
На одну...

Четвертый продавец

Что ж вы? Снимите колье!

Пао-Пао

Я в лирике вашей всего лишь прохожий...
Но вы во мне отогрели зарю...
Я снова почувствовал осязанье,
Богатство шумов... Свечусь глазами...

Четвертый продавец
(шипит)

Снимите ожерелье! Кому я говорю?!

Пао-Пао

Да-да... Снимаю... И мне вас жаль.
Это... Клянусь вам! Это не странность.
Вот с ваших плеч опадает страус...
Вот плечо обнажила вуаль...
То, о чем ваш юный жених
Мечтал бы в бессоннице, как о святыне,
Вы отдали им! Вы, Аста, для них
Утонченность типа заморской дыни.

Аста

Знаю сама. Не ваше дело.

Пао-Пао

Мое! Я любил такую, как вы.
Я грезил под шелест ее листвы...
И я же купил ее тело!
С тех пор она для меня умерла.

Аста
(с волнением в голосе)

Зачем вы об этом мне говорите?

Пао-Пао

Но вы ведь как деревце в страшном иприте
Средь этой клоаки! Этого мурла!

Мужчина с лицом куба

Что-о?

Мужчина с лицом шара

Ка-ак?

Четвертый продавец

Снимите платье!
Мы ж сторговались уже об оплате.

Пао-Пао

Платье?

Четвертый продавец

Да-да-да-да. Туалет!

Пао-Пао

Но девушке только шестнадцать лет.
У ней жених. Подумайте, люди!

Голоса

— Снять!

— Что за торг?

— Прошу без прелюдий!

Пао-Пао

Я думаю, дамы меня поймут.
Он пишет ей: «Моя золотинка...»

Аста плачет.

Голоса

— Кто вы такой?

— Это беглый с Зинг-Зинга.

— Молчать!

— Где мы?

— Что это тут?

Для благородных девиц институт?

Четвертый продавец

Вы ж нанимались пылать! Пылайте!
Считаю до трех. Вы поняли?
Раз?

Дама в усах

Платье снимите! Снимите платье!

Пао-Пао

Отлично, мадам. Я сниму его... с вас!
(Прыгает на нее и рвет на ней одежду.)

Мужчина с лицом куба

Полицию! Это моя супруга!
Полицию! Шуцмана!

Пао-Пао

(бросаясь на какую-то девушку, срывает с нее платье)

А теперь с вас!

Дама в усах

Дочь моя! Твоя честь поругана!
Где же полиция? Власть?

Пао-Пао исчезает, увлекая за собой Асту.
Негр Уолд в страхе бежит за ними.

Голоса

— Держите его!

— Разорвите на части!

— Стреляйте, стреляйте!

Шуцман
(появляясь в дверях)

Что за крик?

Четвертый продавец
(бросаясь к нему)

Я сразу заметил, что он большевик:
Уж очень подозрительно слово «счастье».

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Каменный двор берлинского дома. В углу на скамье, абсолютно не обращая внимания на внешний мир, сидят юноша и девушка. Входит Уолд с шарманкой, за ним Аста, за ней, на цепочке, Пао-Пао, закутанный в плащ.

Пао-Пао

Уолд! Я верю, что вы от меня
Ни четверти пфеннига не утаите.
Мне только уехать бы на Таити...
Только дожить бы до этого дня,—
А там берите мою шарманку
И делайте все, что угодно.

Уолд

Чудак!
Ведь я ж вам поклялся.

Пао-Пао

Верю. Итак,
Давайте показывать обезьянку.
(Сбрасывает плащ. Вдруг видит влюбленных.)
Смотрите: парочка.

Аста

Где?

Пао-Пао

А вот.

Аста

Влюбленные...

Уолд

Хо! А нам что за дело?

А с т а

Начнем, начнем... Я ни крошки не сла.

У о л д

Что вам сыграть?

А с т а

Сначала гавот.

Гавот. На звуки шарманки сбегаются д е т и, н я н ь к и, кое-кто из м у ж ч и н.

Г о л о с а

— Что это?
— О, какая большая!
— Ей холодно, а? Она ведь босая.
— Она не кусается?
— Гензель, сюда!
Сию же минуту сюда! Дай руку.

А с т а
(ходит со шляпой для сбора денег)

Прошу, господа. Становитесь по кругу.
С каждого по пятачку, господа.

Г о л о с а

— Не напирайте!
— Эй, не вылазьте!

К о х
(подойдя к Пао-Пао)

Барон! А как же вопрос о счастье?

Пао-Пао вздрогнул. Кох с тихим смехом исчезает в толпе.

А с т а

Феноменальный орангутанг!
Лет ему — тысяча. Кличка — «Пао».
Питанье: бананы или какао.
Родина: Ганг.

Ю н о ш а с о с в а с т и к о й

Единица!

Аста

Ну, Чанг.
А вы ничего не бросили в шляпу.
Но самое важное, господа,
Что он произносит не без труда,
Но, в общем, отчетливо: «мама» и «папа».

Юноша со свастикой

Папа? Хи-хи... Ей-богу, я тресну!
О-хо-хо-хо! «Папа»! Ха-ха!
Жаль, моя бабушка стала глуха —
Ей бы это было интересно.

Аста

А вам неинтересно?

Юноша
(гордо)

Я в это не верю!

Уолд

А если услышите?

Юноша

Что ж. Буду рад.
Но это будет значить, что глупому зверю
Вставили в рот аппарат.

Уолд

Раскройте пасть. Пускай убедится.

Аста

Пожалуйста. Пао! Высунь язык.

Пао-Пао высовывает язык, не спуская глаз с влюбленной парочки.

Голоса

— А что тут такого? У нас была птица,
Так та...
— Попугай? Попугай привык,
А тут животное скажет: «Мама».
Ну?
— А вдруг это только реклама?
— Но что он все время тянет туда?
— Пить, наверное.
— Там вода.

Аста
(натягивая цепь)

Пао! Назад!

Голоса

— Какой упрямый!
— Чего ему нужно?

Аста

Пао! Назад!

Парочка испуганно вскакивает.

Голоса

— Не бойтесь, не бойтесь: он скажет «мама»!
— Сказал!
— Да нет: это я сказал.
— А он?
— Молчит.
— Бедняга застенчив.

Аста

Тише! Внимание!

Уолд
(ей)

Шляпу готовь.

Пао-Пао подходит к парочке вплотную и кладет им руки на плечи.

Пао-Пао

Любящий многих — знает женщин,
Любящий одну — познает любовь.

Голоса

— Он говорит!
— С каких это пор?

Юноша со свастикой

Они обещали «маму» и «папу»!
Подлость!

Голоса

— Держите этого Пау!
— Это не обезьяна!
— Позор!

Пао-Пао одним махом взлетает по трубе в окно второго этажа, садится на подоконник и начинает по-детски болтать ногами.

Крики

— Мошенник!
— Деньги обратно!

Пао-Пао

Довольно!

Юноша со свастикой

Гнусный обманщик!

Пао-Пао

Эй! Хрю-хрю!
Внимание! Слушать! Я говорю:
«Па-па». «Ма-ма». Ну что? Довольны?

Обалделая толпа сбита с толку.

Ученый с библиотекой на плече

Господа! Не волнуйтесь. Пасьянс, пасьянс!
Наука отрицает говорящих обезьян-с.
С другой стороны, вышеизложенный калека
Совершенно очевидно не похож на человека.
В чем его суть? По-научному — он
«Немостопереброспая противоположность».
Итак, существует ли он? Нон.
Это фигура ложная-с.

Пао-Пао

Ах, так? Меня нету? Хо-хо! Ну что ж.
Примите бытовую подробность от небылиц.
(Плюет ему на лысину.)

Ученый
(отирая лысину платком)

Этот плевок я воспринял как дождь.
А вас, уважаемый, нет и не было.

Комиссар полиции и два шуцмана, появившись в окне, схватывают Пао-Пао и опрокидывают его в глубь комнаты.

Кстати, юноши и девицы!
Прошу вас в истине убедиться:
Все, что было, всего лишь казалось!

Голоса

— Его уж не будет?
— Какая жалость...

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Трюм океанского парохода. Три клетки: справа — тигр, слева — медведь, в центре — Пао-Пао. Он читает книгу.

Пао-Пао
(читает)

«Стриндберг писал Гогену: «Mon vieux!
Вкусы мои в сплошных испытаньях:
Я вижу цветы — их не знает ботаник,
Зверей — о них не слыхал Кювье.
Эти оранжевые собаки,
Эти тона, тона забияки...
Кто вы, мой милый? Не знаю, признаться.
Дикарь, ненавидящий цивилизацию?»
Гоген отвечает Стриндбергу: «Друг!
Художник лишь ученик модели.
Боги маори вели, как хотели,
Покорное мужество моих рук.
Это не выдумка, не прикрасы:
Здесь истинный эпос маленькой расы!
За Академии Курфюрстендамм
Я свое варварство не отдам».
(Вздохнув.)
Как это сказано!
(Отложил книгу.)
Что происходит?
Ведь нас на этом вот пароходе
Везут в зверинец. Но я — шалишь!
Я, дорогой, уплыву на Таити.
Мне, уважаемый, грубый шалаш
Милей небоскреба на Вестен-стрите.
Не верите? Честное слово, милей!
Еще бы! Меня затравили местью.
Они хотят, чтоб я на земле
Занял как можно меньше места.
Меня запретят, как любую из книг.
Моя необычность — проступок для них.
Пока говорю я «папа» и «мама»,
Хотя бы при этом шагал без штанин,
Я еще, так сказать, гражданин,
Но что-нибудь поумней — и драма!
И вообще — у людишек так:
Если ты нуль, если пустяк,

Ежели выше тебя даже звери —
Перед тобой открытые двери!
Бога за бороду теребя,
Умы работают на тебя.
Но если, к несчастью, ты Кант или Беркли,
То будешь
хоть в Англии, хоть в Германии,
Как рыба, прыгающая на зеркале.
Как лампочка, зажженная в кармане.
Сможешь — звезды в небе исчисли,
Но цифры тут же заройте, развейте,
Ибо больше всего на свете
Люди боятся мысли.
У них уж на все имеется взгляд.
(От этого взгляда некуда деться!)
Это такой прабабушкин склад,
Полный заповедей и сентенций.
К вам, например, уже мир привык
И навек в хищники вас наметил.
Но тигр не хищник. Хищник — бык:
Он топчет гектар, а съедает на метр.
Вы протестуете! Но увы:
До этого никому нет дела.
Вы
для них
не живое. Вы —
Прежде всего идея.
Тигр — хищность. Величие — лев.
Аминь. И так навеки.
Вот я. Я, зверя преодолев,
Вышел уже в человеки.
Я существую! Я есмь! Актер,
Играющий Пао-Пао,
Грим с лица как будто не стер,
Так, значит, ко мне относится «браво»?
Так, значит, слезы мои, мой смех
Кого-то волнуют? Мой рыжий мех
Не только же театральная маска —
Это становится все ясней!
Здесь бьется мысль! И зритель и масса
Душу живую чуют за ней.
А между тем опустится занавес,
Шубы, галоши, трамваи, авто...
Быт войдет в свою силу заново,

Зритель очнется и скажет: — Не то.
— Чушь какая-то...
— Чепуха! —
Ясное дело: на мне же меха.

Входит сторож.

Сторож

Доброе утро, мои зверьки!
Опять мы дожили с вами до завтра.
(Тигру.)
Ваше величество, вот вам завтрак.
Но только простите: не из руки.
Мы уж вас знаем... Ну-ну-ну, Цезарь!
Ах, так? Опять подгрызаете прут?
Ладно. Сегодня же явится слесарь.
У нас номера не пройдут.
(К Пао-Пао.)
То ли дело моя мартыха...
Эту корми
хоть изо рта.
Так. Все в порядке. Дверь заперта.
Настроенье прекрасное. Ой...

Пао-Пао
(схватив его за грудь)

Тихо!

Тигр вдруг начинает метаться в клетке, страшно рыча.

А ты, друг Цезарь, брось свою прыть,
Смотри, как спокойно лежат медведи.

Сторож

Вы... вы умеете говорить?
Не может быть... Вы не умеете...

Пао-Пао

Тише!

Сторож

Чур меня...

Пао-Пао

Тихо. Ну!
Сию же минуту откинь засовы.
Считаю до трех. Раз!

Сторож

Да что вы...

Пао-Пао

Два!

Сторож

Я не смею... Я не могу...
Позвольте, к начальнику побегу...

Пао-Пао
(снова схватив его за горло)

Три!

Сторож

О, господи...
(Отпирает дверь.)

Пао-Пао
(выпрыгнув из клетки)

То-то. Скотина.
Почему стали?

Сторож

Ждем карантина.

Пао-Пао

Где?

Сторож

Не знаю.

Пао-Пао
(схватив его за горло)

Не знаешь? Ра-аз!

Сторож
(испуганно)

Ей-богу, не знаю. Может, Кавказ,
А может, Индия. Море атласно...
А что вдали? Хребет? Облака?
Пока не понять. Не понять пока.
Сизое что-то.

Пао-Пао

Горы Атласа.
Если не ошибается Брем,
Там водятся шимпанзе и оранги...
Который час?

Сторож

А вам зачем?

Пао-Пао
(грозно)

Час!

Сторож

Да я к вам пришел спозаранку,
Пятый как будто.

Пао-Пао

Нет ли засад?

Сторож

Нет-нет.

Пао-Пао
(открывая перед ним дверь клетки)

Прошу!

Сторож

Ку-куда?

Пао-Пао

В зоосад.

Сторож

Это зачем же? Очень обидно-с.
Даже и более. Просто беда!

Пао-Пао

Живей-живей!

Сторож

Ну, а вы-то куда?

Пао-Пао

А я, дорогой мой, к себе. В первобытность.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Африканский островок. Пао-Пао на лужайке среди зарослей бамбука, окаймляющих пальму,— предгардию. Он гол, но с цейсом, висящим на шее. Вокруг удивленные обезьяны, внешний вид которых ничем не отличается от внешнего вида Пао-Пао.

Пао-Пао

Неужели я вернулся? Неужели я вернулся?
Вернулся! Домой! Ха-ха...
Слоновья тропа теперь моя улица,
Одежда моя — мои же меха.
Вы ничего не понимаете, оранги!
А? Ты что смотришь, бутуз?

Орангутанжонок

Э-мэ.

Пао-Пао

Да, да! Узнаю: знакомые ранки.
Все лазанье на уме?
А помню ли я еще это искусство?
Эх, прощайте, Юм и Бокль!
(Влезает на пальму.)
Ну и москиты... Все тело искусано!
(Почесывается.)
Так. А теперь поглядим в бинокль.
(Регулирует стекла.)
Природа-природиссима! Природа вечна!
У, как ясно... Лоа! Том-Том!
Дома. Мой отчий дом.
Вот только ремешок воняет человечиной...
(Задумался.)
Люди. Странный народ.
Они все живое шьют в переплет,
Они все, что движется,— на якоря!
Пейзаж человеческий — это засовы,
Тюрьмы, остроги, концлагеря,
Жандармерианская философия.
Вы не поверите мне, друзья:
Любимое слово людей: *«Нельзя!!!»*
Как вам нравится это?

Оранг-вождь

У-му.

Пао-Пао

Вот-вот. И я то же самое думаю.
Люди, они, брат... Что это там?
А! Это вылез гиппопотам,
Похожий на автомобиль Фиата.
А слева? Ого! Это место свято!
Чрезвосхитительно! Сверхколоссаль!
Пантеры... Траурные... Две... Усатые...
И мечутся, как черные глаза.
(Напевает.)
«О, эти черные глаза,
Как блеск рояля...»
(Отнимает от глаз бинокль.)
Удрали.
(Задумался.)
Женщины... Знаете ль силу свою?
Когда я вас слышу в хоре,
Я так волнуюсь, как будто стою
На берегу моря...
(Встрепенулся.)
Ого: на звездных часах уже пять.
Простите: но мне пора спать.
(Спускается.)
Вы лезьте на пальмы, а я вот тут.
(Укладывается у корней предгардии.)
В сущности: что такое уют?
(Кряхтит, вертится.)
«Баю-бай,
Баю-бай,
Пусть тебе приснится рай...»
(Зевает.)
Скоро в Европе встретят весну.

Пауза.

Гроза собирается. Вон они, вспышки!
(Вдруг садится.)
Ох, я, знаете, так не усну.
Нет ли у вас какой-нибудь книжки?
А впрочем,— на кой же вам, граф, щека?
Положитесь на нее.
(Укладывается.)
Алеет восток.
(Снова садится.)
Ба! Да мне книжку заменит листок,

Изъеденный значками жука-типографщика,
Это идея! Да — а фонарь?
Не сечь же камень о камень.
Постой: чем-то пахнет. Рыба! Она!
Я рыбий пузырь наполню светляками.
(Отходит к кустам и принимается собирать в ладонь светляков.)
Всю жизнь мы в себе себя уминали.
Но, как ни ворочайся, как ни действуй,
Мы живем в обаянии воспоминаний
О нашем доисторическом детстве.
Не к тому ль детству, где вы, то есть мы,
Тянутся западные умы?

Оранг-вождь

Уэ...

Пао-Пао

Совершенно верно. Вот именно.
Помните Уолта Уитмена?
«О, умчаться туда,
Где, наконец,
Обилие трав,
Обилие воздуха!
Быть свободным
От светских цепей...»
Ну и так далее. Это в «Листьях».
Уйма потребностей в голой касте!
Но ведь еще ни один статистик
Не доказал, что в потребностях счастье.
(Исчезает в гуще листвы.)

Старый оранг

О.

Том-Том

О-о.

Лоа-Лоа

Гау-га!

Детеныш

Гау-тэтэ.

Старый оранг

О-а-как?

Том-Том

Ка-ка-о́!

Оранг-вождь
(безапелляционно)

Шоколад «Гала-Петер».

Пао-Пао
(снова появляясь с фонариком из рыбьего пузыря, проливающего тихий свет)

Я смутно помню странное детство...
Пао. Пао́нок. Косматый отец твой —
В черной гриве. В серебряной — мать.
Вокруг детеныши. Их было пять.
Мы жадно смотрим на красного «ара»
　　В синей листве. А на нас,
Увенчанный перьями, в пятнах от жара,
　　Индейцем глядит ананас.
А может быть... Может, я это читал?
　　И дело было в Америке?
Пусть. Не важно. Я так мечтал!
Дайте семью мне... Сердце по мерке...
Слушай, как тебя? Лоа-Лоа!
Хочешь
　　　быть
　　　　　моею
　　　　　　　женой?
Гнездо мы построим меж этих алоэ,
Сквозь листья мы будем глядеть на зной,
Как *там*, у этих, глядят на очаг,
Где пляшут такие петушьи гребни...
Сколько, бывало, в бессонных ночах
　　Сидел я с одной непотребной!
Ах, ничего не знаю сильней...
　　Ты не поймешь, Лоа.
Однако зачем я вспомнил о ней?
К черту, прошлое! Прочь, былое!
Впрочем, нет. Лишь это одно
　　Пусть от ушедшего снится.
Лоа! Если тебе все равно,
　　Я буду звать тебя — «Мицци»...

Вдруг обезьяны подымают дикий вопль и в ужасе разбегаются. Пао-Пао остается один. Прислушался.

Что с ними? О! Голоса... Ну да...
Люди! Ваш голос птичьего слаще...
Спасите меня! Я здесь! В этой чаще!
Сюда, сюда! Дорогие! Сюда!
Ах, что я? Нет, нет! К чему словоблудье?
Они меня в клетку. Ведь это же люди!

Пао-Пао бросился бежать. Выстрел. Пао-Пао со стоном падает. Появляется матрос с дымящейся винтовкой, за ним Фистов и Кох.

Фистов
(матросу)

Как ты посмел?

Матрос

Господин Фистов:
Он убегал, а под ним обрыв...

Кох

Убийца!

Фистов

Пао... Голубчик... Ты жив?
Этот проклятый выстрел!

Кох

Доктор! Скорее! Он здесь!

Вбегает доктор. Он тут же начинает осматривать Пао-Пао.

Фистов

Ну как?

Доктор

Да вот не прощупывается никак.
Ну ничего. От нас не отвертится.
Трудно, знаете, без бритья:
Мех!

Пао-Пао

Не ищите. Пуля в сердце.
Да и не ваша.

Доктор
(изумленно)

А чья?

Пао-Пао

Бытия.

Фистов

Милый, оставь это!

Пао-Пао

Жизнь наскучила...

Кох

Это смотря какая...

Пао-Пао
(слабея)

Спать...
Помнишь, как Шульц? Три. Четыре. Пять.
Михель... Набей из меня... чучело...
А? Не хочешь? Мм... А не то
Пошли
мою шкуру
Мицци.
(Горько улыбаясь.)
Она... бедняжка... скучает, томится...
Пусть щеголяет в обезьяньем манто...
(Угасает.)

1931—1936

РЫЦАРЬ ИОАНН

ПОСВЯЩЕНИЕ

О муза истории, бог покоренный!
Вся ты свелась к простейшим вещам:
Кто и как овладел короной,
Как и кому ее завещал.

А если где, нарушая каноны,
Вдруг подымался народный вожак,
Ежели шел он против короны
И эхо веков повторяло шаг —
Ты изымала его из народа,
«Разбойником» обзывала его,
И летопись — вновь колокольная ода,
Сплошное военное торжество.

Но правду навек в пучину не кинешь.
Вдруг, человечество окрыля,
Она со дна, точно город Китеж,
Всплыла рубинным созвездьем Кремля.

И Русь обретает новую меру,
Вожак обезглавленный снова в строю.
Первому
русскому
революционеру
Ивашке-рыцарю — всю мою веру!
Ему посвящаю песню свою.

АКТ I

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1606 год. Венеция. Таверна.
Монах, перелистывающий рукопись, и клюющий носом художник.
Слуга убирает с одного из столиков. Входит Болотников в одежде воина.

Болотников

Здорово, малый.

Слуга

Здравствуйте, синьор.

Болотников

Вина!

Слуга

Какого?

Болотников

«Кристи». Только живо.
Ну, и жара! Галера, а не город...

Слуга

Сейчас, сейчас. Давненько, Джиованни,
Вы не заглядывали к нам.

Болотников

Дела.

Слуга

Опять ходил на турок?

Болотников

В эту пору
На турку не идут — идут на немца.

Слуга

Да разве это птицы, Джиованни,
Которых, глядя на погоду, бьют?

Болотников

А видишь, малый, турку бьют на море.
Но за морскую битву да зимой
Солдаты меньше двадцати дукатов
И брать не станут. То ли дело немец!
Тут бой на суше. Цены-то пониже.
Ну вот купцы и снаряжают нас,
Куда в какое время по карману.

Монах

Вы кондотьер?

Болотников

Служу у кондотьера.
На жалованье. Колонновожатым.

Монах

А где последний месяц воевали?

Болотников

В Ломбардии баталия была.
Венецианцы с немцами ругались.

Монах

И что ж? Убитых много?

Болотников

Да немало.

Монах

А все-таки?

Болотников

Да человека два.

Слуга

Как вы сказали: два?

Монах

Два человека?

Болотников

Ну да. Один у нас, один у них.

Художник

Да вы смеетесь, колонновожатый!

Болотников

Ничуть, синьор. Сообразите сами:
От нашей от республики сражались
Испанцы, португальцы, да валахи,
Да кое-кто из крымцев. Так?

Монах

Допустим.

Болотников

Немецкий цесарь выставил гельветов.

Монах

Допустим.

Болотников

Так? А где ж венецианцы?
А где же немцы? Коренных-то нет.
Нет коренных. Наемные солдаты
С наемными солдатами дерутся
По пять дукатов за чужую землю,
К чему же им друг друга убивать?

Монах

Так, значит, бой у вас почти театр?

Болотников

Почти.

Монах

Занятно.

Болотников

Это как кому —
А нам труды.

Слуга

Труды?

Болотников

А ты что думал?
То через речку в полном облаченье
Извольте вплавь, жалеючи коня
(Ведь конь-то свой — не кондотьерской
службы),
То через горы в пропасти спускайся
И фальконеты огненного боя
Сымай на собственных своих плечах.
Проголодался — ешь кору. Заснешь,—
Вдруг барабаны! Вскакиваешь — бой!

Монах

Но как же все-таки, любезный рыцарь,
Вы побеждаете друг друга, если
Уж так жалеете своих врагов?

Болотников

Да кто же враг, богоугодный пастырь?
Враждуют короли — не мы враждуем.

Монах

Но как же вы сражаетесь?

Болотников

А просто:
Немножко постреляем, а в атаке
Прикинем, сколько у кого солдат.
У них побольше — значит, мы бежим,
У нас побольше — их черед побегать.

Смех.

Монах

И это все за пять дукатов?

Художник

Ложь!
Вы, patre, позабыли про грабеж.

Монах

А в самом деле: я забыл об этом,
Как говорил блаженный Августин...

Художник
(перебивая)

А до него великий Аристотель
Назвал войну с изысканным лукавством
«Искусством приобретенья».

Слуга

Что делать?
Закон войны.

Монах

Да-да. Закон войны.

Болотников

Вы оба ошибаетесь, друзья.
Наемники не грабят. Мы — актеры.
Мы лишь играем в битву, а добычу
По праву получает кондотьер.

Монах

А вы?

Болотников

А мы довольствуемся, patre,
Горячим поцелуем поселянки
Да лишней чаркой местного вина.

Художник

А сам ты, рыцарь, из каких племен?

Слуга

По кудрям судя, явный северянин.

Болотников

Я издалека. Вряд ли вы слыхали
Про этакое племя: русь.

Художник
(с хитринкой)

Ах, так?
Как раз вчера... оттуда мой приятель...
Привез соболью шубу.

Болотников
(живо)

Кто такой?

Художник

Приятель мой, иконописец Пьетро.

Болотников
(подсаживаясь к нему)

И что же он рассказывал, синьор?
Как там живут?

Художник
(прикидываясь пьяным)

Подробностей не знаю,
Но если только верить этой дряни
(А как ему не верить, если он,
Вы сами понимаете, оттуда...),
Хотя и лгун! Я вас предупредил!
Отчаянный. Но все же как-никак
Иконописец... Сле-до-ва-тель-но —
Богобоязнен. Хо-хо-хо... Каналья!
Уж он-то, Пьетро-то, бого-бо-бо...
Позвольте: как я только что сказал?

Болотников

«Богобоязнен».

Художник

Бо-го-бо-бо...

Болотников

...язнен!

Художник

Эй, малый, получи!

Болотников

Куда, куда?
Ведь вы же собирались рассказать
Про своего дружка, иконописца!

Художник

Как! Разве он мне друг?

Болотников

Ну, так приятель.

Художник

Но это же совсем другое дело!
Ведь дружба — это друж-ба! А прия...?

Слуга

Синьор художник, с вас один пиастр.

Художник

Сию... мину...
(Достает кисти и краски.)

Болотников

Так как же там живут?
Рассказывайте. Ну!

Художник
(рисуя на столе)

Немного охры...
Теперь чуть-чуть огня...

Слуга

Эй-эй, синьор!
Вы что малюете?

Художник

Одну минуту.
Тут черточка... тут точка... Эй, прислужник!
Я на столе нарисовал монету
Достоинством в дукат. Понятно? Вот.
А сдачу можете себе оставить...

Слуга

Ну, черта с два! Меня не проведешь!
Я вас прошу, любезный Джиованни,
Попридержать его минуты две,
Пока я сбегаю за алебардой.

Болотников

Не стоит, малый. Я уж заплачу,
А вы, синьор, мне скажете за это,
Где я найду иконописца. Ладно?

Художник
(трезво)

Благодарю за мелкую услугу,
Любезный кавалер. Я буду счастлив
Вам сообщить, что мой приятель нынче
Пойдет в капеллу у канала Гранде
Послушать мессу Палестрины.

Болотников

Так.
А как же я его узнаю?

Художник

Просто.
Он будет зверски врать о Кампанелле
(Ведь он всегда о Кампанелле врет).

Монах
(горько)

Он плохо кончит, этот ваш приятель...

Церемонно раскланявшись, художник удаляется.

Слуга

Вы видите, как бойко он уходит?
Как будто бы и не пил. Ах, мошенник!
(Подходит к его столику, плюет на рисунок и стирает его тряпкой.)

Монах

Итак, вы из Руси. Но как судьба
Забросила синьора в Венецею?

Болотников

А так вот и забросила. Сперва
Я был холопом некоего князя.
(Телятевский фамилия его.)
Ну вот. Крестьянам жить у нас несладко.
Так я и побежал было на Дон
Искать себе свободную землишку.

Монах

И что ж?

Болотников

Не повезло. В солончаке
Меня арканом захлестнули крымцы
И продали в Константинополь. Так
Я стал рабом, прикованным к веслу,
На боевой трехъярусной галере.

Монах

Пожалуй, это хуже, чем у князя!

Болотников

Во всяком случае, отец, не лучше...
Как я бежал оттуда — не скажу.
Меня не пожалели, ну, и я...
Я тоже...

Монах

Бедное дитя. Так молод
И так озлоблен.

Болотников

Да... Константинополь...
Вы знаете ли, досточтимый пастырь,
Что́ мне запомнилось о нем? Одна
Как будто бы ничтожнейшая мелочь.
Вы помните, синьор, понтонный мост
Между Стамбулом и Галатой?

Монах

Помню.

Болотников

Турецкие чиновники у входа
Взимали плату: с пешего медяк,
А с конного серебрецо. Однажды
Я видел, patre,— это было утром —
Скакал арабский воин на коне.
Его великолепный жеребец
Плясал со звоном. Шелковый бурнус,
Как облако, вздымался за арабом,
А тот сидел, небрежно подбоченясь,
С серебряной монеткою в зубах.
Не трогая приспущенных поводьев,
Не останавливая конской пляски,
Он поравнялся с городскою стражей

И плюнул в них пиастром, а чиновник
Сноровисто поймал монету в феску,
Похожую на красный перец...

Монах

Ну?

Болотников

Тут я подумал: господи, ужели
Нельзя бы выдумать такое время,
Чтоб серебришко значило не больше
Плевка солдата?
Слушайте, отец!
Вы образованны и благородны...
По вашему широкому челу
Я чувствую размах высоких мыслей...
Вы, верно, много думали о людях,
Об их мучениях, об их судьбе
И сами настрадались, очевидно...
Так будет ли когда такое время,
Раскрытое пророческим виденьем?
Скажите же, отец мой, будет?

Монах

Рыцарь!
Несчастный мой учитель Кампанелла
Уж много лет с великой страстью пишет
Трактат мечты о «Государстве солнца».
Его гноили в тюрьмах и сгноят.
Я это знаю. Знаю! Но не верить
Я не могу. Ты спрашиваешь, рыцарь,
Настанет ли когда такое время?
Я отвечаю, сын мой, всем сияньем
Своих седин: оно настанет, да!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Капелла у канала Гранде. В оркестре настраивают струны. Прихожане торжественно рассаживаются по скамьям.

Художник

Синьор владелец банковской конторы!
Когда же вы возьмете у меня
Портрет своей супруги?

Банкир

Я сказал вам,
Что никогда.

Художник

Однако же, синьор...

Банкир

Я вам сказал, что в вашей размалевке
Моя жена похожа...

Художник

Но...

Банкир

Да-да!
Я знаю сам: она и седовата,
И нос чуть-чуть, пожалуй, крючковат...

Художник

А глаз?

Банкир

Что глаз? Но кто же вам велел
Писать кривой? Ведь был же и здоровый.
Она у вас похожа на чертовку!
(Прости, мадонна, черное словцо...)

Художник

Отличная идея! Очень жаль,
Синьор владелец банковской конторы,
Но если так, то мне придется завтра...

Банкир

Я вам сказал, что не приму портрета!

Художник

Продать его трактирщику в порту
Для вывески таверны «ВЕДЬМА С МОРЯ».
Ему, пожалуй, это подойдет.

Банкир

Ого! Посмейте!

Художник

Триста извинений,
Синьор владелец банковской конторы,
Но если вам угодно утверждать,
Что сходство моего портрета с ведьмой
Лишает вас возможности...

Банкир

Довольно!
Я... я его беру.

Художник

Еще момент,
Синьор владелец банковской конторы.

Банкир

Но покороче.

Художник

Я застраховал
Тому назад не больше полугода
В конторе вашей тысячу сигар.
Они лежали у меня в мансарде
И вот, увы,— погибли от огня.

Банкир

Как от огня? Я ничего не слышал.
Ведь ваша же мансарда не горела!

Художник

Мансарда не горела, но огонь
Пожрал до пепла все мои сигары.

Банкир

Да вы, наверно, просто их скурили!

Художник

Я этого отнюдь не отрицал.
Но истина есть истина: сигары
Погибли от огня, и я прошу
Мне отчеканить страховую сумму.

Банкир

Вы шутите, синьор.

Художник

Шучу, конечно.
Но эта шутка будет стоить денег.
Эй, Джиованни! Псс... Сюда, сюда!

Болотников

А, это вы.

Художник

Скорей, пока есть место.

Болотников
(озираясь)

А где же этот? Ваш иконописец?

Художник

А наш иконописец — это я.

Болотников

Вы Пьетро?

Художник

Пьетро.

Болотников

Как же вы сказали,
Что Пьетро ваш приятель?

Художник
(усмехаясь)

Милый друг!
Я думаю — и вы себе приятель.

Болотников
(ему не до смеха)

Так это вы приехали?

Художник

Откуда?

Болотников

«Откуда»... Из Руси!

Художник

Впервые слышу.

Болотников

Послушайте, синьор! Ведь вы сегодня...

Художник

О славный рыцарь! Если бы вы знали,
Как трудно жить без гроша за душою,
Но ежедневно пить свое вино.
Ну, как иначе я бы вас заставил
Расплачиваться за чужую кружку?
А ведь жара была какая, рыцарь!
Жара какая... Тише. Начинают.
Ты обрати вниманье, Джиованни:
Вся музыка на mi, на sol, на fa.
Что это значит? Это значит вот что:
Mi — образ целомудрия... невинность...
Sol — чистое стремленье к небесам,
А fa — успокоенье духа. Ясно?

Болотников

Я этого не понимаю.

Художник

Тсс.

Вот это — лютня, а вон то — теорба.
А та вон деревянная труба,
Обтянутая кожей,— это серпент.
Но только тише, умоляю — тише!
Я возношусь душою к небесам.

Слушают.

Ах, что за месса... Боже, что за месса!
Какая меланхолия... Какое...
Кто эта дама? Ты ее не знаешь?
Хотя бы обернулась на минутку.
Взгляни сюда, красотка, на мгновенье!
«Румянец твой так нежен, что лилеи
Бледны пред ним, а розы — смущены».
Ты думаешь, что это я сказал?
Есть в Лондоне актер Шакеспеаре,
Так это он... Ты что же приуныл?
Ужель, синьор, вам жалко ваш пиастр?

Болотников

Я думал, Пьетро, кое-что услышать
О родине моей. Я так мечтал...
Едва дождался вечера — и вдруг...

Художник

Вы плачете? Ты плачешь? Джиованни!
Родной мой... Джиованни... Чтоб я сгинул,
Когда посмею снова подшутить
Над чувством сына к матери-отчизне.
Постой! Ей-богу, я тебе не врал.
В конце концов ведь я же что-то слышал
В семье владельца банковской конторы,
Когда писал портрет его жены.
Да-да... Припоминаю! Там бывали
Ганзейские и польские торговцы
И меж собой болтали о Москве.

Болотников

А что болтали?

Художник

Смутно вспоминаю,
Что будто бы у вас, дружище, голод
Такой, что человечину едят.

Болотников

А кто у власти? Царь Борис, не так ли?

Художник

Вот не припомню.

Болотников

На него Димитрий
Войною шел. Про то вот я слыхал.
Да дело это давнее. Дошел ли?
Погиб ли на пути? Кто на Москве?

Художник

А черт возьми! Да я откуда знаю?
А впрочем, подожди.
(Подкрадывается к банкиру.)
Прошу простить,
Синьор владелец банковской конторы...

Банкир

Вы мне мешаете.

Художник

Одну минуту.
Я передумал требовать страховки.

Банкир

Да я б и не́ дал.

Художник

Ну, а я бы взял.
Но мне сейчас не до того. Вдобавок
Я вам дарю портрет супруги вашей.
Она, синьор, действительно чертовка —
Вы оказались правы.

Голоса

— Тише!
— Тшш...

Художник
(тихо)

Но все это с одним условьем. Рыцарь,
Который там спдит, желает знать,
Кто на Москве царем?

Банкир

Василий Шуйский.

Художник

А где же царь Борис?

Банкир

Какой Борис?
Ах, тот еще? Да он уж год как умер.

Художник

Несчастный малый... Кто ж его сменил?

Банкир

Деметриус. Но этого убили.

Художник

Сейчас, сейчас... Минутку... Джиованни!

Болотников
(подходя)

Ну, что? Узнал?

Художник

Уж лучше бы не знать!

Болотников

А что такое?

Художник

Все у вас убиты.

Болотников

Как это все?

Художник

Ну, все. До одного.
А кто не убиен, тот сам скончался.
Ну, скажем, царь Борис.

Болотников

А что с ним?

Художник

Умер.
Потом сидел Деметриус какой-то
И тоже умер.

Банкир

Этого убили.
Недавно приезжал Исаак Масса,
Купец из Нидерландов. Говорит,
Что видел сам в Москве на Лобном месте
Труп государя с маскою на лике
И шутовскою дудкою в руках.

Художник

Вот это интересно!

Болотников

Что же дальше?

Банкир

Потом его сожгли, забили в пушку
И выпалили пеплом на закат.
Они его считали самозванцем.

Болотников

Но он-то был царевичем?

Банкир

Едва ли.
Но тем не менее, синьор, поляки
Рассказывают, что покойный жив,
Что он бежал и что великолепно
Охотится в Литве у короля.
Довольны вы, синьор?

Болотников

Вполне, синьор.

Банкир
(художнику)

А как портрет?

Художник

Сегодня или завтра.

Болотников и Пьетро возвращаются на свои места.

Сейчас пойдет мелодия в басу.

Пауза.

А это место пахнет пасторалью!

Пауза.

Как скучно слушать мессу Палестрины,
Когда в далекой снежной стороне
Горят сердца... Летят короны... Люди
Живут большою бурей! Черт возьми,
А что, как я поеду на Москву?
Ведь и царям нужны иконописцы!
Ей-богу, Джиованни, что я вижу
В торгашеской вот этой Венецее?
Опять измажу нескольких старух?
Опять схожу в таверну за винишком?

А дальше что? Я еду! Джиованни!
Вы слышите? Я еду!

Болотников

Слышу.

Художник

Еду!
Уж это, Джиованни, решено.
Ты можешь оставаться, Джиованни,
Но я поеду. Завтра же поеду.
Чертовку вот отдам ему — и все.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Самбор. Зал королевского дворца. Сигизмунд III и канцлер Лев Сапега.

Король

Как вы находите, любезный канцлер,
Царевича Деметриуса-бис?
Похож ли на Отрепьева?

Сапега

На Гришку?
Он несколько пошире, но похож.
Не братья ли они?

Король

О нет, нисколько.
Отрепьевы из захудалых вотчин,
Молчановых же знают при дворе.
Так, значит, он похож?

Сапега

Неизъяснимо!
А вашего величества звезда
Придаст ему и силу обаянья.

Король

Вот в это я не верю.

Сапега

Отчего?

Король

Увы, не та повадка.

Сапега
(осторожно)

То есть, ваше
Величество, имеете в виду
Известное отсутствие осанки
Иль что-нибудь иное?

Король

Честолюбье.
Он совершенно нечестолюбив.
Вы не поверите, любезный канцлер,
Что принц Шаховский с принцем Телятéвским
Его буквально палками загнали
Ко мне в Самбор.

Сапега

Почти невероятно!

Король

Я жду Марину Мнишек из Руси.
Властительная царственность ума
С очарованьем женственности вместе
Должны же повлиять на дворянина,
Когда в нем есть хоть капля от бойца!

Сапега

Вот он идет сюда.

Король

Что за походка!

Сапега

Он путается в сабле, словно шут.

Король

Монашек был изящнее.

Сапега

Еще бы.

Михаил Молчанов подходит к королю Сигизмунду.

Молчанов

Ваше величество...

Король

Как спали, ваше
Величество?

Молчанов

Сегодня, как вчера.

Король

А как вчера?

Молчанов

Как и обычно: плохо.

Король

Бессонница сопутствует величью.

Сапега

Святая истина.

Молчанов

Но, к сожаленью,
Величество — не то же, что величье.

Сапега
(грубо)

Вы что-то очень, ваш-велич, скромны.

Молчанов

Пан ошибается.

Король

Тогда откуда
У вашего величества такое
Бесстрастие к наследственному трону?
Да что бесстрастье? Я бы полагал
Здесь нечто большее. Почти болезнь.

Вы одержимы коронобоязнью,
Великий государь всея Руси.

Смех.

Молчанов
(тонко улыбаясь)

Я в должной мере оценил, король,
И ваше остроумие, и вашу
Заботу о судьбе моей страны.
Но я, увы, совсем не полководец.
Ведь, если я не ошибаюсь, речь
Идет о том, чтоб во главе поляков...

Сапега

И немцев, немцев!

Молчанов

Овладеть Москвой?
Но этого, король, я не сумею.

Сапега
(раздраженно)

Но тут уметь не нужно, ваш-велич!
Все сделают без вас. Необходимо
Лишь имя — имя русского царя.
Вопрос стоит не о войне с Москвою.
Тут немцы и поляки ни при чем,
Тут русские нужны!

Король

И прежде всех,
Конечно, царь. Но это дело ваше.
Мы лишь стремимся вас вернуть народу,
Который безутешно до сих пор
Оплакивает горькую утрату.

Пауза.

Молчанов

Не знаю. Я подумаю еще.
Я ничего не обещаю, ваше
Величество.
(Откланивается.)

Король

Слыхали?

Сапега

Трусоват.

Король

Да, прежний был как будто поотважней.
А может быть, не в трусости причина?
Вы, канцлер, поняли его намек,
Когда он говорил об овладенье
Москвою во главе поляков? А?

Сапега

Я понял все, о мой король,— увы:
Он честный малый и боится Польши.

Смеются.

Офицер

Ваше величество! Из Венеции
К нам во дворец явился кавалер
И требует свиданья с государем
Димитрием Ивановичем. Он
Зовется по бумагам «Джиованни»,
Но тем не менье говорит, что русский.

Сапега

Как? Русский кавалер из Венеции?

Король

Как он одет?

Офицер

Прилично офицеру.

Король

Впустить его.

Сапега

Пускай придет сюда,
И пригласите русского монарха.

Офицер уходит.

Король

Что это может значить, милый канцлер?

Сапега

Я потрясен. Ума не приложу.

Пауза.

Не ход ли это папы?

Король

Сомневаюсь.

Появляется Молчанов.

Молчанов

Ваше величество?

Король

Я, государь,
Вас пригласил, чтобы устроить встречу
С одним из ваших подданных — секрет,
Который нас обоих интригует.

Удаляются.

Молчанов

Кто это может быть? Ужели князь?

Появляется Болотников.
Увидя Молчанова, становится перед ним на колени.

Болотников

Великий цезарь!

Молчанов

Я тебя не знаю.

Болотников

Я венецейский воин, Джиованни.
Иван Болотников. Я счастлив видеть
Лицо царя. Фанфарой заревою
Звучит твое мне имя, царь Димитрий!

Молчанов

Благодарю тебя. О чем ты просишь?
Но встань, пожалуйста.

Болотников
(вставая)

Я так и думал,
Что мой монарх собою дивно прост.

Молчанов

Да-да... Но с чем ты прибыл? От кого?

Болотников

Сам по себе, великий государь.
Я много лет скитался иноземцем,
Потом прослышал, что опять злодеи
Похитили наследный твой престол
И что поэтому народ мой стонет,
Что нашему крестьянству самозванцы
Согнули выю — и лишь ты один
Способен был бы дать ему свободу.

Молчанов

Ты думаешь?

Болотников

Не мешкай, государь!
Да знаешь ли, какие нынче думы?
Вот я привез тебе трактат Фомы
Про «Государство солнца». Прочитай.
Весь мир тебе почудится веселым...
Верни крестьянину егорьев день,
Издай указы, чтобы господа
Своих холопей не бивали плетью
И в палки бы не ставили. Вели,
Чтобы крестьяне в думе у тебя
Совместно со боярами сидели
И всем бы кругом обсуждали Русь.
(Ведь мы-то лучше землю понимаем!)
Тогда, Димитрий Иоанныч, люди
Не знали бы досады. Жены наши
Всегда бы улыбались, а ребята —
Те просто лопались от молока!
Какие были б кони, Иоанныч,
Какие кони! Ганнибальской крови!
Мы их бы из Аравии везли.
А что за буйволы! Что за коровы!
Красавицы, Димитрий Иоанныч!

Ганзейцы повезли из Нидерландов
В Ост-Индию двенадцать штук. Порода,
Димитрий Иоанныч! Благородство!
Пойдем, брат государь! Убьют — не страшно.
Да и сказать по правде — не убьют.
Я замечал: пока могучий воин
Не исчерпает участи своей,
Он словно заколдован. Иоанныч!
Айда со мною! Будь мужицкой царь!
Я подыму твое монаршье знамя!
За нами встанут все твои украйны —
Казатчина, комаринцы, севéра,
Ногайцы, черемисы, остяки —
И мы тогда такое государство
Задумаем, что даже Венецея
Тоскою истомится по Москве!

Король
(появляясь)

Отлично сказано! Кто этот рыцарь,
Который так прекрасно говорит?

Молчанов

Венецеанский всадник Джиованни,
Иван Болотников.

Сапега

Куда, пан-рыцарь,
Намерен дальше следовать в пути?

Болотников

Куда прикажет мой великий цезарь
Димитрий Иоаннович.

Король
(улыбаясь)

Хоть в бой?

Болотников

На то и прибыл.

Сапега

Сколько тысяч войска
Бывало под командованием вашим?

Болотников

Не больше тысячи.

Сапега

А если б десять?

Король

Пятнадцать если бы?

Болотников
(сухо)

Поляцкой ратью
Москвы, король, в сражении не взять:
Москва видала молодцов! Однако
Угодно если моему монарху,
Я мог поднять бы под большое знамя
Казаков с Дону, мужиков с Комары,
Ясацкий люд с Поволжья до Уфы.

Сапега

Откуда у пан-рыцаря такая
Уверенность?

Болотников

Я знаю их нужду.

Пауза.

Король
(Сапеге)

Как вы находите, любезный канцлер,
Фигуру кавалера на коне
Перед ордою голых азиатов?

Сапега

Весьма приемлемою, государь.

Молчанов

Я должен вас, король, предостеречь
От увлеченья этим человеком:
В нем сердце варвара, но голова
Начинена пороховою мыслью.

Болотников
(потрясенный)

Ах, вот каков ответ?

Молчанов

Не ожидал?..

Король

Вы дворянин?

Болотников

Я воин.

Молчанов

Он крестьянин.
Он размечтался о холопьей думе
С мужицким государем во главе.

Король

Но этот государь — Димитрий Первый?

Молчанов

Да... Преданность династии огромна,
Однако...

Король

Остальное пустяки.
Его идеи, государь, пребудут
В его мечтах. Как молодые кони,
Пускай резвятся по степям поволжским,
Но если будет нужно — заарканим
И очень скоро в стойло приведем.

Сапега

Прекрасное сравнение!

Король

Не правда ль?
(Обернувшись к Болотникову.)
Димитрий Первый Иоанныч — ныне
Изволит вас произвести, пан-рыцарь,
В полковники вооруженных сил
Повстанческой Руси.
(Молчанову.)
Благословите!

Молчанов

Иди, мой сын... Храни тебя господь...
Служи мне верой...

Сапега
(Болотникову, тихо)

Станьте на колени!

Болотников нехотя становится на одно колено.

АКТ II

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Москва. Кремль. Боярская дума.

Мстиславский

Стадницкого Мартына человек,
По имени Крушпрский, объявляет,
Что видел сам, как будто на Москве
Убит не император Дмитрий Первый,
А кто другой.

Царь

Постой, боярин,— враки.

Мстиславский

Что враки-то, великий государь?

Царь

А это самое. Скажи на милость:
Ну, как видок свидетельствовать может
Про то, о чем и сам сказал: не видел.

Куракин

Ты, государь, ослышался, Крушпрскпй...

Царь

Ну да, сказал-де, что убит не тот.
Однако же, бояре-дума, это

Пустое показанье — тот свидетель,
Который изрекает: «Сей убит!»,
Но восклицающий: «Убит не этот»,
По простоте души не мог ли часом
Иного убиенного видать?

Колычев
(тихо)

Хитер, как муха, царинька.

Воротынский

Да впусте.
Что толку в крючкотворстве-то его,
Когда уж вор на Польше объявился?

Колычев

Да ну?

Воротынский

А вот и ну.

Колычев

Ужели Гришка?

Воротынский

Какой там Гришка? Гришка ведь убит.

Колычев

А верно ль это?

Воротынский

Да уж будь покоен.

Татищев
(грубо)

Любуюсь я тобою, царь Василий,
Каков ты мейстер на статьи закона.
Когда бы нынче в этой самой думе
С чужими торговалися послами,
То с помощью бы мудрости твоей
Великую победу одержали.

Царь
(вспыхнув)

Ты мне, Татищев, не дерзи, Татищев!

Татищев

А ведомо ль царю, что на Самборе
Явился новый самозванец?

Царь

Врешь!

Мстиславский

Ей-право же, великий государь.

Царь

Я так и думал!

Татищев

Польский Жигимонт
Не потерял, как видимо, надежду
В ясачный край Москву оборотить.

Голицын

А папа в кафолическую веру.

Куракин

Ну, времечко, прости меня господь:
Попрыгивают козни через казни!

Царь

В Самборе, говоришь... А кто сей вор?
Известно ли хоша его прозванье?

Мстиславский

Прозвание «Димитрий», государь.

Царь

Я не про то. Младенец, убиенный
Святоубийцею Борисом, мертв
И не восста из праха даже в лето,
Когда Отрепьев именем его
Сел на Москве. Не станем же отныне
Святое имя всуе поминать.

Мстиславский

Прощенье, государь.

Царь

Прости господь.

Пауза.

Я думаю — не Мишка ли Молчанов
Бежал к полякам? Про него сыскали,
Что в суматохе, как громили Кремль,
Он вытащил из царской из палаты
Большую государеву печать.

Мстиславский

Я про Михайлу не скажу худого.

Царь
(подозрительно)

А где он есть, Михайло-то?

Татищев

И вправду:
Давно его не видно.

Царь
(встревоженно)

Ась? Бояре!

Морозов

В Путивле он, у князя Шаховского,
Великий государь.

Царь

Ага. Пошто?

Морозов

Про то не ведаю. Слыхал — в Путивле.

Царь

Сыскать немедля. Где у нас Морозов?

Морозов

Я здесь.

Царь

Немедля, говорю, сыскать!
Ох, чует сердце... Мишка это, Мишка!

По всем дорогам, что ведут к Литве,
Да к Польше, да к ливонским меченосцам,
Дозоры боевые нарядить.
Да слышь, Морозов, приставов не надо:
Растят себе, ядри их в корень, пузы!
Все телепни, Морозов, дармоеды!
Пораспустил ты их...

Морозов

Да я...

Царь

Молчи.
Быкасов!

Быкасов

Ну?

Царь

Да нет, не ты... Урусов!

Урусов

Я, государь.

Царь

Да нет, не ты... Садись!
Да как его... Ну, как бишь... Тьфу!
Черкасской!

Черкасский вскакивает.

Ну, что за недогадливый какой!
Зову тебя, зову, а ты... Немедля
Вот тут же отпиши, боярин, всем
Хозяйщикам, живущим на украйнах,
А паче на рубежной на земле,
Чтоб зверовой потехи не имали,
А всех бы доезжачих егерей,
Псарей да трубников, да есть ли где
В ином хозяйстве ратники заморски —
И тех с борзыми слали на пути!
Понятно, ась?

Черкасский

Понятно, государь,

Царь

Пущай поищут по ярам-яругам,
По рыбьим норам, по вороньим гнездам,
Да ни одна бы тварь — ниже́ то зайца
Не промахнул в Самбор, ниже́ то вран.

Воротынский
(Колычеву)

Гляди — совсем как при царе Борисе.

Царь

Понятно, ась? Наташка, дай перо.
Да не охряное же... Эка дура!
От охры-то бывает невезенье.

Наталья

Како ж иное? Нешто с голубицей?

Царь

Багряное давай. Багрец — боец!

Татищев

Все это хорошо бы, да уж поздно.

Царь

Как — поздно?

Татищев
(царю)

Ты, Василий, помолчи.
Теперь, бояре, поздно уж писать:
Молчанов ли бежал иль не Молчанов,
А ложный царь — в Самборе.

Голицын

Это так.

Мстиславский

Я думаю, великий государь,
Не худо бы, сии принявши меры,
Принять еще иные. Хорошо бы
Проведать потаенный образ мыслей
Коварной Польши. Скрыпотчик хороший
Нет-нет да струнку пробует перстом.

А мы-то, государственные мужи,
Не те же ль музыкийцы?

Татищев

Это дело!

Мстиславский

Послал бы, царь, ты ляху Жигимонту —
Ни в чем как не бывало — царский дар.
Коли ответный будет их подарок
Не очень скуп, но и не больно дорог,
То, стало быть, великий государь,
Все есть как есть.

Царь

Ага... А коли дорог?

Мстиславский

А коли дорог, пышен, чрезвычаен,
То, стало быть, имеют на примете
Внушить доверье большее, чем нынче,
А стало быть, и особливу цель.

Царь

Но ежели подарок будет скуп?

Татищев

А коли скуп, то завтра быть войне.

Царь
(струсив)

Вона чего... Войне-то? Ох-те... Завтре...
Ну, что ж, бояре-дума... Надо Польше
Немедля в дарование послать
Орлиную охоту. Эй, Наташка!
Сокольничие тута?

Наталья

Где ж им быть?
Вестимо, тута.
(Выходит.)

Урусов
(тихо)

Подлая бабенка!
Никак царя по титлу не зовет.

Быкасов

Знать, есть на это воля государя.

Урусов

Не воля тут — поблажка.

Быкасов

Слышь, боярин:
Я этого не слыхивал, а ты
Того не сказывал. Аминь.

Урусов

И то.
Урусов не Татищев.

Быкасов

Не Татищев.

Входят сокольничие с четырьмя орлами. Царь подбегает к ним мелкой рысцой и подслеповато оглядывает каждую птицу.

Царь

Как зовут его?

Сокольничий 1-й

Мамаем, государь.

Царь

Татарин?

Куракин

Со степей, Василь Иваныч.

Царь

Немолодой он у тебя, Антипка.

Сокольничий 1-й

Млад не млад, а на битве — клад.

Татищев

Ты, государь, на проседь на гляди.
Иной плешив, а девки не упустит.

Смех.

Царь
(сухо)

Помалкивай, Татищев.
(Дразнит орла.)
Ишь, зверюга!
И то: морозцем тронуто крыло,
А плечи что у рыцаря какого.
Я чай, такую птицу отсылать —
Себе дороже. Выбери поменьше.
Вот этого хоша. Да нет, постой...
Как звать его?

Куракин

Звенящекрылый.

Царь

Ух ты!
А сановит! Небось не нам чета.
Не так ли, ась? Вот это — царь Василий!

Смех.

А как в бою? Отменный птицелов?

Сокольничий 2-й

Не птицелов, а зверобой отменной.
Намедни он из пажитей принес
Вот этаку зайчиху...

Царь

Ну? Оставить!
Татарина оставить и его.

Колычев
(тихо)

Однако ж и скупенек-то у нас
Василий свет Иванович.

Воротынский

Сквалыга!

Царь
(подходя к третьему)

А этот?

Куракин

«Унеси ты мое горе».

Царь

О господи, твоя святая воля!
Куды ж такое чудо отправлять?
Да нешто мы не русские? Оставить!
Вот этого пошлем. Как звать тебя?

Сокольничий 3-й

Митрошкой, государь.

Царь

На кой мне ты-то?
Орла как звать?

Сокольничий 3-й

Ишшо он безымянной.

Царь

Ну что же. Назовите Жигимонт
И с богом отсылайте, что ли, в Польшу.

Куракин

Да он, Василь Иваныч, не дошел.

Сокольничий 1-й

Года ему не вышли.

Сокольничий 2-й

Полуорлик.

Царь

Ну, вот и хорошо. Пущай в Самборе
Приспеет в мужество у короля.
Так ты, Антипка, справь ему наряд!
Оплечь серебряные колокольца,
На ножки алу бархатель, печать...
Ну знаешь сам небось... Чтобы по чину.
(Глядит на орла.)
Эх, птица, птица. Жалко расставаться,

1. И. Сельвинский. Середина 20-х годов.

2. И. Сельвинский и В. Мейерхольд. Москва. 1928.

Да что поделать? Да и денег стоит.
Поди, червонцев десять отвалили?

Куракин

Одиннадцать с деньгою.

Царь

Ох, тех-те...
Да что поделать, братцы? Нынче царь —
Неважная службишка: все убытки.
Не так ли, Татев?

Татев

Правда, государь.

Царь

А кстати: гости польские торгуют
С царевой-то казны пеньку да лен.
Не так ли, Татев?

Татев

Правда, государь.

Царь

Дык ты накинь им, князенька, немножко.
Совсем чуть-чуть... На пудовик дробинку.

Татев

А много ль все же?

Царь

Чисто пустяки.
За орлика... Полушечку какую.
Абы лишь только вышло так на так.
Терпеть я не могу даров безмездных.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Путивль. Горница в доме воеводы Григория Шаховского. Сам князь Григорий, князь Андрей Телятевский с сыном Петром, Прокопий и Захарий Ляпуновы, Истома Пашков.

Шаховской

Да кто собою ваш царек Василий?
Лабазник, вот кто!

Захарий

Да уж так.

Шаховской

Лабазник!
Все Шуйские — лабазники!

Телятевский

Их род
Издревле вел гостиные дворы.
Куда как славно для князей для русских
Иметь царем прислужника!

Шаховской

Прислужку!!!

Петр

Небось мы родом не худей его.

Шаховской

Да и обманщик Васька-царь.

Захарий

Обманщик?

Шаховской

Обманщик! При Феодоре-царе,
Как послан был на следствие-то в Углич,
Он крест на том поцеловал, что Дмитрий
Есть мертвый трупец.

Пашков

Как же, как же!

Прокопий

Было.

Телятевский

А что он говорил при самозванце?

Шаховской
(перебивая)

А что при самозванце говорил?
При самозванце перед всем народом
Священнейшую клятву дал, собака,
Что убиенный в Угличе младенец
Был вовсе не Димитрием.

Захарий

Ого!

Шаховской

А нынче как?

Телятевский
(перебивая)

А нынче в третий раз
Целует крест на том, что убиенный...

Шаховской
(перехватывая)

Был все-таки Димитрием.

Хохот.

Ну, царь!

Пашков

Помазанник!

Захарий

Помазанник-то божий.

Шаховской

Потеха!.. Что же, гости дорогие,
Прошу за стол. Чем бог послал. Прошу.
Андрей Петрович, выкушай, родимый,
Вот этой редьки с медом. Князь Петруша,
Подай родителю медку. Прокопий!
А ты чего сидишь? Вот эта свинка
Так на тебя и смотрит. Ты, Захарий,
Помог бы братцу, а?

Захарий

Уж помогу!

Шаховской

А ты, Истома, друг мой, навалися
На яловца на осетра на краспа.
Эй, казачок! Налей-ка, что ли. Выпьем!
Да здравствует же наше единенье
Противу Васьки Шуйского!

Гости

Ура!

Пьют.

Телятевский

Какие вести у тебя из Польши?

Шаховской

Покуда все идет, как на мази.

Прокопий

Михайло-то Молчанов доскакал?

Телятевский

Давно уже в Самборе.

Шаховской

Жигимонт
Ему обрадовался, как родному.

Захарий

Еще б не радоваться.

Шаховской

Жигимонт
В своем дому его по-царски холит
И ждет Маринку Мнишкову к себе,
Чтоб парою почтовых голубков
Их запустить из Польши на Московью.

Телятевский

С Маринкой это он хитро удумал.

Прокопий

Неплохо, да.

Телятевский

Простой народ поверит,
Что не убит Отрепьев, а бежал —
И вот вернулся с тою же супругой.

Пашков
(тихо)

Ты где икорку брал?

Захарий

А вон — в ведре.

Прокопий

А как насчет войны-то? Помощь будет?

Шаховской

Боюсь, что не сейчас. Один полчок,
Пожалуй, для начала нам подкинут.

Прокопий

Да что полчок-то? Капля в окияне.

Петр
(решительно)

И все-таки от Польши надо брать
Все, что дадут. Поляки нам подмога
Противу наших милых мужичков.
Позвольте мне, бояре, слово молвить.
Нельзя ли нам своей дворянской силой
Без мужиков Москву отвоевать?
Вы ж поглядите: Севск, Алексин, Ливны,
Елец, Кашира — все бунтовщики!

Пашков

Да ведь идут за нас! Подай сметаны.

Захарий

Да ведь идут за нас.

Петр

А кто их знает?
Они за нас? А может — мы за них?
Зачем идут?

Пашков

По юрьев день, понятно.

Петр

А что, как мы им юрья не дадим?
Ну, можно ли крестьянам выдать волю
Хоть раз в году хозяина менять?
Ведь этак мы всегда, что на болоте.

Шаховской

А твой сынок, Андрей Петрович, прав!
Ведь наше государство полевое
Без рабства-то, без крепости людской
Не выстоит. Татары-скотоводы,
Иль торгаши — ганзейцы, венецейцы,
Иль, скажем, Лунд — город мануфактурной,
Им без рабов сподручней как-никак.
А Русь-то наша на земле окрепла.
Она без рабства не родит ни крохи.

Телятевский

Так что же, князь, по-твоему? Сдаваться,
Едва раскинув лагерь боевой?

Шаховской

Сдаваться не сдаваться, а прикинуть,
Каким манером обуздать крестьян.
Тут человечка надобно такого.

Петр

Какого же такого?

Шаховской

Вот не знаю,
А только чую: надобно. Ты, княже,
Пойми одно: Прокопий Ляпунов —
Природный дворянин. Его дружина
Вся из дворян да из детей боярских;
Что он, что те — водой не разольешь.
Истома Пашков — этот горожанин.
Его казаки все пешой народ,
Служилая дворянская голота.

Пашков
(смеясь)

Уж таковы казаки епифански!
Шапка-бирка,
Поверху дырка.
Травкою крыта,
Чванством подбита.

Смех.

Шаховской

А ино дело бунтари-крестьяне!
Кто головой у них сказаться может?
Боярин ли? Торговой человек?
Как бы не так. Мужик тут нужен. Пахарь!
Да не простой — орлиного полета,
Чтобы у них архангелом трубил.

Прокопий

Да нам-то что до этого?

Шаховской

Немного.
Всего-то, чтобы этот мужичонка
Приказчиком у нас бы состоял.
Чего прикажем — то бы он и делал.

Телятевский

Да где найти такого?

Шаховской

Вот и думай.

Пауза.

Пашков

Слыхал я, в Диком Поле объявился
Один ярыжка, тутошный крестьянин.
Иванко некий. Ходит соколом,
И слава соколиная за парнем.
Ты как?

Шаховской

Разыщем. Сокола разыщем.
Кто там?

Пристав

Приказный.

Шаховской

Что ты?

Пристав

Князь-боярин!

Мы беглых привели.

Шаховской

Веди сюда.

Пристав

Давай-давай, живее.

Входит старушка.

Шаховской

Кто такая?

Старуха

Кузьминишна, коровница твоя.

Шаховской

Зачем бежала?

Старуха молчит.

Что у ней в котомке?

Пристав

Краюшка хлеба, князь-боярин.

Шаховской

Ладно.

Пятнадцать палок — и опять на двор.

Телятевский

Постой, боярин, жалко старушонку.

Шаховской

А мне, ты думаешь, не жалко? Дальше!

Телятевский

Не выдержит бабуся.

Шаховской

Вот и горе.
И сам я тоже думаю: помрет!
Давай другого!

Пристав

Эй, давай другого!

Телятевский

Послушай, князь: продай ты мне старушку.

Шаховской

Какую? Эту?

Телятевский

Эту.

Шаховской

Что ж, бери.
Добер ты не ко времени, боярин.

Вводят молодого парня.

Ты кто таков? Чего бежал?

Парень молчит.

Пристав

Бежал в Литву, да выдали жмудины

Шаховской

А что в котомке?

Пристав

Сало с караваем.

Шаховской

Сведи его на съезжую. Пускай
Дознаются и учинят по букве.

Вводят Любашу, потом Болотникова в одежде крестьянина.

А кто сия красавица?

Петр
(узнав ее)

Любашка!
Ты как сюда попала?

Любаша

Убегла.

Телятевский

С чего ж ты это? Кто тебя обидел?

Любаша

А княжич — вот кто!

Петр

Ох, уж и обидел!
Какая же обида — поцелуй?

Смех.

Шаховской

А ты, Петруша, не казнись нимало.
На то вы, девки, и есте на свете,
Чтобы князья от вас имели сласть.
Так что, Андрей Петрович, не угодно ль
Старушку на Любашку обменять?

Петр

Ну, нет... Уж это, князь Григорий, брось!

Телятевский

Он уж наладился, а ты... Хе-хе...

Шаховской

Хо-хо... Ну, что же... О-хо-хо... А может...
Ой, батюшки... А может, он уступит?

Хохот.

Болотников
(неожиданно для всех)

Ну, баста! Ты, брат, девушка, ступай.
Да не горюй, смотри. Через неделю
Получишь вольную.

Петр
(изумленно)

Ого!

Шаховской

Ты кто же?
Какой такой империи монарх?

Пристав

Боярина Телятевского беглый.

Телятевский

Мой человек?

Пристав

Ивашка, сын Исайки
Болотникова. Тот и сам убег,
Да сгинул в Поле. Так и не нашелся.

Шаховской

Сто двадцать розог от отца в наследство!
В котомке — что?

Пристав

Не знаю...

Шаховской

То есть как?

Пристав

Хотел я по дороге осмотреть,
Да, вишь, какой огромный — не пущает.

Телятевский

Гляди сейчас.

Пристав
(струсив)

Сейчас? Ага... Тпру-тпру...
Потише, леший... Говорю, не балуй!
Должон я приказанье исполнять
Ай нет?

Шаховской

Ну, что?

Пристав

Покуда хлеб да сало.
После того... Ого-го-го: шелом!

Шаховской

Гляди каков.

Пристав
(доставая доспехи)

Зерцало боевое!

Петр

Да меч!

Болотников

Не меч — турецкой ятаган.

Телятевский

Ишь ты. Где пойман?

Пристав

В поле у погоста.

Болотников

Не пойман я, а волею пришел.

Шаховской

Не пойман? Гм... Начнем, приятель, снова.
Ты кто?

Болотников

Болотников Иван Исаев,
Военный человек из Веницеи.

Пристав

Да врет же, врет! Ну вот, ей-богу, врет!
Все тутошние враз его признали.
Да как же, князь-боярин, не признать.
Когда сыздетства игрывали в бабки?
Ивашка он... Холоп твой!

Телятевский

Это верно?

Болотников

Да, правда. Был в холопьях у тебя,
Бежал — и ныне веницейский витязь.

Прокопий

Постой: да ты не этот ли ярыжка,
Что в Диком Поле объявился?

Захарий

Га?

Шаховской
(тихо)

А? Князька! Беседа наша — вот!
(Болотникову.)
Зачем же ты вернулся?

Болотников

Слышал краем,
Что родину мою томят злодеи,
Что наш народ восстал на них, и я
Задумал честью и мечом служить
Освобожденью царства и Москвы.

Телятевский
(тихо)

А речь-то, речь, Григорий, какова!
(Болотникову.)
Ты грамотен?

Болотников

По-русски, итальянски,
Турецкий знаю и чуток латынь.

Захарий

Да ты, брат, видно, дохтур.

Шаховской
(тихо)

Слушай, княже:
Второго нам такого не найти.
Господний перст! Его святая воля.
Решаемся?

Телятевский

Решаемся, боярин.

Шаховской
(Ивану)

Поди-ка, друг, сюда. Садись вот тут.
Чем потчевать такого гостя? Дети!
Налейте рыцарю вина такого,
Какого он и в Риме не пивал.

Ему подносят кубок.

Болотников

Во здравье ваше!

Шаховской

За царя и Русь!

Пьют.

Телятевский

Скажи-ка, рыцарь: мог бы ты поднять
Казачью степь да мужиков окрестных
И им бы головою быть?

Болотников

Могу.
Но только этого мне мало.

Шаховской

Как?!

Болотников

Я должен быть главой всего восстанья.

Захарий

Эге...

Прокопий

Да ты в уме ли?

Пашков

Ну и хват!

П е т р

Какой те хват, когда уж пьян от кубка.

Б о л о т н и к о в

Не хват я и не пьян. Но по веленью
Его величества и по указу
Царя Руси я прибыл в ставку вашу,
Как полководец всех мятежных сил
И ваш властель. Вот грамота. Читайте!
(Вручает им письмо.)

Т е л я т е в с к и й
(разглядывая грамоту)

Тут все по чину: польские орлы,
Царев сургуч...

Ш а х о в с к о й

А буквы?

Т е л я т е в с к и й

Буквы наши.

П е т р

Однако же, бояре, не мешало б
Царю и королю спросить у нас:
Угодно ль нам такого воеводу?

З а х а р и й

Угодно ли такого?

П а ш к о в

А то как же?

П р о к о п и й

Кажись, и мы-то витязи аль нет?

П а ш к о в

Кажись, и мы-то... Правильно, Прокоша.

З а х а р и й
(как эхо)

Кажись, и мы-то витязи...

Прокопий

Ну что же.
Прощенья просим, господа бояре.
Уж коли мы тут лишние...

Болотников

Постой.
Излишнего не говори, Прокопий.
Так, кажется, зовут тебя?

Прокопий

Ну, так.

Болотников

В Самборе вам не доверяют. Ясно?
Боятся, как бы вы не посадили
Другого на престол. Короче — мне
Поручено, командуя войсками,
В столице обеспечить бармы власти
За Дмитрием Иванычем. Когда
Меж вами нет затей о самозванстве,
Кого страшиться вам? Уж не меня ли?
Я, государи вы мои, лишь меч!
Служа царю, я тем служу народу.

Шаховской

Изрядно сказано.

Телятевский

Великолепно!

Шаховской

Да здравствует же рыцарь Иоанн!
(Тихо.)
О Мишке он не знает.

Телятевский

Тсс... Ни слова!

Шаховской

Ей-право же, не важно, друг Прокопий,
Кто первый въедет на коне в Москву.
Была бы власть за нами, за князьями,
Все остальное бубенцы да звон.
Итак, Ванюша, что тебе потребно?

Болотников

Пока немного: конных два полка,
По две пищали в каждом. Остальное
Добуду с бою.

Телятевский

Что же — это можно.

Шаховской

Еще чего?

Болотников

Чтобы поднять народ,
Первейшим делом надо одержать
Викторию... ну... как это по-русски?

Телятевский

Победу, что ли?

Болотников

Правильно: победу.
Но не простую. Крепость надо взять.

Телятевский

Ну, что же, крепость...

Болотников

Но такую крепость,
С падением которой для народа
Большие были связаны дела.

Шаховской

Отлично, рыцарь. Есть такая крепость.
Где наш пергамент-то? Гляди сюда.
Вот тут Москва. Тут — мы. А это Кромы.
Здесь царь Димитрий вынес громовую
Победу над войсками царь Бори...

Болотников

Понятно. Значит, два кавалерийских.
Когда я получу их?

Шаховской

Да хоть вот!
Когда, Прокоша?

Прокопий

Через день-другой.

Болотников

А все же: через день или другой?

Прокопий

Да можно через день...

Болотников
(смеясь)

А через месяц?
И через месяц можно? Эх, блажные.
Давайте завтра точно в полдень. А?
Но чтоб уж ни полчасу опозданья.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Половина царя.
Василий Иваныч и Наталья глядят в оконце.

Наталья

Вон бабы ветошь в проруби стирают,
Поплескивают. Вон ямщик несется...
Середний вороной, а те-то сивы.

Царь

Собачка побежала.

Наталья

Вон какой-то
Молодчик с девушкой остановился.
Она смеется, а и он хохочет.

Царь

Хохочет, безобраз. А я гляжу
И ничего-то этого такого,
Натальюшка, не можу воспретить.
А говорят: монарх-де!.. самодержец!..

Наталья

Да ведь пошто, соколик, воспрещать?

Царь

Ну, не пошто. Я говорю к примеру.
Пущай себе их бегают собачки.
Хоша б и елефанты побежали —
Мне что? А все ж, Натальюшка, обидно.
Я говорю, Наталия, конечно,
Не как правитель, а как филозо́ф.

Пауза.

Я по вся дни сыздетства жаждал власти,
Как парень девицу. Котенком мягким
Я ластился к царю Ивану; псом,
Дворовым псом служил при Годунове,
При Дмитрии — козлищем отпущенья,
И вот я сам, я сам великий царь!
Всея Руси! Наташа, ты подумай!
Слова-то каковы: все-я Ру-си...

И что же я обрел? Коварны козни?
Дерзания крамолы богохульной
И вечный страх за мой царев престол?
А где же власть? Престол-то оказался
Заморским штулом, попросту сказать,
А весь «Большой царев наряд» — попоной.
Те сами-то бояре, что меня
Вчерась на трон маленько подсадили,
Уж ноне пожелали, чтобы царь
Служил князьям, а не князья царю.
Намедни в думе этот пень — Татищев,
Дык просто цыкнул на меня.

Наталья

А ты?

Царь

А я смолчал. При грозном бы Иване
Ему бы тут жа — голову долой!
А я терпи.

Наталья

А ты б его казнил!

Царь

Казни, попробуй. Ванька Воротынский,
Да Митька Трубецкой, да Колычев,
Голицын, да Быкасов, да Урусов...

Наталья

А ты бы всех!

Царь

(испуганно)

Тсс. Тихо! Не сейчас!

Пауза.

Слыхала даве? Мишка-то Молчанов
Каку себе штуковину удумал?
Димитрием на Польшу поскакать.
Я поскачу! Уж я те поскачу!
Всю бороду ощиплю по щетинке
Да поздырья закопопачу — во!
А губы-то зашью, зашью, зашью.

Наталья

Ну, полно, сокол.

Царь

Дратвою зашью...

Наталья

Не гневайся, родимый. Сядь покойно.

Царь

Зашью...

Наталья

Вот так. На плечико головку.
Вот... Хорошо... А я тебе, красавец,
Каку ни есть побаюшку спою.
(Поет.)
Уж ты, ворон-
Воронок,
Улетай ты
За порог
От чела дремучего,
С горя со горючего.
Пускай Ванечка-
Ванек...

Царь

Пой про меня. Про Васю, а не Ваню.

Наталья

Пускай Васечка-
Васек
Зауснет хотя б
Разок
Подле мати-душечки
На белой подушечке.
Баю-баюшки-
Баю,
Будешь грозен
Во бою.
А ко мне, маманеньке,
Ласковый, что пьяненький.

Царь

Хорошая ты у меня, Наташа.
Красивая.

Наталья

Неужто?

Царь

Брови, очи...
А уж персты — персты-то каковы!
А вот велю — хе-хе... и их отрубят!
Ага! Хи-хи... А вот произнесу —
И эти ушки, махонькие ушки
Повыдернут... Хо-хо! Что? Испужалась?
Зашлось сердечко-то, зашлось? Ага.
Ну, что ты, что ты... Я ведь это в шутку...

Наталья
(плача)

Ты повсегда... вот так...

Царь

Помилуй бог.
Натальюшка... дитя мое... послушай...

Наталья

Что я те... сделала... худого...

Царь

Уф!
Наталья, а Натальюшка! Уймися!
Да полно уж. Не то и я заплачу.

Неужто же Натальюшке угодно,
Чтоб царь... да батюшка... да самодержец...
Да православный... плакал! Ай-ай-ай.
Ну, хочешь — я те тожа вроде как бы
Чего-нибудь изображу? Гляди:
Шел черт. Видит черта.
Чертыхнулся черт на черта:
«Тьфу ты, черт! — сказал черт.—
На кой черт черту черт?»
«Ни черта!» — сказал черт черту,
И послал он черта к черту!

Наталья смеется.

Ну вот... Ну, помирились, помирились.
Целуй сюды... Теперича сюды...
Одна щека... Другая...

Мстиславский
(входя)

Государь!

Царь

А, это ты. Чего тебе, Феодор?

Мстиславский

Дурная весть.

Царь

Сам знаю, что дурная.
Хорошей ты не принесешь.

Мстиславский

Молчанов
Уже в Самборе.

Царь

Врешь! А кто помог?

Мстиславский

Путивльский воевода Шаховской.

Царь

Схватить его!

Мстиславский

Повремени, Иваныч.
Прокопий и Захарий Ляпуновы
Ко князю под Путивль привели
Четыре тыщи войска.

Царь

Ляпуновы?
Да верно ли?

Мстиславский

Потом Истома Пашков
Привел неведомо каких людей.

Царь
(тяжело дыша)

Еще чего?

Мстиславский

Еще вчера с обедни
Ко князю ко Телятевскому прибыл...

Царь

Постой, Иваныч... Трудно мне... Наталья!
Подай водицы... Да не в белой кружке...
Я белую тревожить не велел...
Еще побьешь... Зеленую возьми.
Да, князь-боярин: годы — не безделка.
Не нынче-завтре я и сам, сердешный,
Почию в бозе. Смерть при мне сидит,
Как черный дохтур, и считает сердце.
Пошто же им не терпится, проклятым?
Так вот же я: назло им не помру!

Мстиславский

Ко князю ко Телятевскому прибыл
И принял воеводство боевое
Из Веницеи рыцарь Иоанн.

Царь

Чего-чего? Из Веницеи?

Мстиславский

Так.

Царь

Да мысленно ли дело? Ну и хваты!
Ведь вон куды! И что же сей-то рыцарь?

Мстиславский

Идет на Кромы.

Царь

Ась? Чего? На Кромы?
Походами Лжедмитрия? По-нят-но.
У рыцаря башка-то на плечах!
Сейчас видать, что важная парсуна.
Иной бы на Москву, а он на Кромы.
А что поляки? Есть ли воздаянье
За наш царев гостиничек-то?

Мстиславский

Есть.

Царь

Пошто же ты молчал? Опять худое?

Мстиславский

Не стоит, государь, и говорить!

Царь

Ну-ну, моги. Не малые ребята.
Пора уж государственным-то мужам
И доброе и злое воспринять,
Как день и ночь, без коих нет и суток.
Так что прислал король-то Жигимонт?

Молчание.

Ну, что же, Федя, а? Каков подарок?
Каменье ли какое? Говори.

Мстиславский

В ответ на твоего орла степного
Он... ворона прислал.

Царь

Ага. Так-так.
А где он, ворон-то? Покажь-покажь.
Ну, и чего же тут худого, княже?
Послав орла, я возгласил: «Храбрец»,
Ответя враном — мудрость он прославил.
Все правильно, родимый князь-боярин.
Все есть, как было. Сам же ты прикинул,
Что ежели подарок королевской
Придется так на так, то ничего,

Ну вот, боярин. Прикажи немедля
Послать под Кромы тыщи две аль три
Отборнейшего молодого войска
Хозяйщикова и детей боярских.
В Сторожевом — пущай-де Салтыков.
В Большом полку пущай-де Скопин-Шуйский.
А чтобы мне их помыслы честные
Да были ведомы во всякой час —
При Скопине воссядет Шереметьев,
Морозова же — Салтыкову дать.

Мстиславский

Затейливо, Иваныч.

Царь

Не беда.
В правителе доверие смешно.
Хоть Скопин-Шуйский и в родстве со мною,
Но Шуйский в нем задумает одно,
А Скопин может выкинуть иное.
Хе-хе... Зато подарком королевским
Я, князь-боярин, очень успокоен.
По крайней мере, с этой стороны
Нам нечего, по-моему, страшиться.
А посему-ко отпиши указ,
Чтоб нынче же па польской на границе
Усилить бы дозоры трубачей;
И чтоб созвать немедля ополченье
На Суздали, на Пскове, на Смоленске
И двинуть к Польше тяглых мужичков.
Уж наши мужички-то не замают.
Ну, как же, князь-боярин? Все упомнил?

Мстиславский

Как будто все.

Царь

Ну, с богом — начинай.

Мстиславский уходит.

Наталья

Дивлюсь я на тебя, Василь Иваныч,
Каков ты есть туманной человек.

Царь

Туманной, говоришь?

Наталья

Король поляцкий
Тебе за мудрость ворона прислал.
И сам ты молвил, будто бы доволен.
А вот, однако ж, выслал на границу
И Суздаль и Смоленск.

Царь

Эх, девка, девка.
Не мог же я, помазанник-то божий,
Перед Мстиславским дурака принять!
Не мог же я на весь сей курзал
Усесться в лужу со своей короной!
(Шепотом.)
Ведь это же не ворон, а... ворона!
Он старою каргой меня озвал.

АКТ III

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Поле. Утренняя заря. Болотников стоит на бугре.

Болотников

Светает на Руси... Родимый край!
Как мне милы твои простые дали,
Твои ручьи в ольшанике зеленом,
Унылые, усталые поля
И в небесах — серебряная песня.

Прекрасна Веницея на своих
Полутораста островах у синей,
У голубой, у золотой воды.
Великолепен храм ее, как время,
Окутанный веками размышлений;
Чудесны юные венецеанки,
Плывущие у Старых Прокураций

Куда-нибудь в проулок на свиданье.
А запахи Джудекки! Рыбье сало
Сливается с лимонной цедрой; дыни —
С багряным перчиком...— и море, море!

Прекрасна Веницея... Но тебя
Я с легким сердцем променял на эти
Бугры да хатки... Милые мои,
Проклятые мои хатенки... Встаньте!
Берите колья, вилы, топоры —
И мы пойдем на рыжего тирана
И своего посадим короля,
Мужицкого, хотя б и царской крови,
И чтоб служил, душа из него вон!
Вон кто-то пашет... Женщина как будто.
Мне кажется, сейчас я мог бы сердцем
Всю родину, как небом, охватить.
Всю родину! Вот с этими полями,
Вот с этим долом, с этою клячонкой,
Вот с этой синей чуйкой у сохи.
Устала... Дышит... Мужика-то нету.
Мужик, пожалуй, в коннице моей.
Ну-ну... Вперед, чубатая, вперед!
Пошла-пошла... За ней шагает грач,
Как бы за недоимкою подьячий.

Пауза.

Ты чья такая будешь?

Любаша
(идет за сохою)

А своя.

Болотников

А сам-то где?

Любаша

Мы в девушках покуда.

Болотников

А где ж тогда папаня?

Любаша

Тятя мой
Ушли к Иван Исаичу. В стрельцы-то.
А ты кто будешь?

Болотников

Я Иван Исаич.

Любаша

Да ну тя.

Болотников

Крест!

Любаша

Да разве ж он такой?
Иван Исаич грозной, бородатой.
А ты что немец. Да и лет тебе
Чуть-чуть не двадцать.

Болотников

Двадцать пять, Наташа.

Любаша

А вот и не Наташа, а Любаша!

Болотников

А хоть бы и Любаша — двадцать пять.
Постой, постой — да мы с тобой видались!

Любаша

И то.

Болотников

В Путивле.

Любаша

Ты такой же беглой,
А говоришь «Иван Исаич». Но-о!
(Пашет.)
Эй ты, чудило!

Болотников

Это ты меня?

Любаша

А то кого же?

Болотников

Ну.

Любаша

Тогда в Путивле
Ты сказал, что вольную дадут.
Да где ж она-то, вольная твоя?

Болотников

Я обещал через неделю.

Любаша

Верно.
Да ведь неделя нынче.

Болотников

Разве так?

Любаша

А как же? Середа и четверток,
Да пятница, су-ббота, воскресенье
И понедельник. Стало, нынче.

Болотников

Нынче...
Ну что же. Далеко не отходи.
Уж так и быть — получишь.

Любаша
(глядит на него с сожалением)

Экой дурень!
И поболтать, как следоват, не смог.

Голоса.

Голос Вавилы

Иван Исаич!

Болотников

Ая!

Вавила
(входит)

Это мы.

За ним Петр Телятевский и ратные люди.

Болотников

Разведал крепость?

Вавила

Все как есть разведал.

Болотников

И как?

Вавила

Не выстоять противу нас.
Да и страшатся... Таково страшатся —
Что меч трясется во своих ножнах.

Смех.

Болотников

Вот это хорошо.

Петр

Ивашка, слушай.
Родитель сказывать тебе велел,
Что из Москвы полки идут на Кромы,
И ты бы шевелился.

Болотников

Вот что, княжич.
За вести я тебя благодарю,
А за «Ивашку» выговорить должен.

Петр

А как же мне тебя и называть?
Ведь не боярином?..

Болотников

Помилуй боже.
Зачем боярином?

Петр

Иль, может, князем?

Болотников

А разве ты не слышал, что в народе
Иван Исаичем меня зовут?

Петр

Слыхать слыхал. Да мне-то что за дело?
Я отроду по отчеству холопьев
Не величал.

Вавила

Теперь повеличаешь!

Петр

Ну, этому не быть. Ты что, Любашка,
Без дела прохлаждаешься-то, а?

Любаша

Но-но, ходи!
(Нахлестывает клячу.)

Болотников

Прощай, Любаша!

Любаша

Балуй!
(Исчезает за бугром.)

Болотников

Я думаю, Вавила, с этой выси
Ударить изо всех пищалей в башню.
Ты ж в это время с головным полком
Ворота атакуешь. Ладно?

Вавила

Ладно.

Болотников

А ты, Петруша, к батюшке скачи
И повели от моего приказа,
Чтоб он пошел...

Петр

Да ты в своем уме?
Да как ты смеешь повелеть отцу-то?
Московский царь желал повелевать
Родителем — да, вишь, не подчинились
Бояре-князь Телятевские.

Вавила

Брось.
Не время чваниться.

Петр

Один лишь бог!
Лишь бог один...

Болотников

Молчать!

Петр

Че-го?

Вавила
(объясняя)

Молчать.

Болотников

Стать смирно. Сотский!

Сотский

Я, Иван Исаич.

Болотников

Возьми его коня и поскачи
К боярину Телятевскому — духом!
Скажи, мол, чтобы вышел на дорогу,
Но не позднее, чем осядет солнце.
Военачальствующий приказал.

Сотский

Ответ какой ли надо?

Болотников

Ни к чему.
А ты ступай на все четыре ветра.
А коли встретишь полководца, corpo
Di Bacco...— называй его «синьор».
Тебе и невдомек, что это значит,
Но так учтиво. Понял? С глаз долой!

Петр в бешенстве выбегает.

Вавила

Хо-хо... Ах, стоеросов!

З. И. Сельвинский. 1939.

4. И. Сельвинский. Конец 40-х годов.

Болотников

Канониры!
Где канониры?

Голос 1-й

Нету.

Болотников

То есть как?
Да вы кто будете?

Голос 1-й

Мы пушкари.

Болотников

Но это же и значит канониры.
У тулова занять свои места!
Запальщик!

Голос 2-й

Здеся.

Болотников

Как у нас зовется
Твоя пищаль?

Голос 1-й

«Единорог».

Болотников

Твоя?

Голос 2-й

«Анюткою», кормилец.

Болотников

Ну, а те-то?

Голос 2-й

А те-то: «Слава богу» да «Москва».

Болотников

Занять свои места у фитилей,
Ну, брат Вавила!

Вавила

Ну, Иван Исаич!

Обнимаются.

Христос с тобой.

(Отряду.)

Айдате с богом.

Болотников

Цель-ся!

Вавила с отрядом уходит.

Огонь! Поосторожнее... Огонь!

Пальба.

Любаша

Ах, батюшки... Отцы святые... Ох, мне...
Голубчики родимые...

Болотников

Любаша!

А где же конь?

Любаша

Побросила его.

Болотников

Ну, вот и зря. Его угонят.

Любаша

Правда?

Да что такое деется?

Болотников
(смеется)

Война.

Огонь!!!

Пальба.

Любаша

Ай-ай! Иван Исаич...

Болотников

Ну!

Любаша

Куда же вы стреляете-то?

Болотников

В башню.

Любаша

Да там, поди, ведь люди-то сидят!

Болотников

Огонь!!!

Голос 1-й

Заело.

Болотников

Как заело? Где?
Проклятая «Анютка». Канониры!
Живее поворачивайся — ну!

Голос 1-й

Не в повороту дело.

Голос 2-й

Тута порох,
Иван Исаич, вовся отсырел.

Болотников

Да сам ты отсырел, мужик бесстыжий.
Пошто недоглядел?

Голос 1-й

А что глядеть-то?
Ён, порох, так уж порох-то и есть.

Болотников

Ах, corpo ты di Bacco растакое!
Давай из трех. Передняя — огонь!!
Ага. Гляди-ка, девушка, видала?
Макушка-то осыпалася, а?

Любаша

Осыпалася...

Болотников
(весело)

Что? Не зря колдуем?
Огонь!!!

Далекое «ура».

Ура! Вавила наступает!

Любаша

Гляди, гляди-ка: мужички побёгли.

Болотников

И правильно побёгли... Духом-духом!
Урра, Любаха ты моя родная...
Огонь!!!

Любаша
(за ним)

Огонь!

Болотников

Светает на Руси!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Съезжая изба в городе Кромы. Осада. Гул пищалей.

Вотчинник 1-й

Отцы мои, макушка обвалилась!

Вотчинник 2-й

Да черта в ней, в макушке,— вон войска
Ударили в ворота.

Вотчинник 3-й

Эй, дворяне!
Где тысяцкий у нас?

Тысяцкий

А тут он я.

Вотчинник 3-й

Пошто сидишь?

Тысяцкий

Докладывал я даве:
Не устою, дворяне.

Вотчинник 4-й

Экой пес!

Вотчинник 3-й

Повесить бы такого воеводу.

Тысяцкий

А ты не лайся: погляди сюда!
Видал шатры? Что лебедей по осень.
Тут вся камаринская, почитай.
Их тыщи — а у нас?

Протопоп

Заворовали,
Треклятые холопы!

Вотчинник 1-й

Вот ворвутся —
Поди, загнут салазки господам.

Протопоп

Ужели и монасей заобидят?

Вотчинник 4-й

Антихристы, святый отец... Крамольцы!
Им море по колено.

Тысяцкий

Их ведет
Большой стратиг из веры из латынской.
У этого пощады не проси.

Дьяк

Однако пушки вроде замолчали.
К добру ли то, дворяне?

Тысяцкий

Поглядим.

(Выходит.)

Протопоп

О господи, твоя святая воля.
Пошто стратиг на Кромы-то пошел?
Ходил бы на Москву, а то на Кромы.

Вбегает тысяцкий.

Тысяцкий

Спасайтеся, дворяне!

Дьяк

Что такое?

Тысяцкий

Спасайтеся — уж воры на мосту!
Бегут сюда.

Вотчинник 1-й

Бежим, Степан Лукич!

Вотчинник 2-й

Бежим.

Дьяк

Печать... Да где ж моя печать-то?

Вотчинник 3-й

Беги, Илья Иваныч, будет худо...

Разбегаются. В дверях появляется Болотников с дружиной.
Вотчинники посыпались в окна.

Болотников

Стой! Ты куда?

Тысяцкий

Дворяне — за царя!

Выхватывает меч и бросается на Болотникова, тот выстрелом из пистоля укладывает его наповал.

Болотников

Занять проходы. Юрий! Ты отправишь
Гонца в Путивль доложить бы князю,
Что Кромы взяты. Ждем его сюда.

Ты, Алексей, немедля с булавою
Проскочишь улицей — и коль увидишь
Какой грабеж — порядок учинишь.
А ты, Михайло, невзирая на ночь,
Возьми из резервации отрядец
И заложи пролом. Понятно? Дуй!

Сотские удаляются.

Итак, бояре. Сядем, что ли, а?
Чевой-то вас немного тут осталось.
Ну, не беда. Мал камушек, да ал.
Садись, Любаша, рядом.
Что ж, бояре?
Идем мы, значит, против государя.
Бунтовщики, бояре. Супостаты.
Так вы, бояре, нам помочь должны.

Хохот.

Дьяк

Пошто же глумы-то творишь, боярин?

Болотников

Я не боярин.

Дьяк

Кто же ты?

Шаховской

Холоп.

Дьяк

Не больно видно.

Болотников

Да зато-де слышно.
А как ты скажешь, человек почтенный,
Вот этот парень — князь или холоп?

Дьяк

Который?

Болотников
(Вавиле)

Подойди поближе.

Дьяк

Этот?

Пастух.

Болотников

А вот и врешь.

Дьяк

Тогда подпасок.

Вотчинники смеются.

Болотников
(указывая на тысяцкого)

Кто был вот этот ратный человек?
Небось не сотский?

Дьяк

Тысяцкий.

Болотников

Боярин?

Дьяк

Нет, вотчинник.

Болотников

А вотчина-то где?

Дьяк

Во городке Одоеве.

Болотников
(обращаясь к Вавиле)

Отлично.
Ну, вот и поздравляю, сударь мой,
Вавила, князь Одоевский. Спасибо
За ратный подвиг. Властью государя,
Отныне будешь володеть землей,
Которая за тысяцким лежала.

Дьяк

Постойте... Это как же?

Болотников

А вот так.
Отдать ему с убитого доспехи.
Буймистер кто?

Дьяк

Такого нет.

Болотников

Ну, дьяк.

Дьяк

А что там?

Болотников

Книги, братец, подавай.

Дьяк

Каки те книги? Мы не грамотеи.

Болотников

Вавилушка, пошарь-ка по ларям,
А ты, Любаша, поищи чернила.

Пауза.

Все, что, бояре, было тут до нас,—
Считайте небывальщиной. Понятно?
Ну, вроде как и не было совсем.

Вавила
(смеясь)

Ошибочка такая приключилась.

Болотников

Недоглядели.

Вавила

Только и всего.

Болотников

Ищи, ищи, Вавила. Даром, что ли,
Тебя в князья произвели? Трудись!
Князья, известно, труженики. Верно?
Ну, то-то же. Буймистер нам поможет.

Зачем ему народу не помочь?
Кажись, соседи. Мы ему пшеничку,
Бывало, помогали засевать.
Годов примерно с тыщу помогали?
Ну вот. Теперь и он... Ну, как? Нашли?

Вавила

Да вот какая-то, Иван Исаич,
Свиная шкура, хваченная шилом.

Болотников

Тащи сюда. Быть может, та и есть.
Да нет, не та. Что это?

Дьяк

Да уж книга.

Болотников

Сам вижу, что давненько не свинья.
А все же, а?

Дьяк

Гостиные статьи.

Болотников

Ах, вон чего. Торгуешь?

Дьяк

Торговали.

Болотников

И впредь, буймистер, будем торговать.

Дьяк

Торгуй, коли сумеешь.

Болотников

Мы сумеем.
А с кем торговля, говоришь, была?

Дьяк
(нехотя)

Со всякой чудью.

Болотников

С греками?

Дьяк

И с греки.

Болотников

С татарами?

Дьяк

С татары тоже.

Болотников

С Ганзой?

Дьяк

Таких не слышал.

Любаша

Врет, поди. Слыхал.

Болотников

Не думаю. Ганзейцы любят море.
(Перелистывает книгу.)
И что же продавали им?

Дьяк

Да все.

Болотников

Пеньку?

Дьяк

Пеньку.

Болотников

А лен?

Дьяк

И лен.

Болотников

А мед?
Зерно, конечно? Меховую рухлядь?
Вы эту книгу, братцы, сохраните.
И цены здесь указаны?

Дьяк

И цены.

Вавила

Да, эту книжку надоть поберечь.

Любаша

А эту как, Иван Исаич?

Болотников

Эту?
А что в ней? Ба! Разрядные пошли!
Отцовщина да дедовщина! Ясно.
Ты, князь Вавила, выруби страницы,
В которых что начертано.

Вотчинник 1-й

Постой...

Дьяк

Да вы чего?

Вотчинник 2-й

Да что ж это, дворяне?

Дьяк

Ведь тут роды за пять и шесть столетий!

Болотников

Руби, руби — мы заново начнем.
(Берет книгу и кладет перед дьяком.)
Пиши, буймистер. С первой со страницы.
Вавила, князь Одоевский. Пастух.
За боевые славные заслуги
Под Кромами был награжден землею
И княжеским достоинством.

Дьяк

Отцы!!
Невмоготу мне! Это чтоб Вавилка?
Да вы меня хоть режьте! Колесуйте!
(Бежит.)

Вавила

Куда, куда?

Дьяк

Анафема на вас!

Болотников

Схватить его и посадить на место.
Пошарь, Вавила, нет ли сургуча.

Любаша

Да вот сургуч-то. В книжице.

Болотников

Per Bacco!
Давай свечу. Держать его, ребята.
Как бороду его мы припаяем
Вот к этому столу — так не ускачет.

Капают сургучом на бороду дьяка и припечатывают ее к столу.

Пиши, буймистер. Стало быть, пастух
За боевые славные заслуги
Пожалован одоевской землею
И княжеским достоинством. Вторым
Пиши, буймистер, девушку вот эту,
Любаву — как по отчеству тебя?

Любаша

Егорьевна.

Болотников

Пиши: княжна Любава...

Любаша

Ах, что ты, что, Иван Исаич... что ты!
Да как же это? Стыд какой...

Болотников

Молчи.
Сказал тебе, что вольную получишь.
Так ты пиши...

Любаша

Да я...

Болотников
(ей)

Княжна Любава!
(Дьяку.)

Егорьевна. А вотчина ее...
Сейчас-сейчас, Любаха, все добудем.
Кто восседал на этом стульчаке?

Вотчинник 3-й

На этом? Я.

Болотников

Отлично. А на том?

Дьяк

На том — Сергей.

Болотников

Откуда?

Дьяк

Из Венева.

Болотников

А где сейчас? Убег?

Дьяк

Да уж...

Болотников

Убег.
Пиши: княжна веневская Любава
Егорьевна.

Вавила
(срываясь)

А девке-то за что?

Дьяк

И верно, а? Вавила хоть сражался.

Болотников

А ей за то, что глазки голубые...
За то, что носик бабочкой. За то, что
Мне помогала возглашать «ура».
Так и пиши, буймистер. Это важно.
Готово? Ну, а третьего по счету

Проставь, писака, самого себя.
Ты князь?

Дьяк

Я грамотей.

Болотников

Пиши: за помощь,
Оказанную грамотой своею
Восставшему народу...

Дьяк

Да ты что?
Кака тут помощь? Смилуйся, боярин.

Болотников

Да я ж тебе худого не желаю.

Дьяк

Да как же не желаешь? Царь Василий
Убьет меня за этакую честь.

Болотников
(смеясь)

Да ты не бойся, старый. Мы в Москву-то
Везем с собою своего монарха —
Мужицкого. А твоего Василья
Заставим пятки у тебя чесать.

Вавила

Иван Исаич! Да пошли их к бесу!
На кой те нянчиться с такими? Эх!

Болотников

Ты, князь, в мою стратигию не суйся.
Я знаю, что я делаю. Бояре
Меня отлично поняли. Итак,
Пиши, старик, что волею повстанцев
Вы все, оставшиеся на местах
И послужившие сердечной правдой
Полкам царя Димитрия Святого,
Что супротив царя-собаки Васьки...

Дьяк

О господи, твоя святая воля...

Болотников

Пожалованы титулом князей.
Теперь, бояре-дума, перед вами
Как будто нет исхода: либо вместе,
А коли врозь — Василий вас пожрет.

Вотчинник 1-й

Вот не было печали.

Вотчинник 2-й

Как объехал!

Дьяк

На вороных, Фомич, на вороных!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Ставка Болотникова в городе Кромы. Петр и Любаша.

Петр

Ну что, «веневская княжна»?

Любаша

А то же,
Черниговский княжонок.

Петр

Но-но-но!
Не забывайся!

Любаша

Как же не забыться,
Когда, вишь, мне така планида вышла,
Что стала я не ниже хоть тебя.

Петр

Смотрите — языкатая какая!

Любаша

А что же? Всем помалкивать прикажешь?
Не те, брат, ноне времена.

Петр

Ого!

Любаша

Вот и «ого»!

Петр

Княжна! Ей-ей, княжна!
Да и одета будто по-боярски:
Кокошник, меховая душегрея...
Да жаль — армяк содрала с ямщика.
(Хохочет.)
Теперь, пожалуй, ты на сеновал
С миленочком не слазишь, а, Любашка?
Негоже в вашем званье?

Любаша

Отчего же?
Смотря с каким.

Петр

Ну, хоть со мной.

Любаша

С тобой?
С тобой мы и в холопьем-то сословье
Не хаживали — а уж нынче: на-к!

Петр

Ах-ах... Да как же я такой посмел?
«Как вы теперь веневские княжны» —
К вам ниже полководца и не суйся.

Любаша
(строго)

Не трожь ты, неумытик, полководца,
Не этакими черными устами
Златого имени его касаться.

Петр
(фыркая)

Какого это имени? Ивашки?

Любаша
(предостерегающе)

Помалкивай...

Петр

Ты что?

Любаша

(грозно)

Тебе сказала!!

(Хватает его за грудки.)

Петр

Тьфу, мовка... Не души ты... Черт...
Любашка!
Ты что: рехнулась?!

Любаша

(отталкивая его)

Тихо! Сам идет.

Входит: Болотников, князь Телятевский-отец, братья Ляпуновы, Вавила, Истома Пашков и дьяк.

Болотников

Я думаю, друзья мои, немедля
Атаковать Коломну, чтоб оттуда
Заполучить дорогу на Москву.
Ты как, Захарий?

Захарий

А уж я — как брат.

Болотников

А ты, Прокопий?

Прокопий

Да и я по брату.

Телятевский

Да бросьте вы, ребята, чепуху.
Небось не в жмурки. Стало быть, Коломна?

Болотников

Выходит, так. Теперь, друзья мои,
Произведем распределенье шлемов.
В Большом полку — осаживаюсь я,
В Передовом полку — пойдет Вавила...

П р о к о п и й

А я куда?

Б о л о т н и к о в

Ты — Левая Рука.

П р о к о п и й

Ну, это уж, Иван Исаич, враки.
Мои княжата будут побойчей
Его ярыжек: люди в ратном деле
Поопытнее.

В а в и л а

Да мои ярыжки
От первого ядра-то не бегут,
А ваши побежали.

П р о к о п и й

Осторожней!

З а х а р и й

С кем говоришь-то?

В а в и л а

Сам поберегись.

П р о к о п и й

А вот пойдем отсюда на лужайку —
Померяемся, кто-де...

Б о л о т н и к о в

Баста! Баста!

П р о к о п и й

Я хоть и молодой, да в ратном поле
Почище многих седоусых. В битве
Нужны две стати: головной удар
И легкость на ногу при рассыпленье!

Т е л я т е в с к и й

Удар и рассыпление, Прокопий,—
Все это только бранное искусство,
Однако же войну решает ум.

Болотников

Не ум, а шкура. Коли жить вольготно,
Война — игра, наука, что хотите.
А коли жить, бояре, невтерпеж,
Тогда простой кулак — страшнее грома.

Пауза.

Когда при Каннах витязь Ганнибал
Огромные развеял легионы,
Он мощи Рима противопоставил
Стремленье быстроты — и победил.
Когда же мы идем на царь Василья,
То наша сила здесь не в быстроте,
А в ярости народной. Потому-то
Ярыжки будут впереди князей.
Так ты, Прокопий,— Левая Рука,
Во Правую — пойдет Андрей Петрович,
Захарию же дам — Сторожевой.
На этом и покончим. Князь-буймистер!
Введи послов.

Телятевский

Постой, Иван Исаич.
Давай-ка побеседуем полчасок.
(Отводит его в сторону.)
С Димитрием-то нашим слышал?

Болотников

Нет.

Телятевский

Как? Ничего не слышал?

Болотников

Нет, не слышал.

Телятевский

Да вот не хочет ехать государь.
Уж мы и так и этак — не желает.

Болотников

А я-то что могу, Андрей Петрович?

Телятевский

И сам не ведаю... Хотя, конечно...
Когда бы ты, Ванюша, пожелал...

Болотников

Чего еще?

Телятевский

Себя за Мишку выдать.

Болотников

Какого Мишку?

Телятевский

Тьфу, да я не то.
Я говорю, когда б ты пожелал
Себя назвать монархом-самодержцем
Димитрием Ивановичем — тут бы...

Болотников

Перекрестись! Ты что же, князь-боярин,—
Противу бога?

Телятевский

Я...

Болотников

Поди-поди!
Болотников не вор еще покуда.
(Отходит. Видит Любашу.)
А! Паренек! Здорово. Не ко мне ли?

Любаша

К тебе, Иван Исаич.

Болотников

Посиди.
Освобожусь — тогда побродим. Ладно?

Входят послы: черемисский — мурза Бибай, вогульский — Цибала Паутов, остяцкий — Мамрук.

Петр

Вы что за люди?

Дьяк

С Волги да Сибири.

Петр

Посланцы, что ль?

Дьяк

Побольше: вожаки.

Петр

Ишь понаперли.
(Подходит к остяку.)
Радуешься, нехристь?
Разброд почуял, Измаила семя?!

Захарий

Известно, агаряне — что с них взять?

Петр

А ну, давай отсюдова! Айда!
Проваливай!!
(Толкает их к выходу.)

Болотников

Эй, князенька! Петруша!
Тут, брат, хозяин я. Понятно? Я.
(Подходит к вогулу.)
Ты кто?

Цибала Паутов

Я вогулятин, государь.
Цибала, значит, Паутов. Цибала.

Болотников

Зачем приехал?

Цибала

Шибко трудно, паря.
Голодоваем... Не с чего ясак
Тебе платить.

Болотников

Да разве я взимаю?
Да не плати, родимый, не плати.

Петр
(в ужасе)

Рехнулся!

Телятевский

Бог с тобой, Иван Исаич.
Такую государственную стать —
И отменить.

Болотников

А ты, Андрей Петрович,
Платил бы сам. Ведь при твоих угодьях.
Пожалуй, ты один, хвала аллаху,
Переясачишь всех вогуличей.
(Подходит к мурзе Бибаю.)
Ты кто?

Бибай

Я черемиса, государь.

Дьяк

Мурза Бибай.

Телятевский

Откуда?

Бибай

С Арзамаса.

Болотников

Ясачный тоже, а?

Бибай

Ясачный.

Болотников

Плохо?

Бибай
(рванувшись)

Бери кинжал — зарежь!

Болотников

Постой-постой.

Бибай

Режь! Жарь на углях! Нету жизни — нету!
Утехи нету — да? Ничего нету.

Входят польские послы: князь Ружицкий и Лисовский.

Болотников

Тш... Не кричи. Спокойно. Кто обидел?

Бибай

Царь, да?

Болотников

Ясак большой?

Бибай

Ясак большой.
Коня давал, белку давал — а мало.
Куда пойду, да? Бунтовать пойду!

Болотников
(подходя к остяку)

Ты тоже из ясачных? А? Молчит.
Откуда ты, приятель?

Дьяк

Из Сибири.
Остяцкий князь, по имени Мамрук.

Болотников

Зачем приехал?

Вавила

Оробел князек.

Захарий
(смеясь)

Душонка в валенки ушла.

Болотников

Потише.

Дьяк

Ну-ну, приятель. Говори, не бойся.
Приехал — значит, знал, куда идешь.
Ну, говори.

Мамрук

Сто пол охотник тута.

Болотников

Не понимаю.

Мамрук

Сто пол зверобой.
Рука — стрела. Конь — но! Царь нет —
слабода!
Бери, Исач!

Болотников

Не понимаю.

Мамрук

Царь?
Не надо царь. Ты надо. Пол-сто люди.
Охотник люди. За тобой, Исач.

Болотников

Ах, вон чего. Ты предлагаешь помощь?

Мамрук
(кивая)

Пол-сто охотник.

Болотников

Пятьдесят стрельцов?

Бибай
(срываясь)

Я тоже дам. Сто дам. Сто двадцать дам, да?
Лошажье войско дам. Хоробро войско.

Болотников

И ты поможешь?

Цибала

Сколько надо — надо.
Лучного бою люди. Двести? Триста?
Бери, Исач. Хороший ты урус.

Петр

А я, бояре, говорю: всю эту
Татарскую ораву надо гнать!

Болотников
(не обращая на него внимания)

Еще какие есть послы откуда?

Ружицкий

Прóщенья прóшу.

Дьяк

Се посол из Польши.

Петр

Да ну?

Телятевский

Из самого Самбора?

Захарий

Дело!

Петр

Что ж, говори.

Ружицкий

Его крулевска мость
Жигмонт Августус Тшечий Ваза...

Петр
(значительно)

Ваза!

Ружицкий

А с ним и в едности российский цесаш
Пшислали мне, жебим я...

Телятевский

Как! Ты видел
Царя Димитрия?

Петр

Давно ль? Когда?

Ружицкий

Еще не мынело тыгодня, пане,
Як, ваш слуга покорный, созерцал я
Найяснейшего пана государя.

Телятевский

И что же? Скоро он прибудет?

Петр

Где он?

Ружицкий
(улыбаясь)

О, вельки самодержца всероссийский
Пшебиша в данней хвили в Польсце...

Телятевский
(с досадой)

В Польше!

Ружицкий

А мыслит ехать люб же сие зостать —
Не рачил ми, панове, видповедать.

Болотников

Зачем они приехали?

Дьяк

Затем,
Что предлагают польских желонеров,
Да фальконетов бронзовых двенадцать,
Да к фальконетам — сорок восемь бочек
Селитры. Верно?

Лисовский

Верно, пане, верно.

Ружицкий

Так, пане, так.

Болотников

Благодарю вас, пане.
Буймистер!

Дьяк

Я, Иван Исаич.

Болотников

Вот что:
Сымай соболью шубу для посла.

Прокопий

Сымай, сымай!

Телятевский

Дадим другую, ладно.

Болотников

Примите, пан посол.

Ружицкий

Ах, нет, пан гетман...

Болотников

Вы, пане, так добры...

Ружицкий

То долг мой, пане...

Болотников

А все же, про̀шу пана — вы трудились...

Ружицкий

Ах, пане, что вы...

Болотников

Про̀шу пана...

Петр

Просим!

(Отцу.)
А молодец Иван Исаич.

Телятевский
(очень довольный)

То-то.

Прокопий

Бери, бери!

Вавила

Напяливай.

Захарий

Бери!

Посол в конце концов накидывает шубу на плечи.

Болотников

Ну вот. А войска вашего — не надо

Общее замешательство.

Понятно?

Ружицкий

Не разумлю пана.

Болотников

Войска
Я говорю — не на-до. Ясно?

Ружицкий

Ниц...
Ниц не разумлю, пане...

Болотников

Врешь, разумишь.
И даже очень здорово разумишь,
Гоштенный пость... то бишь поштенный гость!

Лисовский

Прости, пан рыцарь. Сей вельможный князь
Не разумеет вашей речи. Он
Не Сигизмунда Третьего посланник,
А лишь владелец войска. Мы пришли
Своей охотой. Хочешь — покупай.
Возьмем недорого. Задаток дашь
И забирай хоть завтра на заре.
Так, пан Ружицкий?

Ружицкий

Правда, пан Лисовский.

Болотников

Ах, так? Вы, значит, не послы?

Лисовский

Отнюдь.

Болотников
(Ружицкому)

А ну отдай обратно шубу. Живо,
И вон отсюда.

Телятевский

Что ты, что ты!

Болотников

Духом!

Телятевский

Ты очумел, Иван Исаич...

Болотников

В шею!
Они ведь не послы, Андрей Петрович.
Конечно, были бы они послы...
А то ведь не послы. Послы — послы!
А это шпынь.

Ружицкий

Нет! Мы от Сигизмунда!
Вы, пан Лисовский, переврали. Я
Имею честь уведомить бояр
От имени...

Болотников

Заговорил по-русски!
Так быстро обучился, а? В минуту!
Ну, голова. Вот это голова.
Ты только унеси ее подальше,
Покудова на плахе не забыл.

Ружицкий

Вы пожалеете, пан гетман! Польша...

Лисовский

Да что — «пан гетман»... Рабоцарь ты,
вот кто!
Поплачешься, а будет поздно.

Болотников

Вон!

Паны уходят.

Петр

Князья! Бояре! Что ж это такое?

Захарий
(как эхо)

Да, что такое?

Петр

Кто здесь голова?
Ивашка или все мы? Эй, поляки,—
Вы погодите уходить... Бояре!
Вы сами видите...

Захарий
(как эхо)

Бояре! Сами...

Петр

Вы видите: Ивашка, сукин сын,
От черемисов, остяков, мордвы
Примает все, чего ни принесут.

Пашков

Полсотенки стрельцов — и то подарок.

Петр

А вот от короля от Сигизмунда,
От польской шляхты, нам родной по крови...

Захарий
(как эхо)

По крови...

Петр

От полков, от фальконетов,
От бочек с порохом — отказ!

Захарий

Отказ!

Вавила

И то. Князь Петра дело говорит.

Прокопий

А ты чего глядишь, Андрей Петрович?

Захарий

А ты чего глядишь?

Прокопий

Перед Ивашкой
Совсем, боярин, губы распустил.
Мы с братом да со всею со Рязанью
К тебе да князю с дружбою пришли,
А ты нас выдал своему холопу.

Захарий

Холопу ты нас выдал!

Пашков

Черным людям!

Телятевский

Ты погоди, не горячись, Прокопий.
Никто холопьям вас не выдавал.

Прокопий

Да как не выдавал?

Захарий

Да как, боярин,
Не выдавал-де?

Телятевский

Царь всея Руси
Димитрий Иоаннович назначил
Иван Исаевича головою

Всего восстанья — и король поляцкий
Ту волю государеву скрепил.

Петр

Однако же Ивашка вышел вор!

Захарий

Иван Исаевич-то вор, боярин!

Прокопий

Он изменил царю и королю.

Болотников
(гневно)

Король и царь народу изменили!

Петр

Ах ты, холоп! Ты смел о самодержце
Такое слово молвить?

Дьяк
(удерживая его)

Тихо, княже...

Телятевский

Не горячися... Я тебя молю!

Петр
(порываясь)

Пускай немедля принимает ляхов.
Ты слышишь, вор Ивашка?

Захарий
(удерживая Петра)

А? Немедля!

Петр

А всех татар — долой!

Захарий
(не разобрав)

Татар — домой!

Болотников

Пока татары нам друзья.

Петр

Пустите!
Схвачуся с ним на саблях. Будь что будет!
Пустите же.

Захарий
(удерживая)

Нельзя, нельзя, Петруша.

Петр

Чурбаны вы!

Захарий
(сочувственно)

Чурбаны.

Петр

Остолопы!
Ужели вы не поняли его
Холопскую затею? При победе
Поляки власть *за нами* сохранят,
А не за ним с его северюками.
Хоть это вы поймите!

Болотников

Браво, княжич.
Ей-ей, залюбовался я тобой.
Ума — палата. Что ни слово — жемчуг.
Да только жемчуг этот не про нас.

Любаша

Не для камаринцев.

Захарий

Молчи, Любашка!

Болотников

Чего ты хочешь? Отпустите, братцы.
Я сам люблю, чтобы лицом к лицу.

Петр вырывается и гневно становится перед Болотниковым, положив руку на эфес сабли.

Чего ты хочешь? Чтобы ляхи взяли
Чернигов, Стародуб или Смоленск,
А может быть, и Новгород со Псковом?
Ну, а за что им все это?

Захарий

За что?

Болотников

За то, что въедут в нашу же столицу?

Петр

Прелестничаешь, черный сатанин?
Чаруешь?

Болотников

Я-то?

Петр

Голову кружишь?
Уж вон Захарка поддался как будто.

Захарий

Нет, я не поддаюсь, Петруша. Что ты...
Как можно, чтобы... Да ведь жалко Пскова.
И Новгорода жалко...

Петр

А меня?
Меня не жалко? А тебя не жалко?
А вотчинников? А бояр? Князей?
Да лучше пусть поляки отберут
Всю Русь, как есть, но лишь бы не досталась
Ивашкам этим... смердам этим... Эх!
А ну-ка, сабля вострая моя...
Держись, Ивашка! Бьемся за Москву!

Выхватывает саблю, Болотников — свою. Бой.

Болотников

Раз-два!

Петр

Раз! Раз!

Болотников

Раз-два-три-раз!

Петр

Раз-два!

Телятевский

Голубчики... Вы это что же? Бросьте!
Петрушенька, сынок... Иван Исаич...
Я воспрещаю! Слышали аль нет?
Немедля прекратите...

Петр

Раз! Раз-два!

Болотников

Ну, это врешь!

Захарий

Петруха, нападай!

Прокопий

Бери обманом!

Вавила

Бей, Иван Исаич!

Любаша

По голове, по голове! Ай-ай!..
Ай, господи-исусь... По голове жа!!

Петр

Моя сабленка... видывала виды...
Заморской плавки...

Болотников

И моя не хуже.
Раз-два-три-раз! Я сам ее ковал.

Прокопий
(Захарию)

Ну, братец, если Петьку разобьют —
С дыханием никто из них не выйдет.
Побью их в смерть!

Захарий

Я твой пособник, братец.

Вавила

Вишь — шепчутся, проклятые... Любаха,
Зови подмогу. Живо.

Любаша

Сам зови.
Я своего Исаича не брошу.

Вавила

На кой ты здеся? Сбегай, говорю.

Любаша

Нельзя, касатик... Я должна глядеть...
Глазок мой синь, а может, с голубинкой,
Он счастие приносит...

Вавила

Так-то так.
Да ведь убьют Болотникова — худо,
А сам убьет — опять нехорошо.

Петр

Раз!

Болотников

Раз-два!

Петр

Раз!

Болотников

Раз-два-три-раз! Алла!!!
(Разрубает саблю противника надвое.)
Уф! Молодец, Иван Исаич.. Браво.
А все-таки... насилу, княже, сладил...
Такого мейстера, как он, не стыдно
И самой Веницее показать.
Чудесно, друг!

Телятевский

Ну, слава, слава богу.
Хоть благородно кончилася свара.
Я так за вас обоих настрадался —
Ведь вы мне оба, что один.

Петр
(едко)

Спасибо.

Болотников
(улыбаясь)

Родной ты наш, Андрей Петрович... Что же,
Давай мириться, княжич, а?

Телятевский
(за сына)

Давай!

Болотников

Уж если так сражался за Москву
Со мною, недостойным,— как же будешь
Рубиться с настоящим со врагом?

Телятевский

Как лев!

Болотников

Да-да... Как лев, Андрей Петрович.
(Протягивая руку Петру.)
Пребудь здоров.

Петр
(отворачиваясь)

Христос подаст, Христос...

АКТ IV

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Лагерь Болотникова.

Сбитенщик

А вот сбитень! Пожалуйте сбитень!
Горячий сбитень! Сбитень!

Нищий

Подайте слепенькому, люди добрые, что милость ваша, того брега отплыхом — другого не хватихомся...

Бубличник

Кому баранку?
Пекли спозаранку.
Зуб долой —
А не сломится!

Питейщик

Хмелю! Меду!
Хмелю! Меду!
Браги!

Появляются Болотников и Телятевский.

Болотников

А «Государство солнца» — это край,
Где нет ни слуг, ни королей. Понятно?
Там что ни человек, то и работник.
И все у них народное. Для всех!
Хоть церковь. Хоть домишко. Хоть лошадка.
А что народное, то и мое.

Телятевский

Маленько мудревато.

Болотников

Ничего.
Освоимся. Лиха беда — начало.
А во главе республики стоит
Наикрупнейший изо всех умов
Ученый муж. Он должен знать и космос,
И теологию, и медицину.

Телятевский
(со вздохом)

Такого между нами нету.

Болотников

Знаю.
А далее, Петрович,— триумвиры.
Их трое. Прозвища у них такие:
Любовь, да Силища, да Мудрость.

Телятевский

Вон как!

Болотников

Ты будешь Мудростью, Петрович. Я —
За Силищу сойду, ну, а Любаве
Сам бог велел Любовью прозываться.

Смех.

Телятевский

А дальше как правление ведут?

Болотников

А дальше вроде Думы у него.
Там восседает деловой народ:
Учителя, ремесленники, судьи...

Телятевский

Да, это правду «Государство солнца»!

Питейщик

Солоду с холоду! Хмелю! Меду!
Солоду с холоду! Хмелю! Меду!
Браги!

Кузьма
(вылезая из шатра)

Эй ты, питейщик! Бражки давай.

Питейщик

А денежка есть?

Кузьма

На тебя хватит.

Питейщик

Покажь.

Кузьма

А вот.

Питейщик наливает браги.

Куды каплю скрал? Доливай до капли, ирод! Ишь ты каков!

Глеб
(вылезая)

Оборотистой!

Томило

С тебя по капле да с меня по капле — вот он, пятак-то, и дома!

Кузьма

Эй, пленный!

Голос из шатра

Аиньки!

Кузьма

Дать, что ли, испробовать?

Пленный
(вылезая)

Это бражки? Давай, давай.
(Берет у Кузьмы ковш.)

Глеб

Слышь, пленный! А долго ли воевать еще с вами, царскими?

Пленный

Да вишь, начали только. Пошто торопишься?

Кузьма

А вот как егорьев день отвоюем, тут войнишке и крышка.

Неудача

Да и что толку в егорьевом дне? Господь бог неделю создал и все дни назвал — где воскресный, где второй, где середний, а егорьева дня там не было.

Кузьма

Не пойму, чего говоришь. С егорьем-то мужику небось легше.

Неудача

Легше... Мне твоего легшего мало. Я, брат, чистой воли хочу. Казаковать хочу. Земля-то ведь божья.

Кузьма

Эй, куды хватил! Земля божья, да ведь и власть от бога. А казаки — известно: безбожные людишки.

Томило

Русь наша — царская вотчина. А бояре на ней слуги царевы. Хоть и нового царя сажай, все так и останется.

Глеб

Да пущай они, слуги, праведными будут, и царь чтоб истовый был, страх божий имел!

Томило

Вот и дело.

Неудача

А где таких слуг да царей достать? Власть бога не любит. Дай ангелу власть — у него рога вырастут.

Питейщик

Хмелю! Меду! Браги!

Телятевский

Ну и жара... Питейщик! Наливай!
И ты хлебни, Иван Исаич.

Болотников

А?

Телятевский

Я говорю: хлебнешь?

Болотников

Чего?

Телятевский

Да бражки.

Болотников

А ну ее!

Телятевский

Взгрустнулося, никак?

Болотников

Да как же не взгрустнется, коль народ
Дичает на глазах! Слыхал беседу?
Уж ангелов не признают.

Телятевский

Вот то-то!
А ты им триумвиров.

Болотников

Что же делать?

Телятевский пожимает плечами.

Нищий

Подайте слепенькому на горе горькое, на очей моих свет затменный...

Питейщик 2-й

Клюква-клюква
Со льдом-снегом,
Упоеньице!
Утешеньице!

Нищий

Подайте, люди добрые, что милость ваша, калеке слепенькому, стал есмь бо яко средь пучины морстей...

Питейщик 2-й

Ты у кого, чудо, просишь? Здесь все воины копейщики, без гроша, без копеечки. Сами голые.

Нищий

А может, вы дадите, люди добрые, что милость ваша...

Мальчик
(сердито)

Пойдем, деда,— енти лабазники...

Уходят.

Телятевский

Эй, дедушка, постой. Гусляр ты, что ли?

Нищий

Волынщик я, кормилец мой, волынщик.
Которые есть люди гусляры,
Аль дудошники, али домрачеи —
А мы волынщики.

Телятевский

Ну, и отлично,
Споешь ты нам чего-нибудь?

Нищий

Чего?

Телятевский

Былину, что ль, какую. А?

Нищий

Былину?
Да вы-то не лабазники?

Телятевский

Нет-нет.

Нищий

Ну что ж. Ау?

Мальчик

Я тута.

Нищий

Сядем, детка.
(Располагается на земле.)
Каку ж таку́ былинку вам исполнить?
Про житие святого Серафима?
Про бой Ильюши с сыном? Али спеть
Про Ваню про Болотникова?

Болотников

Вот как?
А разве есть такая?

Нищий

Видно, есть,
Коли пою, кормилец.

Телятевский

Что же... спой.

Слепец поет.

БЫЛИНА ПРО ИВАНА БОЛОТНИКОВА

Вылезал на дорогу мишук сам-друг,
Выходил на дорогу бирюк сам-друг,
Выбегала лисица, алая пушица,
Выбегала куница, чалая пушица,
Чалая куница, бела-душа,
Бела-душа, хорошим-хороша,
А за нею, хорошей, еще похороше —
Черный соболь на белой пороше.
Эй, порох-пороша, пуржиста пыль!
Все-то это сказка, а вот она — быль.

Что во далече-далéче, во чистом полú,
Там сходилися дружинушки хоробрые.
Что одна-то ли дружинушка-то царская,
Царская дружина, государская.
Впереди нее Василий свет Ивановиц,
Василий свет Ивановиц, собака-царь.
Он сидит на коне, бурдюк-мешок,
Бурдюк-мешок, полный кишок.
А другая-то дружинка — все станишники,
Мужики-северюки, а и камаринцы.
Впереди нее Ивашка свет Исаевиц,
Ванюшенька Исаевиц, крестьянский сын.
Он сидит на коне, ровно свечечка,
Ровно свечечка зажженная.
Его тельце-то — воску ярого,
А головка во шлемике — жарова;
Сабля вострая — не ломается:
Из кольца в кольцо изгибается.

Побывал-от он, Болотников, в турстчине,
Исходил-от он земелья папаримские...

Болотников
(задумчиво)

У мадьяра был и у поляка был.

Нищий
(прислушиваясь)

У мадьяра-то он был, а и у ляха был.
Повезде-то, вишь, народы-люди маются,
Маются народы, истязаются.
Загорелось у Ивана ретиво сердцо.
Порешил тогда Иванушка Болотников:
Всех боярей да князей, а и хозяйщиков
Со крестьянскоей землицы-то повыгнати.
Чтобы люди, вишь ты, зажили по-новому,
Чтобы пахари-крестьяне приосанилися.

Болотников

Постой, постой... Ты как это поешь?
«Порешил тогда Иван Болотников...»

Нищий

А ты, кормилец, не перебивай.
Коль понимаешь песню, так и пел бы.
«Порешил тогда Иванушка Болотников
Всех боярей да князей, а и хозяйщиков
Со крестьянскоей землицы-то...»

Болотников

«...повыгнати».

Нищий

Ну, ясно же «повыгнати». Чего ж?
Вот так-то я и пел спервоначалу.

Болотников

Ослышался. Прости, отец.

Нищий

Ну, то-то.
«То не сизы соколики на утий пух,
Али белые ли кречеты на селезня —
Напустилася тут силушка крестьянская
На цареву-государеву боярщину.
А и вы теперь, холопья, люди добрые,
Помогали бы ему копьем да совестью.
Заживем тогда Расеюшкой по-княжьему,
Что ни в сказке сказать, ни в песне спеть».

Пауза.

Телятевский
(смущенно)

Вот и спасибо, дедушка, спасибо.
Порадовал.

Нищий

Да не на чем, кормилец.

Телятевский

А все-таки не стоит эту песню
В военном нашем лагере петь.

Болотников

Ты сам ли эту старину сложил?

Нищий

Кто его знает? Может, я и сам,
А может, и другие. Не упомню.

Телятевский

Прощай, старик. Возьми себе за песню.

Нищий

Прощай, сынок. Спаси тебя господь.
(Уходит.)

Голос нищего

Подайте, люди добрые, что милость ваша, калеке слепенькому, стал есмь бо яко средь пучины морстей...

Телятевский

Ты что расстроился, Иван Исаич?

Болотников

Я не расстроился.

Телятевский

Толкуй.

Болотников

С чего?

Телятевский

Тебе виднее.

Болотников

Ты, Андрей Петрович,
Пошел бы в думу — я-то побродяжу.
Не жди меня.

Телятевский

Давай побродим вместе.

Болотников

Да нет, прости... Охота одному.

Телятевский, пожав плечами, уходит.

(Один.)

Так вот оно, о чем народ тоскует!
Он от Болотникова ждет земли!
Не княжьих титулов потехи ради.
Да не бород, припаянных к столу...
Все это чушь, как чушь и «Город солнца»
Со всеми триумвирами его!
К чему мне было изучать латынь
Да мудрость вывозить из Венеции,
Когда вот тут, под самым нашим боком,
Живет святая правда? Нищий старец,
Каких у нас немало на Руси,
Не изучив латыни многодумной,
Открыл передо мной такие дали,
Каких бы я, невидящий, хоть зрячий,
И в «Голубиной книге» не открыл.

Ах, как я был простенек... Боже мой!
Прости меня, вельможный князь Вавила,
И ты, веневская княжна, прости...
Я не со зла... Тут сам господь свидетель.
Я просто ошалел от ликованья.
Но мне народ указывает путь:
«Подай землицы! — говорит он песней.—
Подай землицы, что есть милость ваша».

Земля... Вот слово нужное: земля!
Не «трон», не «царь», не «Дмитрий Иоанныч».
И даже не егорьев день — *земля*!
Ее просторы... низкие увалы...
Разлоги... а в разлогах роднички...
Над родничками — грубые святые

В облезлой краске и зеленых медях...
Нет, это слово ближе и родней!
Земля... Рассыпчатая горстка праха,
Прохваченная желчью человечьей
И голубой слезою тихих кляч.
Земля... За черные твои пары
Пойдут на смерть необозримы села,
Которые тобой одною дышат
И не надышатся, как от любви.
Ничто тогда пред ними князь Василий.
Как божий гром, грозовое — «земля»
Ударит в барабаны и набаты.
Так пусть же грянет! Господи... Во имя
Отца, и сына, и святого духа
Проясни мя и вразуми на бой.
(Подходит к шатру.)
Ребята, есть меж вами трубачи?

Голос

Как им не быть? Кузьма! Сюды давай.

Кузьма
(вылезая)

Чего тебе?

Болотников

Играй собор.

Кузьма

Пошто?

Болотников

Сейчас узнаешь.

Кузьма

Стало быть, собор?
(Трубит в рог.)

Голоса

— Чего трубят?
— Куды идти?
— Давай!
— Собор, собор...
— А где же атаманы?

— Гляди: Иван Исаич!
— Ну? Ага!
— Здоров, Иван Исаич. Как живешь?
— Здоров!
— Здоров!
— Здоров, Иван Исаев!
— Да здравствует Иван Исаев!

Кузьма

Тихо!
Иван Исаич будет говорить.

Болотников

Богатыри! Уже немало дней,
Как мы завоевали Кромы. Что же
Досталося от этой от победы
Народу нашему?

Голос

Добычка!

Болотников

Мало!
Заутра мы выходим под Коломну.
Кого бы супротив ни выставлял
Василий-царь-собака, ваша сила
Одним дыханьем ворога развеет,
Как ветер тучу. Что же от победы
Достанется войскам? Опять добычка?
А что в ней толку? Наше дело — хлеб!
А не разбой! Мы, всей землей восставши,
Про землю-то и позабыли, а?
В каком таком Евангелье святом
Заказано крестьянину владеть
Полями, на которых сел боярин?

Крики

— Долой бояр!
— Долой! Долой!

Болотников

Отныне
Куда бы вы ни шли, мои войска,
Я вам даю — вы слышите? — наказ

Гонять дворян, приказников, бояр
Со всем отродьем ихним — вон из поля!

Войска

— Ура!
          — Ура! Живет Иван Исаич!
— Родимец...
               — Батюшка ты наш...
                              — Ура!!
— Вот это полководец!
                    — Милай, милай...
— Душа ты наша...
                    — Кровь ты наша, Ваня!

Пленный

Иван Исаич, а Иван Исаич!

Болотников

Чего тебе?

Пленный

Пошто до завтра ждать?

Глеб

Давай сейчас ударим на Коломну!

Томило

Давай ударим!

Кузьма

А? Иван Исаич?

Болотников
(восторженно)

Друзья мои! Брательники мои!
Когда на то есть ваша воля, битва
Начнется нынче в ночь. Рога — труби!

Зов рога.

Войска

Ура! Да здравствует Иван Исаич!!

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

1606 год. 12 октября. Царская палата. Пьетро пишет икону. С ним Наталья. Она позирует.

Пьетро

Ах, знаете ли: в нашей Венецее
Таких красоточек, как синьорина,
Не каждый день увидишь. О мадонна!
«Румянец твой так нежен, что лилеи
Бледны пред ним, а розы смущены».

Наталья

Какой насмешник!

Пьетро

Выше подбородок.
Вот так. Чуть-чуть левей. Благодарю.
Вы только, синьорина, ради бога,
Не проболтайтесь, что я с вас пишу
Икону богомати. Умоляю!

Наталья

Не проболтаюсь.

Пьетро

Умоляю вас!
Ведь если выяснится — ваш король
Убьет меня на этом самом месте.
Немного выше голову. Так-так.
А между тем поймите, синьорина:
У вас такие бровки, губки, ноздри,
В них столько нежной прелести и жизни...
А я, художник, должен в это время
Какие-то виденья малевать!
Но это, синьорина, скучно, скучно!!

Наталья

Нудьга?

Пьетро

Не понимаю вас.

Наталья

Нудьга.

Пьетро

Чуть-чуть левее. Это много. Вот!
Конечно, синьорина, было время,
Когда артисты веровали в бога.
Так, например, Спинелло Арретини
С натуры богоматерь написал.

Наталья

А как это с натуры?

Пьетро

Очень просто:
Во сне к нему являлась богоматерь,
Позировала час и улетала.
Но это ж, синьорина, был монах!
Подвижник, страстотерпец, все такое...
А я, увы — я, грешный человек,
Люблю писать зверей, цветы, улыбки,
Лимоны, семгу, голубое море...
А вынужден — кресты, кресты, кресты!

Наталья

Постой...

Пьетро

Устали?

Наталья

Царь идет!

Пьетро
(испуганно)

Бегите!!
Но умоляю: помните — ни слова...

Наталья убегает. Пьетро быстро заменяет одну икону другой. Собачьей рысью вбегает царь. За ним бояре.

Царь

О господи... о господи... о боже...
О господи... Коломенскую взял!
О господи... А вы чего глядите?
Богоотступцы, а? Еретики!
Где Шереметьев? Да не Шереметьев,
А Салтыков! Ты что же, Салтыков?

Ивашка-рыцарь под столицу нашу
Подкатывает пушечный наряд,
А ты, Скопин...

С а л т ы к о в

Я не Скопин.

Ц а р ь

А кто же?

С а л т ы к о в

Я Салтыков.

Ц а р ь

Прислать мне Скопина!
(Бегает.)
Пропали мы, ребятушки, пропали.
Татищев здеся?

Т а т и щ е в

Здесь...

Ц а р ь

А Воротынской?

В о р о т ы н с к и й

Я здесь.

Ц а р ь

Пропали пропадом! Совсем!
Совсем пропали... А? Ты что сказал?

М с т и с л а в с к и й

Я ничего.

Ц а р ь

Уж так и ничего?
Ой, худо, худо... господи Исусе...
Триипостасный боже... Присnодева...
Поцарствовать спокойно не дадут!
Где Воротынской?

В о р о т ы н с к и й

Здесь.

Царь

Ага... Ну-ну...
Сиди-сиди... А? Вы чего сказали?
Да говорите что бы то... Исусе...
Чего нам делать? Делать-то чего?

Татищев

Вот так тебе и надо, царь Василий.

Царь

Да что ты... Бог с тобой... Михал Игнатьич...
Что я те сделал худа? Чем обидел?

Татищев

Грубил ты нам, боярам.

Царь

Я? Грубил?
Да что ты, голубенок...

Татищев
(злобно)

В грош не ставил.
Запамятовал нас, костлявый леший.
Как жеребцов, запрягши в колымагу,
На всей на думе цугом разъезжал.

Царь

Не буду больше... Вот те крест — не буду.
Уж я теперь и сам... Ах, Миша, Миша...
Хоть голову руби — а ведь крамольник
Стоит уж у ворот. Не так ли, ась?
Уж он не спросит, как-де я к боярам,
С большою лаской али с малой шел.

Пауза.

Мстиславский

Бояре! Надо бога умолить.

Царь
(с надеждой)

А ну-ко, ну-ко...

Мстиславский

Перед совещаньем
Сначала отслужить бы панихиду
Во имя павших в битве.

Царь

Панихиду?

Мстиславский

А после со кресты бы обойти
Округ палаты.

Царь

А? Округ палаты?
Слышь, как тебя... гишпанец! Ну-ко, ну-ко...
Готова ли икона чудотворца?
(Подбегает к Пьетро.)
Ты что же, сукин сын, намалевал?

Пьетро

А что?

Царь

Святой-то Власий с бородою?

Пьетро

А как его еще?

Царь

Да ты, скотина,
Видал когда-де Власия святого?

Пьетро

Я думаю, великий государь,
И вы его не видели.

Царь

Не видел.
Однако же на русских на иконах
Все богомазы, то бишь изографы,
Живописуют Власия-то как?
Святого Власия живописуют
Не с обликом, а с головой лошажьей!

Пьетро

Как-как?

Царь

Ах, неучи! Богоотступцы!
Слыхали, люди? Мысленно ли дело?
Святого Власия, тварелюбивца,
И... с бородою.

Гермоген
(входя)

Ересь какова!

Царь

А, это ты, святый владыко?

Гермоген

Ересь.

Царь

И я говорю «ересь».

Гермоген

Вот оно,
За что всевышний ниспослал нам кару —
Зане в твоих же царских во палатах
Гнездовие свивает святотатство!

Пьетро
(бормочет)

Ну, баста, баста — нечего...

Царь

Казню!

Гермоген

Однако же...

Царь

Спалю грозою царской!

Гермоген

Однако же небесный вседержитель
По милости своей неизреченной
На ны зело не устремиша гнева.

И хоть от воинства от сатанина,
От трескоты оружия его,
От гласа комоней его, от дыма
Курения его пищалей бранных,
Иде не видети, кто с кем ся бьет...

Царь

Да не тяни, владыко, не тяни:
Чего такого приключилось?

Гермоген
(смущенно)

Петька,
Телятевского сын...

Царь

Ну!

Гермоген

Да Прокошка
С Захаркой...

Царь

Это Ляпуновы? Ну!

Гермоген

От Шаховского отложились!

Царь

Мамо...
И где ж они?

Гермоген

Являются ко мне.
Яз вопрошаю: чада православья,
Пошто же ополчишася на бога
И божьего помазанника...

Царь

Ладно!
Потом доскажешь. Где ж они, злодеи?
Где изверги, где ироды-то, где?
Да я их расцелую! Ах, миляги...
Нет, яблочку от яблоньки далече
Не откатиться! Нет, не откатиться...

Воротынский

Теперь мы спасены.

Татищев

Ого, теперь
Посадим старикашку на коня
И выиграем сечу.

Салтыков

С левой ручки.

Черкасский
(входя)

Великий государь! Два Ляпуновых
С Телятевским...

Царь

Тащи, тащи сюда!
А вы, бояре, вон отсюда. Чохом!
Ступайте в горницу. Хоть ешь, хоть пей!
Где наша не пропала? Загуляю!

Бояре выходят.

(Вдогонку.)

Татищев!

Татищев
(задержавшись)

Ну?

Царь

Казню тебя, Татищев.

Татищев
(спокойно)

Двенадцать сороков сибирской белки,
Черкасского коня со всею сбруей
Да девушку на шесть пудов.

Царь

Курносу?

Татищев

Курносую.

Царь
(вздохнув)

Ступай, ступай, Татищев!
И где у тебя совесть! Ай-ай-ай.

Татищев уходит.

Вернулися, голубчики-ребята,
Сыночки золотые... Кто бы ведал,
Что этак все закрутится? Ах, детки...

Входят братья Ляпуновы и Петр Телятевский.
(Грозно.)

Вы что же это? Воровать? Мутить?

Прокопий

Прости, царь-батюшка...

Царь

Да как простить-то?
На государевича государя,
На посаженного самою Русью,
На господом венчанного монарха...

Захарий

Тебя венчал Исидор.

Петр
(шепотом)

Тише, ты!

Царь

Как? Что? Исидор? Кто это сказал?
А хошь бы и Исидор. Что с того,
Что он митрополитом новгородским,
А не московским патриархом, а?
Мне, братцы, духовенство не указ.
Я вам, голубчики мои, не Гришка!
Я отпрыск тех варягов, чье колено
От римских кесарей берет начало,
И скифетор царевых степеней
Есть нашего же прадеда наследье!

Петр

Не гневайся, надежа-царь.

Прокопий

Он молвил
По глупости, а не от сердца.

Царь

То-то.
Исидор... Экое словцо... Исидор.
Коли тебя бы, дурня, сгоряча
На трон бы посадили — ты бы, дурень,
Учал бы дожидаться патриарха?
Ну, говори: учал бы ты?

Захарий

Учал.

Царь

Ну, и фетюк. Как жил ты непомазан,
Так непомазанным помрешь. Аминь.
(Смеется.)
Да вы не оттого ль заворовали,
Что нас венчал митрополит?

Петр

Отнюдь.

Царь

А что?

Прокопий

А то, что ты, надежа-царь,
Нас, молодых, не больно отличаешь.

Захарий

Скупенько жалуешь.

Петр

Не бережешь.

Царь

Так. Ну, а нынче? Стал ли я щедрей,
Что вы переменили гнев на милость?

Прокопий

Да уж по правде молвить?

Царь

Говори.

Прокопий

Тут сила не в тебе, великий царь:
Уж очень нас Ивашка изобидел.

Захарий

Уж очень изобидел.

Прокопий

Разнуздал
Холопей, что коней.

Захарий
(как эхо)

Коней... холопей...

Прокопий

Все вотчины побрал, да им и рóздал.

Петр

А вотчинников изгоняет плетью.

Захарий

Так плетью и гоняет.

Царь
(весело)

М-да... Обидно...

Захарий

Уж лучше ты, надежа, чем Ивашка.

Царь

Все клоп, а не блоха.

Петр
(Захарию)

Уж ты молчал бы.
Забыл, охальник, перед кем стоишь?

Прокопий

Прости его, великий государь,
Он не от сердца.

Царь

Что же... Ладно, детки,
Что было — было. Мы отныне вас
И холить вознамерены и славить.
Прокопий! Я тебя в цареву думу.

Прокопий

Благодарю, великий государь.

Царь
(раздумывая)

Черкасского я князя прогоню...
(Они, Романовы, царя не любят!)
А в тех местах на кравчее служенье
Поставлю... что ж? Ну, хоть тебя.

Петр кланяется в пояс.

Захарий

А я?

Царь

А ты — дурак.

Захарий

А храбрость?

Царь

Да уж ладно.
Тархан тебе земельный подарю.
А вы-де мне служите и прямите,
А и добра хотите...

Прокопий

Будь покоен,
Великий государь.

Захарий

Не изведем!!

Царь

Опять дурак. (Прости, Василь Иваныч,
Он не от сердца...)

Смех.

Знаю. Знаю. Знаю.

Итак, ребятки. Стало быть, в бою,
Как выйду я ударить по Ивашке,
Вы с воинством ударите в него ж!

Захарий

Как в колокол ударим!

Царь

Ну и хват.

Захарий
(улыбаясь)

Опять дурак?

Царь

Маленько не хватило.
Так, стало, что ли, помирились, а?
Ступайте же, о воинство младое,
Не пожалеете о нашей ласке —
Клянуся богом и казной Руси.
На том простите.

Изменники уходят.

Значит, снова правим?
(Смеется.)
Так мы на чем с тобой остановились,
Уродливый гишпанец ты такой?
(Прохаживается в прекрасном настроении духа.)
Иконники, я говорю, должны
Писати с древних ликов православных
И зна́менить письмо — по образцам,
А не самосмышленьем-самоловкой.
Есть живопись не воля златописца,
Она — законодательство. Преданье.
И мнил бы ты себя на небеси
Пред лицы первообразных стояти...

Пауза.

А мы еще поцарствуем, бояре,
И поглядим: меня ли Шаховские,
Иль, может, я, бояре, Шаховских...
(Уходит.)

Пьетро
(один)

Он думает — все дело в Шаховском.
Смешной старик. И это царь! Носитель
Венчанного короною ума!

Пауза.

Однако, Пьетро, у тебя в руках,
Рег Вассо — государственная тайна.
А что с ней делать? Просто проглотить,
Как будто вовсе ничего и нет?
А что, синьор... что, если бы проникнуть
В болотниковский лагерь и раскрыть
Весь заговор? Забавно, черт возьми.
Ведь как-никак, а пахнет приключеньем.
Ей-богу, а? Ну, что я здесь такое?
Что жизнь моя в торгашеской Москве?
Ну, хорошо. Взамен одной иконы
Я намалюю десять, двадцать, сто...
Пусть даже тысячу. А что потом?
Чем это лучше жизни в Венецее?
А в лагере у рыцаря Ивашки,
Наверно, интересно. А? Решил!
Я пробираюсь. Это уж наверно!
Сегодня же!.. Да-да. Вот только жалко
Расстаться с композицией своей:
Уж очень хороши коровки эти,
Вот эти овцы... эти вот ягнята...
А этого козла я срисовал
С царя Василья. Как живой, каналья!
Того и жди, что к дьяволу пошлет...

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Стан Болотникова. Ночь. Костры.

Телятевский

Петрушенька! Да где ж ты пропадал?
Тебя мы, как утопленника, ищем.
Все куты осветили — а ты вот он!
Ну, слава богу. Дитятко родное.

А я уж передумал черт-те что:
И что тебя стрелою прохватили,
В полон попал или-де зверь заел...

Петр
(угрюмо)

Тебя заел бирюк!

Телятевский

Опомнись... милый...

Петр

Я, батюшка, давно уже хотел
С тобой поговорить.

Телятевский

Ну что же...

Петр

Сердце
Отцовское твое — мне стало чуждо.

Телятевский

Как? Почему?

Петр

Оно пригрело змия.

Телятевский

Ах, это? Ну, оставь...

Петр

Нет, погоди!
Утративши родителя, я должен
Хоть панихиду отслужить по мертвом.

Телятевский

По мертвом? Панихиду? Что за страсти?
К чему, Петруша, эти словеса?
Не понимаю я тебя, Петруша.

Петр

Не понимаешь? Очень жаль. А я
Тебя вот не пойму. Поговорим
Не как родитель с сыном, а иначе:

Как с князем князь. Ты ведаешь, боярин,
Что твой Ивашка грамоты подкинул
Во все концы русийских рубежей?

Телятевский

Какие грамоты?

Петр

А вот такие,
Чтоб смерды и холопья побивали
Своих властителей, а земли их
Имали за себя.

Телятевский

Ну знаю.

Петр

Что же?
Как дальше-то?

Телятевский

А вот возьмем Москву,
Договоримся. Наше-то именье
Цело покуда.

Петр

Бью челом, боярин,
На вашей ласке. Как же! Стану я
Зависеть от Ивашкиной ухмылки,
Нет, сударь-батюшка. Из нас двоих,
Хоть ты и серебристее как будто,
Да, видно, я постарше. Слушай, батя:
Вчера втроем с Прокопьем и Захарьем
Мы были у царя.

Телятевский

Ты лжешь!

Петр

Старик
Облобызал нас, как родной отец.
Захарке дали землю. Прошке — думу,
А я — так прямо кравчим к самому.
Он, кстати, о тебе справлялся.

Телятевский
(глухо)

Дальше...

Петр

И порешили мы, Андрей Петрович,
В бою с царем ударить на Ивашку.

Телятевский

Измена?

Петр

Выбирай, Андрей Петрович.

Телятевский

Измена! Ты... Ты смел... Противу рода?
В моем строю? Анафема!!

Петр
(испуганно)

Молчи!

Телятевский

Предатель!

Петр

Тсс... Сюда идут.

Телятевский

Ты продал
За должность кравчего — отца и клятву.

Петр

С ума ты сбрел! Идут сюда...

Телятевский

Нет казни,
Которая меня бы утолила.
Я сам тебя своими же руками...
(Хватает его за грудь.)

Петр

Уйди, отец!

Телятевский

Душонка ты холопья!

Петр

Пусти меня...

Телятевский

Ублюдок!

Петр

Ах ты, лютый...

(Бьет его мечом по шлему. Оглушенный старик падает. Петр метнулся в сторону.)

Болотников

Кто побежал? Стреляю! Эй, стреляю...

Петр

Не подходи — убью!

Болотников

Остановись!

(Подходит ближе.)

А, это ты? Ну, хват... На этот раз
Не саблю я перерублю.

Петр

(хватаясь за саблю)

Увидим.

Болотников отбрасывает пистолет и вынимает саблю. Битва.

Голос Вавилы

Царь наступает! Эй, Иван Исаич!

Болотников

Ну, счастие твое.
(Вкладывает саблю в ножны.)
Откуда весть?

Вавила

Достали языка.

Болотников

(Петру)

А за отца-то
Мы посчитаемся. Он жив ли?

Вавила

Жив.

Болотников наклоняется над Телятевским.

Болотников

Ведите языка сюда. Вавила!
Сюда веди.
(Обнимает Телятевского.)
Ну как, Андрей Петрович?
Очнулся, а? Несчастный.

Телятевский

Это кто?
А где Петруша?

Болотников

Здесь он, твой Петруша.
Постой-ка — я те кровь пооботру.

Появляются Вавила, Любаша и Пьетро.

Любаша

Отколе шел? От Васьки?

Пьетро

Синьорина!
На это затрудняюсь вам ответить:
Великой царь меня не посылал.

Любаша

Не «царь великой» говори, а Васька!
Понятно?

Пьетро

Васька, Васька, синьорина.
Ах, синьорина! В первый раз я вижу
Такую девушку в железных латах.
Позвольте вас такой нарисовать!
«Румянец твой так нежен, что лилеи
Бледны пред ним, а розы смущены».

Болотников

Ба! Узнаю знакомую повадку.
Неужто Пьетро?
(Идет к ним.)

Пьетро

Кто это?

Вавила

Начальник.

Пьетро

Ивашка, да?

Любаша

«Иван Исаич», дура!

Пьетро

Да-да... Иван Исаич... Но позвольте!
Он имя произнес мое... Он «Пьетро»
Сказал как будто...

Болотников

Здравствуйте, маэстро.

Пьетро

Великий вождь! Я потрясен! Я думал,
Что вы простой мужик, но оказалось,
Вы слышали о славе живописца,
Которого не знают и в Москве!

Болотников

Ну, как о вас, маэстро, не слыхать?
Ведь мы не варвары.

Пьетро

Однако все же...

Болотников

А ваш последний опус — до сих пор
Своим огнем мою волнует душу.

Пьетро

Какой же это?

Болотников

Золотой дукат,
Написанный на столике в таверне.

Пьетро

Ах, я безмозглый! Милый Джиованни!
Ужели это вы?

Болотников

Я, я.

Пьетро

Мадонна!
Позвольте вас поцеловать! Еще раз!
И в третий раз! Ну, кто бы мог подумать?
Я слышал «рыцарь Иоанн», «Ивашка»,
«Болотников» — а это Джиованни!

Болотников

А что в Европе? Как у вас дела?
Чем люди живы?

Пьетро

Всем, великий вождь.
В Британии актер Шакеспеаре
Скандальные комедии выводит;
В Испании солдат один, Сервантес,
Роман такой состряпал — «Дон-Кихот».
Художники, монахи и студенты
Увлечены Фомою Кампанеллой:
Он пишет о грядущем государстве,
В котором нет ни королей, ни слуг.

Вавила

Ишь ты каков.

Любаша

А как же это?

Пьетро

Просто:
Ни слуг, ни королей.

Любаша

Да ты годи.

Вавила
(смеясь)

Да как же он, Фома-то? Ах, крамольник!
Вот бы его нам, а? Иван Исаич?

Смех.

Петр

И где же он, Фомка этот?

Пьетро

В заточенье.

Петр

Ах, вон оно... Ну, там ему и быть.

Пауза.

Болотников

А Венидея что? Небось торгует?
Все ищет, ищет.

Пьетро

Ищет и нашла.
Совсем недавно стеклодувы наши
Изобрели прозрачные стаканы.

Болотников

Прозрачные?

Вавила

Ах, шельмы!

Пьетро

Как вода!
Вы взглянете, допустим, в них на море —
И море будет синим. На кусты —
Кусты зеленые. Совсем как в жизни!

Болотников

А как Джудекка? Все стоит?

Пьетро

Стоит.

Болотников

По-прежнему ли у канала Гранде
Прослушивают мессы Палестрины?

Пьетро

Вы и об этом помните? Мадонна!

Болотников

А с «Пристани Славян» все так же бойко
Распродают невольников?

Пьетро
(со вздохом)
Все так же.

Болотников

А землепашцы голы, как и встарь?

Пауза.

Так ты пришел от самого царя?

Пьетро

Почти. Я слышал, что сегодня в ночь
Решился он напасть на этот лагерь.

Болотников

А как ты это слышал?

Пьетро

А вот так.
Сидел я за иконой. Малевал.
(В палате это дело было.) Вдруг —
Вошел гонец, а может быть, и стольник,
И доложил, что три каких-то князя
Из лагеря Болотникова...

Любаша

Что?

Никита

Из лагеря?

Болотников

Из нашего?

Пьетро

Ну да.
Пришли с его величе... то есть с Васькой,
Мириться и предать тебя в бою.

Любаша

Как им прозванье?

Петр
(взводя курок)

Кто они такие?

Телятевский, опираясь на меч, подходит к группе.

Пьетро

Их было трое. Первого зовут...

Петр стреляет в итальянца. Тот падает.

Петр

Лазутчик! Он подослан царь-собакой,
Чтоб перед самым боем перессорить
Между собою главарей.

Телятевский
(кидаясь к Болотникову)

Иван!
Иванушка, родимый... Ты не хмурься...
Он верой-правдой выстрелил. Он наш...
А ты — ты этак не гляди, не надо...
Не надо, сокол... Отведи-ка очи...
Смотри, какая девка-то у нас...
Любашка-то... Как ей пристали латы!
Святой Георгий, да и только... Ох...
Ох, худо мне... Товарищи... Ослаб я...
Ходил, ходил, да и тово... упал.

Сторожевой

Иван Исаич: от заката кони!
Я слышу храп и фырканье.

Любаша

Ага.
Переплывают реку.

Б о л о т н и к о в
(командуя)

Фальконеты —
Налево! Приготовьте чугуна
Под номером вторым! Любаша...

Л ю б а ш а

Ая!

Б о л о т н и к о в

Ты, паренек, нигде не отходи.

Л ю б а ш а

Да я всегда с тобой, Иван Исаич.
Убьют — так уж вместях.

Б о л о т н и к о в

Коней!

Л ю б а ш а

Коней!!

Подводят двух лошадей Ивану и Любаше.

Т е л я т е в с к и й

Иван, Иван! Ванюша!

Б о л о т н и к о в

Ну?

Т е л я т е в с к и й

Ты вот что:
Пошли, Ванюшенька, во Леву Руку
Кого-нибудь... Ну, хоть меня.

Б о л о т н и к о в

Зачем?
Ведь там Захарий.

Т е л я т е в с к и й

Ну, а ты меня.

Любаша

Куда тебя такого? Не доедешь.

Болотников

Где старший бомбардир?

Бомбардир

Я здесь.

Болотников

Давай
Не будем дожидаться нападенья.

Телятевский

Иван Исаич, а Иван Исаич...

Болотников

Огонь!

Пальба.

Ну как?

Вавила

Шарахнулись, ей-ей.

Любаша

Скакать пошли... Да нет: обратно в реку.

Болотников

Вавила! Кавалерию вослед.
Две сотни сабель.

Телятевский

Ваня, а! Ванюша!
Пошли меня Захария сменить.

Болотников

Любаша, на коня. Прости, старик.

Телятевский
(хватает стремя)

Не отпущу.

Болотников

Да что с тобой?

Телятевский

Пошли...
Пошли сменить... Не пожалеешь, дьявол!
Иван Исаич...

Петр

Батюшка, да что ты?

Телятевский

Молчи, скотина! Не с тобою речь.

Петр

Да ни к чему, Иван Исаич... Глупость...
Совсем с ума сбредает мой родитель,
Иван Исаич.

Болотников
(подозрительно)

Вежливый ты стал.

Петр

А что же нам делить, Иван Исаич?

Болотников

Вот чудеса какие! Ты ли это?
Тебя как будто подменили. Что ж!
Скачи, Андрей Петрович, в Леву Руку.

Телятевский

Ну вот и хорошо! Коня! Прощайте.
(Уезжает.)

Болотников

Вавила!

Вавила

Я.

Болотников
(указывая на Петра)
А этого схватить.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Поле у села Котлы. Повсюду мертвые тела ратников: русские в кольчугах, мордва и черемисы с голыми торсами. Болотников сидит на камне. Рядом Любаша. Забинтованный Пьетро, Вавила.

Любаша

Ванюшенька... Ты, сокол, не кручинься.
Не ты повинен. Эти псы повинны,
Княжата эти... Петька да Прокошка.
Еще Захарка ихний. У, гадюка!
А ты не это... Как вот... Что же плакать?
Уйдем на Дико Поле. Кони наши!
Ведь наши кони, не кого другого?
Твой воронок, что с белою протокой,
Да мой игреневый. Лихие кони.
Вот и поедем. Подле синя моря
Поставим хыжу, заведем рыбалку —
И я тебя такою-то ушицей
Попотчую — и в сказке не сказать!
Поедем, Ваня. Хочешь?

Болотников

Но ведь бой
Проигран был, Любаша, от измены.
Ты понимаешь разницу, Любаша?
Ведь только от измены!

Любаша

Ах, родимый!
Да что от этакого «тольку» толку?
Ведь нас побили в смерть! Едва-едва
И сами еле-еле. Где Беззубцов?
Где Алексей? Один казацкий табор
Да вороные галицы над ним.

Болотников

Ты погоди, Любаша, погоди.
Взгляни сюда. Гляди на эти трупы.
В них навек замерло биенье жизни.
Но в этих боевых загривах, в этом
Размахе плеч — сокрыто столько воли,

Что если бы сейчас для них запел
Звериный голос боевого рога —
Они бы встали к битве, как один.
Читай по их руке.
Кто эта людь?
Возьми хоть эту. Ясно?

Любаша

Нет, не ясно.

Болотников

Смотри: под пальцами ороговели
Четыре кровяных пыжа. Кузнец!
У этого янтарная мозоль
На указательном, как от бечевки,
И вся ладонь истыкана. Рыбак.
А это кожемяка. Видишь — ногти,
Протравленные квасом. Кожемяка!

Любаша

А этот будет похилее.

Болотников
(берет руку мертвеца)

Верно:
У этого на пальцах — сине-серый
Как бы туман. Яденье серебра.
Поди-ко, оружейных мастер дел.
Ты поняла ли, что это за людь?
Не витязи наемные. Не шкуры,
Которых покупают за дукаты.
Здесь горе воевало! Здесь на битву
Недоля вышла! Что же им измена?
Ведь это только недруг изменил.
Ты поняла, Любаша? Только недруг!

Любаша

Как не понять?

Пауза.

Давай, Иван, уедем.
Соколик мой... Сердечко ты мое...
Не любишь ты меня! Уж так не любишь!

Вавила
(кричит)

Вот ерунда какая... Брось ты хныкать!

Болотников

Ну, паренек... Ну, брось...

Любаша

Не любишь, нет.

Болотников

Да как же не люблю, когда люблю?
Чудачка ты... Ей-богу же, чудачка.
Дай мне очнуться от погрома. Завтра
Я снова вышлю в поле бирючей
С набатами и громкими рогами —
И не пройдет, Любаша, семидневья,
Как двадцать тысяч войска боевого
Придут ко мне с бунчужьями, со свистом,
Накормят салом, брагой напоят —
И старым старикам я буду «тятькой»,
А молодым за «дяденьку» сойду.
(Смеется.)

Любаша

Люблю тебя таким, Иван Исаич,
А то сидел понурой.

Болотников

Важно что?
Чтоб корень был здоровым. Табор этот,
Который мне остался от погрома,
Он битвою испытан на огне,
На сабле и особо на измене.
С таким народом ничего не страшно.

Появляются четыре бойца, нагруженные всяким скарбом. Идут деловито.

Крестьянин 1-й

Здоров, Иван Исаич!

Болотников
(добродушно)

Здравствуй, здравствуй.

Вавила

Куда дорогу держите?

Крестьянин 1-й

Домой.

Болотников

Куда-куда?

Крестьянин 2-й

Домой, Иван Исаич.

Любаша

А где ж он, дом?

Крестьянин 1-й

На Северном Донцу.

Крестьянин 2-й

Как выйдешь на Оскол — бери направо
Да по татарской по сакмé держи.

Болотников

А кто же воевать?

Крестьянин 1-й

Покуда хватит.

Крестьянин 3-й

Оно конешно: взяли бы Москву,
Тады и погодить бы можно.

Крестьянин 1-й

Верно.
Тогда б и погодили.

Крестьянин 4-й

Право слово.

Крестьянин 3-й

Ан не взяли Москвы-то.

Крестьянин 4-й

Не дал бог.

Болотников

Да бог-то тут при чем? Иль не слыхали,
Что все это изменники?

Крестьянин 1-й

Слыхали.

Крестьянин 4-й

Как не слыхать?

Крестьянин 2-й

Дворяне, сучьи дети.

Крестьянин 3-й

Прокошка да Захарка.

Крестьянин 4-й

Как жа, как жа.

Крестьянин 1-й

Анафемы треклятые.

Болотников
(удовлетворенно)

Ну, вот.
Так, значит, без бояр-то, без крамолы
Мы с вами можем битву повторить!
Не так ли, а, товарищи?

Крестьянин 1-й

Да вишь ты...
Один разок уж нам по морде дали.
Чего уж повторять-то?

Идут.

Болотников

Да постойте!
Ведь мы же потерпели пораженье
Затем, что изменили нам дворяне!
Не правда ли?

Крестьянин 1-й

Вот я и говорю:
Анафемы.

Болотников

Анафемы. Отлично.
Так, значит, *без* анафем. *Мы-то* с вами.
Победу. Можем одержать аль нет?

Крестьянин 2-й

Да ведь, Иван Исаич... Сам же видел...
Чего уж тут?

Крестьянин 3-й

Сам видел.

Болотников

Но ведь это
Не наша с вами, дьяволы, вина!
Поймите же вы, головы садовьи!
Дворяне изменили?

Крестьянин 1-й

Изменили.

Болотников

Ну вот.

Крестьянин 1-й

Чего?

Болотников

Пенёк ты, вот чего!

Крестьянин 2-й

А ты, Иван Исаич, не серчай.

Крестьянин 3-й

Пошто серчаешь-то?

Двигаются дальше.

Крестьянин 1-й

Печенка вспухши.

Идут.

Вавила

Оставь, Иван Исаич. Хитрецы!
Юродствуют для виду. Оробели,
Ну, и пошли.

Любаша

Ступайте, дорогие.
Ступайте, милые, себе на горе.
Чтоб вам ни лика, ни свечи на гробе!
Чтоб вам немедля на путе подохнуть!
Чтоб и кишки-то птицы расхватали:
Грач — вскачь,
Сорока — с подскока...

Вавила
(подхватывая)

Еще был воробец,
Да и без того — конец.

Крестьянин 3-й

Ишь языкатые!

Болотников
(глядит им вслед)

Ну что ж. Бывает.
В проигранном сраженье — мертвецы
Не только те, что повалились трупом.
Пора бы уж такие вещи знать.

Вавила

А все-таки сдаваться нам не след.

Болотников

Кто говорит сдаваться?

Вавила

Я, к примеру.

Болотников

Кто говорит сдаваться?!

Вавила

А никто.
Чего рычишь? Я это так. На случай.

Появляются новые бойцы со скарбом.

Болотников

Стой! Вы куда?

Крестьянин 5-й

Домой, Иван Исаич.

Болотников

Назад немедля!

Крестьянин 5-й

Это отчего жа?

Крестьянин 6-й

Ведь мы, родной, тово... Не ополченье.
Мы вольные.

Болотников

Назад, я говорю.

Крестьянин 7-й

Хотел — повоевал, а не хотемши...

Болотников
(хватая его за ворот)

Назад ты, шкура заячья! Назад!

Крестьянин 7-й

Но-но, Иван Исаич... Ты полегше.

Крестьянин 8-й

Небось ты не подьячий.

Болотников
(сдерживаясь)

Отвечай!
Зачем ты, молодой еще крестьянин,
От первого же боя оробел?

Крестьянин 7-й

Не оробел я.

Болотников

А зачем уходишь?

Крестьянин 7-й

А это что ж...

Крестьянин 5-й

Ты ся не беспокой.
Ведь мы-то ненадолго.

Крестьянин 6-й

На неделю.

Крестьянин 7-й

Вот принесем гостиничка детям
Да взглянем, как оно-то дома дело —
Ну, и вернемся. Вот те крест — вернемся.

Болотников

Товарищи! Слыхали? Да за это,
Как ваш военачальствующий, я
Обязан застрелить его, мерзавца!
Наемники и те не отлучатся,
Покуда не закончилась кампанья.
А ты? Поди сюда. Читай молитву.

Крестьянин 7-й

Неграмотен я.

Болотников

Повторяй за мной.
«Прости мя, боже...» Ну!

Крестьянин 7-й

«Прости мя, боже...»

Болотников

«Не стоящего милости твоей...»

Крестьянин 7-й

«Не стоящего милости твоей...»

Болотников

«Зане народу своему...»

Крестьянин 7-й

«...зане...»

Болотников

«Народу своему...»

Крестьянин 7-й

«...народу...»

Болотников

«...ворог!!»

Крестьянин 5-й

Иван Исаич... Брось его, родимый...
Всех не побьешь. И я таков. И он.

Крестьянин 6-й

Крестьянствуем, Иван Исаич.

Крестьянин 5-й

Что жа?
Какой такой проступок, что крестьяне?

Крестьянин 6-й

У этого-то хыжа покривившись.
У Митьки — лошадь пала.

Крестьянин 5-й

Все расход!

Крестьянин 6-й

А без хозяйского-то глазу — дома
Прибытки небольшие.

Крестьянин 5-й

Худородье.
Нехорошо, нехорошо, Исаич...

Крестьянин 6-й

Неладно ты, Исаич...

Крестьянин 5-й

Вот и дело:
Иван Исаич — супротив народа!
Куды ж это годится!

Крестьянин 6-й

Никуды!

Крестьянин 5-й

Кабы уж кто другой — а то Иван!

Крестьянин 6-й

Нет, никуды такое не годится.

Болотников падает перед ними на колени.

Болотников

Товарищи! Я заклинаю вас!
Останьтесь! Хоть на месяц! Ну, неделю!!
Голубчики! Родимые! Останьтесь!
(Ловит их руки и целует.)
Увидите: ударим на царя!
Ведь мы народ! Увидите... Нас много!
Я — бирючей! Я — клич! Пятнадцать тысяч...
А с Дона? А с Поволжья? Мужики!
Отчизну пожалейте! Будем сыты...
Все будем сыты... Наше будет царство...

Появляется новый отряд бойцов: Ждан, Глеб, Неудача, пленный и молча смотрят на мужиков и Болотникова.

Остановитесь! Слушайте!.. О, боже...
За что я должен видеть дальше их?
За что рожден я с непомерным сердцем?!
Урод, урод...
(Падает на землю, рыдает.)

Любаша
(плача)

Иванушка...

Болотников

Урод!

Болотников затихает, время от времени вздрагивает. Мужики молча двигаются дальше.

Глеб
(подходя к Болотникову)

Ты вот что, Ваня. Брось ты это. Понял?
Вставай — поговорим. Вставай, вставай.

Ждан

Которые, конешно, мужики...
Не думаючи... как бишь...

Глеб

Да уж ладно.
Вставай, Иван Исаич. Выйдем к Туле,
Запремся — ну, а там что бог пошлет.

Любаша

Вставай, родимый.

Неудача

Эк, истосковался...

Болотников приподымается, утирает кулаком слезы, вздыхает. Потом говорит, виновато улыбаясь.

Болотников

Простите, мужики, за эти слезы...
Два года был в турецком полону...
На парусной каторге. Загребальным.
В цепях работал, ну и все такое...
Так вы уж...

Пленный

Ладно. Брось, брат!

Неудача

Не осудим.

Болотников

Любаша...

Любаша

Ая!

Болотников

Кликни рогачей.
Пускай трубят. Мы отойдем на Тулу.

АКТ V

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В осажденной Туле.

Болотников

Ты что такое пишешь?

Пьетро

Арабески.
Убьют или помилуют меня,
Потомству надо кое-что оставить.
Хотелось бы, синьор, писать портреты,
Да краски в суматохе растерял.
Я вам пока не нужен?

Болотников
(отходит)

Нет. Пиши.

Удар ядра.

Пьетро

Per Bacco!

Любаша

Эй, станишники, скорей!

Глеб

Все сгинем тута. Никого оставим.
А Ваське не сдадимся.

Любаша

Эй, на помощь!
Бери за плечи — нечего стоять.

Несут раненых.

Голос
(за стеной)

Го, люди!

Пьетро

Кто там?

Кузьма

Бирючи орут.

Голос

Побросьте воевать! Винитесь, люди!

Глеб

Проваливай,

Голос

Эгей! Кому прямите?
Ивашке-вору супротив царя?

Кузьма

А ну-кося, прожги его стрелой!

Вавила

Пущай поговорит.

Пленный

Долой отселя!
(Бьет в него из самопала.)

Ждан

Эк, ускакал.

Пленный

Как зайца, ускакал.

Пьетро

Тьфу, черт! Опять ядро...

Крики

Пожар! Горим!

Любаша

Тушите мокрою овчиной!

Вавила

Кожи!
Где кожи?

Ждан

Эй, станишники! На помощь!

Глеб

Уж погасили. Неча голосить.

Неудача

Не пламя, братцы, страшно: голодуха.
Что нам пожар, коль вон она, Упа.
Полил водичкой — вот и утолил.
А голод — всей рекой не упояешь.

Вавила

Мышей, Иван Исаич, стали есть.

Любаша

Ты что, Вавилушка, продаться вздумал?
К чему все эти баиньки твои?

Вавила

Кто говорит «продаться»? Мы другое...

Ждан

А что мышей едят — так это верно.

Болотников

Ну что ж. Пускай мышей. Вот победим —
Свиное стадо из Москвы пригоним.

Глеб

А мыши? Чем же плохи мыши? Тварь.
Как всякое дыхание господне.

Ждан

Оно-то так...

Вавила

Да хватит ли мышей-то?

Любаша

А ты помалкивай! Чего удумал?
Заранее смерти Тулы не сдадим.
Хоть все поляжем.

Болотников

Верно, паренек!

Любаша

А кто боится, тот пушшай уходит.
Я никого, казаки, не держу.

Глеб

Ишь ты, хозяйка.

Ждан

«Не держу...»

Кузьма

Какая!

Любаша

А уж какая ни на есть, казаки,
А уж какая ни на есть.

Глеб

Хозяйка!

Болотников
(подходя)

Так что же, Пьетро, говорил Фома?

Пьетро

Какой Фома?

Болотников

Да этот... Кампанелла.

Пьетро

Ах, Кампанелла? Что настанет царство
Без слуг и королей.

Болотников

А кстати, Пьетро,
Слыхал я где-то, что какой-то чин
Из аглицкой земли писал о том же.

Пьетро

Да-да... Я тоже слышал, Джиованни.
«Утопией» его звалася книга,
А самого — Фомою Мором.

Удар ядра.

Тьфу!
Опять ядро. Per Bacco!

Болотников

Пало в реку.
И что же в этой книге?

Пьетро

Не читал.
Ведь я британской речью не владею,
Хотя, конечно, если бы я прожил
В Британии хоть месяц или два...

Болотников

Чудно, не правда ль, что мужи науки
И даже управления мужи
Забавкою ребячьей упивались?

Пьетро

Что делать! Все мечтают на земле.

Болотников

Да. Без того как будто не бывает.

Удар ядра.

Пьетро

O Sancta Virgo!

Болотников

Но, однако, Пьетро,
Не дивно ль и другое? Почему
Два человека, меж собою разных
По языку и роду ремесла —
Монах и чин, святой венецеанец
И Лунд-города хладный горожанин,
Охвачены единою мечтой?
Мечта ли это? Нет ли тут иного:
Предначертания судьбы народной,
Которую мы, смертные, не чуем,
Но чувствуют иные тайновидцы?

Удар ядра.

Пьетро

Опять упало в реку.

Болотников

Что?

Пьетро

Опять,
Я говорю, ядро упало в реку.

Болотников

Да-да. Но были же пророки церкви?
Так почему же, Пьетро, государство
Не может прорицателей иметь?

Пьетро

Я тоже думаю, что может.

Болотников

Может.
Ну-ну. Пиши-пиши. Я отойду.
(Отходит.)

Входят горожане.

Горожанин 1-й

Иван Исаич!

Болотников

Нуте?

Горожанин 1-й

Принимай.

Болотников

Чего принять?

Горожанин 2-й

Мы, Ваня, порешили,
Дабы тебе закладывать проломы,
Могильные каменья разобрать.

Болотников

Гм... Вот как? Что ж. Спасибо, горожане.

Горожанин 1-й

Давайте, братцы!

Болотников

Проноси на стены.

Люди проносят надгробные памятники, Болотников останавливает то одного, то другого и читает надписи.

«Под камнем сим почиет сном последним
Томило Вяз, шестидесяти лет».
«Под камнем сим — усопший Павел Сотник».
«Под сим курганом — Алексеев сын.
Не убивайся, матушка: воскресну!»
Да вам не жалко ли своих могил?
Ведь это все — родные имена,
А их развеют ядрами.

Горожанин 2-й

Что делать?
Хоть жалко мертвых, а живых жалчей.

Болотников

Спасибо вам, друзья.

Горожанин 1-й

Тебе спасибо.

Болотников
(задумчиво)

«Не убивайся, матушка: воскресну!»

Голос

Гей, людь!

Вавила

Опять взывают бирючи.

Голос

Покайтеся, покудова не поздно!

Вавила
(равнодушно)

Отчаливай.

Голос

Нас тута десять тысяч.
Да сам великой царь всея Руси.

Кузьма

Дал бог попа, а дьявол скомороха.
Поди-поди!

Болотников

Постой, Кузьма, не бей.
(Подымаясь на стену.)
Эй! Горлопан! Подкатывай сюда!
Боишься? Ничего тебе не будет.
(Ребята, не стреляй.) Поди скажи
Царю Василью, что-де вор Ивашка
И рад бы сдаться, да, вишь, населенье
Всем городом пришло его просить,
Чтоб до последней до кости рубился.
А ну-ко, населенье, покажись!

Пущенная бирючом стрела пробивает Болотникова. Он падает.

Любаша
(наклоняясь над Болотниковым)

Иванушка! Родимый! Что с тобою?
Да жив ли ты, царевич мой... Гишпанец,
Давай скорее пороху.

Пьетро

Зачем?

Любаша

Засыплем рану. Живо.

Пьетро

Этой пылью?

Любаша

Молчи, гишпанец. Делай, что велю.

Пьетро

Но он от этого умрет!

Любаша

Гишпанец!
Ну, ладно уж, душа из тебя вон!
Зимою льда у вас не допроситься!
(Вынимает пистолет, высыпает из полки порох на ладонь и натирает рану Болотникова.)
«От ножа, от железа,
От алого пореза
Летел ворон через гору.
Хочет ворон не ниткой-суровинкой
Шить-пошивать,
Кровавые раны заживлять...
Ты, мать-руда,
Жильная, телесная,
Остановись,
Назад воротись.
Как горе его воды не стало,
Так бы и тебя, мать-руда, не бывало.
Слово мое крепко».
(Встает. Обращается к горожанам.)
Вы, граждане, ступайте по домам!
К чему стоять под боем? Дома жены
Да детвора. Подите же, подите.

Горожанин 1-й

Да мы пойдем. Однако ты скажи:
Убит Иван Исаич али нету?

Любаша

Убит Иван Исаич али только
Подранетый — от этого мы Тулу
Царю-собаке не сдадим. Ступайте.
А вы, ребята, пешие стрельцы,
Наладьте стрелы у своих бойниц.
Все пушкари пущай стоят у пушек.
Ответим на Болотникову рану
Али смолчим, ребята, а?

Глеб

Ответим!

Любаша

Ну, господи благослови...
Огонь!

Залп.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

1607 год. 10 октября.
Лагерь царя у Тульской крепости.

Бирюч

Го! Люди! Гой! Прямите государю!

Голос

Проваливай.

Бирюч

Погибнете, казаки!
Винитеся, покудова не поздно!

Пауза.

Царь

А ты приметил, Татев, что они
Не больно нынче языкаты, ась?

Черкасский

Приметил, государь.

Царь

Бывало, прежде
По тяте и по маме огревали.
А каковы заплоты на реке?

Мстиславский

Вздымается река, Василь Иваныч.
У запада вода промыла башню.
Не нынче-завтра Тула поплывет.

Царь

Спасибо, Федор! Исполать, Иваныч!
Дай только посчитаться с кавалером,
С проклятиком-то, с беглым потурченцем —
Ужо тебе всю волость подарю.

Татев
(тихо)

Да, как же — он подарит!

Черкасский

Дарователь!

Царь

Вы что там шепчетесь?

Татев

Мы ничего.

Царь

Шепталися!

Татев

Да вот те крест!

Царь

Я слышал!

Татев

Да что ты, государь?

Черкасский

Господь с тобой!

Татев

Тебе почудилось.

Царь

Положим даже,
Что и не подарю. Одначе князю
Прелестно думать про царев подарок?
Пошто же вы лишаете, бояре,
Его приятства? Ась? Нехорошо.
Послушай, Татев, или как? Черкасской?
Не говори, не говори — я сам.
(Вспоминает.)
Ага: Черкасской. Погляди, голуба,
Ведут сюда кого аль показалось?

Черкасский

Ведут кого-то.

Царь

Нишь ты.

Петр

Видно, пленник

Татев

Нет, не похоже. Пленника тащат,
А этот ходит гоголем.

Царь

Скажи ты!

Мстиславский

Переговорщик.

Царь

А?

Входят Вавила *с* бирючом.

Вавила

Здорово, царь.

Царь

Отколе ты, родимая душа?

Вавила

Из Тулы, царь.

Царь

Как? Из самой из Тулы?

Вавила

Из Тулы.

Царь

Дело! Подойди, казак.
Скажи, казак, ты волей аль неволей
Противу нас, царя, заворовал?

Вавила

Как все мы, ну и я. По вольной воле.

Царь

Ага. Так-так. Ну, а пошто пришел?
Подмокли малость, а?

Вавила

Не в этом суть.

Петр

Подмокли.

Царь
(весело)

Я и говорю — подмокли.

Вавила
(Петру)

А, это ты, княжонок?

Петр

Но-но-но.

Вавила

Опять улепетнул от топора,
Проныр лукавый?

Петр

Плохо стережете.
Вот мы тебя постережем не так.

Вавила

Ну, нас еще раненько: мы послы.

Петр

«Посол»! Подумаешь, какая пава.
Да мы тебя, такого...

Царь

Помолчи!
Пошто распетушился, ась?

Петр

«Посол»...
Да мы вас, побродяжек-проходимцев...

Царь
(вдруг)

Кому я говорю — «молчи»! Крамольцы!
Еретики!! Все так и норовят
Вперед царя — хоть малость, хоть чуточек.
Вот я те покажу — вперед царя!
Поди-ка, сопли вытри!
(Вавиле.)
Ратный витязь!
Ответствуй нам, царю всея Руси,
Тверскому, Новгородскому, Псковскому,
Казанскому, Лапландскому и прочья,
Ответствуй, говорю я... Уф. Устал.
Как он меня, проклятик, растревожил!
Так ты... Про что, казак, мы говорили?
Ты от Ивашки?

Вавила

Нет, от мужиков.

Царь

Ага. А почему не от Ивашки?

Вавила

Иван Исаич сдаться не велит

Царь

А вы-то сдаться?

Вавила

Нет, и мы не сдаться.

Царь

Так с чем же ты пришел?

Вавила

Дык вот. Угодно
Казакам, мужикам и горожанам,
Чтоб нашему Ивану — живу быть.

Царь

Так. А не то?

Вавила

Не то, брат, все дома,
Что сохранились в Туле-городке,
Все шубы, утварь — всю твою добычу...

Царь

А шубы все собольи?

Вавила

Есть собольи.

Царь

А больше куньи?

Вавила

Всяки шубы есть.

Царь

А утварь как? Церковная?

Вавила

А как же?
Есть кованая, чканная, литая,
Из злата-серебра на семицветах.

Царь

На семицветах? Это я люблю.
Вы как, бояре? Стоит ли Ивашка
Мехов да семицветов, ась? Пожалуй,
Могу Ивашке даровать и жизнь.

Петр

А что, как он не согласится?

Царь

Верно.
А что, как он, казак, не согласится?

Мстиславский

Ну, ради них — Иван согласье даст.

Царь

Как — ради них?

Мстиславский

А так. Пообещай
Прощения казакам, а Ивану
Повольную на все четыре ветра —
И, может быть, договоримся.

Царь

Что ж?
Пытнем, пожалуй. Татев и Черкасской!
Немедля с бирючами подъезжай
Под ворота. Загомони в набаты.
Пообещай всего — и покори!

Татев

Все выполним, великий государь.

Идут.

Царь

Эй, Татев!

Черкасский, Татев
(вместе)

Я!

Царь

Постой! Да пет, иди.
Да нет, постой. Не обещай боярства!

Вавила
(смеясь)

А он и не попросит.

Царь

Ну, а вдруг?
Царево обещанье — что железо.
Ну-ну, иди-иди... Храни господь.
(Прохаживается.)
«Кумушки,
Вы голубушки,
Вы смотрите — не утайте,
Мое золотце отдайте...»

Ужели нынче всей войне конец?
Ужель Ивашка, всей беде заводчик,
Предстанет перед нашими очами?
«Уж я золото
Хороню-хороню,
Чисто серебро...»
Поехали, никак. Я слышу топот.
«Пал, пал перстень
В калину-малину,
В черную смородину...»
Вон бирючи заголосили. Нуте!
Опять замолкли.

Мстиславский

Снова голосят.

Петр

И снова стихли.

Царь

Как ты, а, Феодор?
К добру ли то?

Мстиславский

К добру, к добру.

Царь

Молчат!

Мстиславский

Да не молчат, Иваныч, а торгуют.

Царь

И то.

Мстиславский

Статьи-то надо обсудить?

Царь

Да-да... Того, и этого, и всяко.
«Гадай, гадай, девица,
Отгадай, прекрасная,
Через поле идучи,

Русу косу плетучи,
Шелком первиваючи,
Златом перплетаючи...»
Гляди-гляди: раскрылися ворота!
Владычица святая... Присnодева...
Да вот он, вот он...

М с т и с л а в с к и й

С бабочкой своею.

П е т р

Любашка это... Наша мужичиха.

Ц а р ь

А третий-то... Гишпанец! Ей-же-ей!
Гишпанец, а? Недаром же он Власья
Да с бородою... Вот где прояснились
Анафемские помыслы его!
Идут, идут... Идут сюда... Скорея!
Давайте сяду. Ты, Феодор, здеся,
А Петька станет с этой стороны.
Оправь-ка саблю. Да не этак. Вправо.
А лучше — обопрись па рукоять.
Ну-ну. Вот так. А брови-то содвинь.
Грозней, грозней. Стоишь при государе!
А ты бы тоже, сударь мой, Феодор,
Маленько приосанился-то, а?
Ты вроде канцлер — так гляди построже!
Ивашка в Веницеях побывал,
И в Польше был, и Льва Сапегу видел.
Негоже нам пред ним ударить в грязь!
Чевой-то я волнуюся... Ведь раб!
Не так ли, ась? Мужик! А я в волненье.

Входит Б о л о т н и к о в, рядом — Л ю б а ш а и П ь е т р о.
Впереди — Т а т е в, сзади — Ч е р к а с с к и й.

Т а т е в

Великий государь! Перед тобой
Иван Болотников склонил колена.
(Кладет перед ним саблю Ивана.)

Ц а р ь
(ласково)

А я, признаться, этого не вижу.

Татев
(тихо)

Ну, станешь, что ли?

Петр

На колени, раб!!

Болотников

Ты, государь, устами слуг своих
Мне обещал свободу. Так ли?

Царь

Верно.

Болотников

Зачем же этот человек позорит
Меня рабом, а ты молчишь?

Царь
(растерявшись)

Кто? Я?
Я не молчу. Я просто не поспел.
Петруша, не моги. Молчи да слушай.

Пауза.

Так, стало быть, ты вот он! Подойди.
А ты, Иван, совсем не дикой с виду.

Болотников

И ты, гляжу, не вовсе одичал.
(Смахни-ко с бороды, великий цезарь.)

Царь

А что?

Болотников

Да в ней запуталася моль.

Царь

Ах, моль? Ну, это не тово... Нестрашно.
Вот кабы, скажем, мушка али блошка.
А моль — к богачеству. Ну, как? Убил?

Пьетро

Убил!

Царь

А ты, беспутный богомаз,
С тобою мы сочтемся особливо.

Любаша

Ты и ему свободу обещал!
На том и сговор был. Ведь правда?

Татев

Правда.

Царь

В таком-то разе выведите гостя
На чисто поле, дайте подзатыльник —
И-де пущай бежит себе домой.

Болотников

Предупреди, великий государь,
Чтоб подзатыльник дали не секирой.

Пьетро
(Болотникову)

Когда б я думал, что пред вами гибель —
Клянусь тебе, родной мой Джиованни,
Я б умер вместе с вами. Но король
Сдержал свое монаршье обещанье —
И я спокоен. Правда, государь?

Царь

Храни тебя господь.

Любаша, Болотников
(вместе)

Прощай!

Пьетро

Adio!

(Уходит.)

Царь

А кто сия богатырица? Ась?

Болотников

Моя жена.

Петр

Дворовая моя.

Царь

Как звать тебя, красавица?

Любаша

Любава.

Царь

А хороша, Любава... Хороша...

Петр
(резко)

Великий царь! Теперь, когда крамола
Твоим святым мечом покорена —
Я притязаю на возврат того,
Что у меня уворовали.

Мстиславский

Петя!
Не след пока об этом говорить.

Петр

Я требую, великий государь,
Чтоб воротили крепостную девку,
Любашку, дочку моего Егора,
Из вотчины путивельской моей.

Царь
(подумав)

Ну что ж. Коли удастся — забирай.

Петр вынимает из ножен меч. Болотников хватает свою саблю, лежавшую у ног Шуйского, и молниеносно поражает Петра.

(Испуганно.)
О господи Исусе... Свят-свят-свят.
(Мрачно.)
Ну что ж. Отменно. Так тому и быть,
Чай, мы-де тоже рыцари, бояре!
Богатыря могущество пред нами

Имает, что ли, цену али — тьфу?
Эй, трубачи! Победоносцу слава!

Трубы играют. Слуги уносят труп Петра.

Болотников

Благодарю, великий государь.

Царь

Да не на чем... Хоть право было тамо,
Но ты-то — сила. И хоша в народе
Считается, что сила-де не право,
Но в бытии оно наоборот.
Не правда ли, Иван Исаич, ась?
Скажи, как филозо́ф.

Болотников

Да как сказать...
Тут главное она сама... Любаша...

Царь
(сердито)

Ну, это ты городишь чепуху.
При чем она-то? Здесь, брат, спор о праве,
А не о правде. Что такое «правда»?
Сложение шести каких-то букв,
Пустое извержение гортани.
А посему, дабы закончить спор,
Я говорю: Черкасской!

Черкасский

Я!

Царь

И Татев.
Схватите эту женку и отправьте
Во стольный град. При мне пущай живет.

Любаша бросается к Болотникову. Он обнимает ее.

Татев

Не будь безумен. Воля государя.
Он обещал вам жизнь, но не любовь.

Царь

Из трех бойцов — сильнейшим оказался
Хилой старик шестидесяти лет.
Хе-хе... Чудны дела твои, о боже.

Любаша

Прости, Ванюша, сокол мой... Прости...

Ее хотят увести.

(Рванулась назад.)

Еще взглянуть! В последний раз... Ванюша!!

Уводят.

Царь

Вот так же мы с тобой, Иван Исаич,
Боролися и за Московию.

Болотников
(глухо)

Верно.
Но только мы не доборолись.

Царь
(потешно)

Мамо!
Да как же это так — не доборолись?
Война-то кончена аль нету? Крепость
Упала али нет? Казаки — где?
А сам? Уж не меня ли полонили?

Болотников

Нет, государь. И крепость-то упала,
И в рассыплении мои казаки,
И сам я в полону, а вот война
Не кончена.

Царь
(ехидно)

Не кончена? Бояре!
Да поглядите вы на человечка:
На этакого стоит поглядеть!
Разбит, обезоружен, изничтожен,
А все надеется!

Болотников

Таким родился!

Царь

Надеется! А это видел? Шиш!
Ты будешь лютой смертию казнен.
Глаза тебе повыжгу до затылка,
А после в реку-то — под лед, под лед!

Болотников

Ну и под лед. Ну и помру. И что?
Одним крестьянином поменьше.

Царь

Только?

Болотников

Я кто, Василь Иваныч? Я пустяк.
Я человечек маленькой — всего лишь
Великий воевода черноты.
Но вот за этой чернотою — *правда!*
Та самая. Что из шести-то букв.
А в этой правде — и закон и сила.
Недаром, государь всея Руси,
При всем твоем могуществе державном —
Ведь ты меня боишься.

Царь
(вскипев)

Это я-то?
Да я тебя немедля же казню!

Болотников

Казнить казнишь, а все-таки боишься.

Входит гонец.

Гонец

Великий царь! Во Стародубе-граде
Недавним временем явился вор.

Царь

О, господи... Опять? Да кто таков?

Гонец

Димитрием зовет себя. Казаки
Так прямо и стекаются к нему.

На Тушино идут его полки.
А их ведет Болотников Ивашка.

Царь

Болотников? Ивашка? Да ведь вот он!

Гонец

Не знаю, государь. А только слышал,
Что их ведет Болотников.

Царь

О, боже...

Гонец

Еще сказали, будто сей Ивашка
Не человек...

Мстиславский

А кто?

Татев

А что ж?

Гонец

Призрáк!

Болотников

О, господи... Я брежу... Наважденье.

Царь

Призрáк! Да вы убить меня хотите!
Да как же это можно, чтоб призрáк?

Гонец

Перед полками — с боевой хоругвью
В доспехах, при мече и мушкетоне
Качается туманное пятно,
И коль сказать «Болотников» — оно
Оглядывается...
(Крестится.)

Царь

Ах ты, скотина!
Свинья ты этакая! Остолоп!
Ты сам, я чаю, веруешь в виденье?

Гонец

Да как же тут не верить, государь,
Коли оглядывается?

Царь

Растяпа!
Да ты-то зрел?

Гонец

Не зрел.

Царь

А веришь!

Гонец

Верю.

Царь

Да как же веришь, коли не видал?

Гонец

Я и царя не видывал — однако ж
Ты есть такой.

Болотников хохочет.

Царь

Ой, тошно мне, бояре...
Ой, князеньки мои, нехорошо!
(Гонцу.)
Ступай себе!
(Болотникову.)
А ты молчи! Хохочет...
Владычица святая! Присподева!
Я худа никому не замышляю.
Черкасской! Татев! Этого сошлите
Куда-нибудь на север.

Черкасский

В Ярославль?

Царь

На север, и подальше.

Татев

Во Владимир?

Царь
(вздыхая)

Во город Каргополь.

Черкасский

А там?

Татев
(тихо)

Казнить?

Пауза.

Царь
(вместо ответа)

«И преступихом, и не соблюдахом,
И не ходихом во законе божьем...»

Болотников

Дык как, Василь Иваныч, а? Война-то?
Не кончена, я говорю, война.

Царь
(рассеянно)

Не кончена.

Болотников

Уж вот он, мой двойник,
Опять ведет мятежные народы!
Ты не успел еще и насладиться
Моею смертью, а уже крестьяне
Сумели воскресить меня...

Татев
(подходя к нему с цепями)

Дай руки.

Болотников

Чего?

Черкасский

Дай руки.

Болотников

Руки? Что ж. Айда.
Хоть в Каргополь, хоть в прорубь — не беда.
(Протягивает руки.)

Татев и Черкасский возятся с цепью, оковывают запястья, потом ноги.

(Поет.)
«Эх, развейся ты, моя судьбина...
Растекися талою водой...
Вон поплыл туманною долиной
Чалый сокол, сокол молодой,
У него — заря на оперенье
И роса на папоротке крыл.
Он плывет в распахнутом паренье,
Словно душу небу пораскрыл».

Татев

Пошли.

Болотников

Пошли. Дык поклонись Любаше,
Иуда-государь. Скажи, что помню.

Уходят.

Голос Болотникова

«Сокол, сокол! Не веди разбою,
Не черкай на белых лебедей —
Закружи кругами над избою,
Над светелкой девушки моей...»

Царь
(прислушиваясь, вдруг снова начинает причитать)

«Призри со небесе и посети
С горы своей, о боже, виноград свой
И отврати прещение свое...»
(Снова прислушивается.)

Голос Болотникова
(удаляясь)

«Вскрикнет, всплещет... Опрокинет столик...
Заполощет, белая, в окне...
Сладко скажет милая: «Соколик!»
Загрустит и вспомнит обо мне».

Конец

1937

ОРЛА НА ПЛЕЧЕ НОСЯЩИЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бабек.
Пэрисад.
Баромид.
Шахсултан.
Муса.
Мансур.
Даудиях.
Сумбат.
Джамшид.
Сулейман.
Сакина.
Айшэ.
Гюльнара.
Геймят.
Афшин.
Джафар.
Аль-Бухари.
Шамси-Камар.
Мелик-Надир.
Хаджи-Ягья.
Разносчик, базарный вор, купец, юноша-воин, цирюльник, нищий, чайчи, караванщик, араб.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

IX век. Хижина в горах Азербайджана. Вечер. У очага, подкладывая в огонь сучья, сидит молодой пастух Бабек. Тихим голосом поет он песню, поглаживая ручного орла. Беззвучно приоткрывается дверь: на пороге золотистая девушка — Пэрисад. Остановилась... Слушает...

Бабек
(поет)

Ты не ной по горам, вода!
Опаленный ветер, остынь!
Будь безмолвнее, чем всегда,
Серебристая ночь пустынь...
Не качай оперением, тис,
Белый дым костра, опустись!
Не шурши, не свисти, змея,—
Чтобы слышалась песнь моя.

Орел тревожно издает картавую трель.
Бабек оглядывается — видит Пэрисад.

Пэрисад
(лукаво)

А что это пел ты?

Бабек
(угрюмо)

Не пел я ее.

Пэрисад

Пел. В этой песенке — сердце мое.

Бабек

Тсс... Ты что? Не знаешь? Дитя?
Ведь эта песня запрещена!
Арабы совсем не дадут житья
Тому, кто петь бы ее посмел...
Нет, я совсем другую пел:
Про ледяную пургу я пел.

Пэрисад

Ах, Бабек... Зачем говоришь?
Взгляни на меня: ты с кем говоришь?
Я ведь не шейх и не мулла.
Разве я выдать тебя могла?

Бабек

Прости меня, милая Пэрисад.
Сама понимаешь: в неволе мы.
Неверный шаг — и тебя поразят!
Разве поймешь, где друг, где враг?
Азербайджан теперь — как овраг,
Арабистан — что гора теперь.
Трудная очень пора теперь.

Пэрисад

Очень плохо ты это сказал!
А как же тогда Джавидан-аксакал? [1]
Не он ли нас подымает к борьбе?
Когда он летит на своей арбе,
Всюду арабы бегут пред ним.
Его вороное с белым джубэ [2]
Как чернорябый бургут [3] над ним.
Разве я не права? Говори!

Бабек
(нежно)

Ты очень права, золотая Пэри!
Слово твое я пью, как ручей.
Тайну одну я тебе скажу:
Нет для меня мечты горячей,
Чем Джавидану арапником быть,
Родину от арабов отбить...
Это — в сердце! Это — в мозгу!
Дышать без этого не могу!
Но только пока об этом забудь:
Говори о другом — другом мне будь.

Пэрисад

А где же мама твоя? Я к ней.

---

[1] Аксакал — буквально: «седая борода», в переносном смысле — формула уважения.
[2] Джубэ — плащ.
[3] Бургут — беркут.

Бабек

Сядь, посиди. Скоро придет.
Зажжем можжевельник, подбросим пней.
Дорогим гостем будешь у нас.
Молодость не забудешь у нас:
Час посидишь — уйдешь через час.

Пэрисад

Ой, нет!

Бабек

Почему же? Разве я зол?

Пэрисад

Пугает меня твой страшный орел.

Бабек
(смеясь)

Э, душа. Не бойся его:
Тебе он не сделает ничего.
Едва только тень ложится твоя,
От радости клохчет птица моя.

Пэрисад

Нет, Бабек... Берет меня страх:
Рано теперь темнеет в горах.

Бабек

Ах, Пэрисад! Бояться не смей!
Ну, я провожу тебя с песней моей.
Да вот и звезда на небе зажглась.

Пэрисад

Ах, Бабек... Я боюсь твоих глаз...

Бабек

О Пэрисад! Сладка твоя дрожь!
Моей лихорадкой тебе помогу...
Мать моя подарила мне грош.
Что на него я купить могу?
Купишь финик — в нем палочка есть;
Купишь персик — в нем косточка есть;
Белые семечки — шелуха...

Жаль его вынуть из кошелька.
Но вдруг мне подумалось: «Не горюй!
Отдашь его девочке за поцелуй...»
(Девочка есть такая одна:
Диким перцем пахнет она.)
Тот поцелуй при вечернем огне
(Да будет свидетелем Дух Костра)
Поделим, Пэри, с тобой наравне:
Половинка тебе — половинка мне.

Пэрисад

Ой, нет...

Бабек

Души ты моей бирюза...

Пэрисад

Нельзя, я сказала!

Бабек

Пэри!

Пэрисад

Идут!

Входит мать Бабека — старуха Баромид, неся вязанку можжевельника.

Баромид

Кто здесь? А! Это ты, Пэрисад?
Хорошо сделала, что пришла.
Иди, сынок, накорми осла.

Бабек

Иду.

Пэрисад

Я, ханум [1], вот тут принесла
Тот казан, что брала у вас.

Баромид

Казан? Ну что ж. Это в добрый час.
Без казана мы кушали дым —

[1] Ханум — госпожа.

Может, барана теперь поедим.

(Смеется. Затем замечает неподвижного Бабека.)

Опять без дела?

Бабек

(спохватившись)

Зерно я кручу!

(Начинает вращать мельницу.)

Баромид

Постой! Возьми с собою кувшин.
Осла накормишь — пойдешь к ручью.
Только, сынок, не разбей, смотри:
За бушеваньем зыбей смотри,
А то заглядишься... Раскроешь пасть...
Я тебя знаю, проклятый джинн!
Только и думаешь, как бы упасть!
Как ты смеешь разбить кувшин?
Зря посылаю к ручью тебя...
Дай-ка я проучу тебя!

Бабек привычно нагибается. Баромид стегнула его плетью. Он передернул плечом, рассмеялся и вышел. Старуха дергает за веревку — щеколда запирает дверь.

Пэрисад

Зачем же вы бьете его, ханум?

Баромид

А что?

Пэрисад

Ведь кувшин еще не разбит!

Баромид

Так рассуждает мой глупый ум:
Когда он успеет кувшин разбить,
Тогда его уже поздно бить.

Тишина. Баромид и Пэрисад разжигают очаг. Вдруг орел громко затявкал, и тут же постучали в дверь.

Голос 1-й

Откройте!

Баромид

Кто там?

Голос 2-й

Откройте, эй!

Баромид

А кто там?

Голос 3-й

Открой!

Баромид

Не кричи на меня!

Пэрисад

Должно быть, несчастье у этих людей...

Баромид
(ворча)

Несчастье, несчастье... А я сама?
Счастливая, что ли? Одна сума.
(Открывает дверь.)
Ну, что там такое случилось?

Входит Муса, за ним Мансур, Даудиях и Сумбат вносят умирающего Джавидана

Муса

Беда!

Мансур

Он умирает.

Даудиях

Скорей, скорей...

Сумбат
(властно)

Воды!

Баромид

Тише, тише... Будет вода...

Входит Шахсултан. Она уже немолода, но прекрасна: брови ее подобны черным соболям.

Пэрисад

Послушайте: это ж герой Джавидан!

Шахсултан

Да, милая девочка.

Пэрисад

Горе мне!

Шахсултан

Ты знала о нем? Но где же вода?

Пэрисад

Он ранен?

Шахсултан

Да-да...

Баромид

А вот и Бабек.

Давай скорее воду, Бабек.

Шахсултан оглянулась на вошедшего. Не обратив на нее внимания, Бабек подходит к Пэрисад.

Шахсултан

Это ваш сын?

Баромид

Ну ясно — не дочь.

Шахсултан

Бабек его имя?

Баромид
(ворчливо)

Бабек, Бабек...
Дверь закрой! На улице дождь!

Бабек
(тихо)

Слушай, Пэри... Не знаешь ли ты?
У нашей хижины — кони, щиты...
Чего им нужно от нищеты?

Пэрисад

Ах, Бабек. Умирает вождь.

Бабек

Как умирает?

Пэрисад

Он ранен... В грудь...

Баромид

Закрой же дверь, я сказала. Дождь!
Ноги мои пожалей, шайтан!

Бабек
(закрывая дверь)

Он умирает? Он? Джавидан?

Пэрисад
(становится на колени пред умирающим)

О Дух Огня, огради его!
Вынь эту боль из груди его...
Вырви дыхание из меня,
Вдохни в него снова душу огня.

Бабек
(к Шахсултан)

Кто ты ему такая?

Шахсултан

Жена.

Бабек

Плакать, однако же, ты должна,
Если слезы твои не снег.

Шахсултан

Плакать? Но слезы мои, как и смех,
Здесь неприличны. Уж если боец
В честной битве находит конец,
Значит, всего величавее он:
Умер с великою славою он.
В игре войны — нет выше очка.

Бабек

Не знаю... Но я... Я столько мечтал
У этого самого очага
Азербайджану ратником быть,

А Джавидану соратником быть,
Просто джигитом быть у него,
Даже убитым быть за него —
Ему отдать свое существо...

Ш а х с у л т а н
(спокойно, как о чем-то очень простом)

Отдай его мне!

Б а б е к

Но ты ведь не он.

Ш а х с у л т а н

Но, может быть, он — это то же, что я?!

Бабек смотрит на нее изумленно.

П э р и с а д

Он умирает!

Б а р о м и д
(качая головой)

Последний стон...

Б а б е к

Он умер!

Все бросаются к Джавидану.

Ш а х с у л т а н

Начальников всех знамен
Сейчас же, Муса, привести ко мне.

М у с а

Все уже здесь.

Ш а х с у л т а н

Так пусть войдут.

Хижина быстро наполняется в о и н а м и.

М у с а

Стоящие в боевой броне,
Выньте мечи и станьте вот тут.

Воины становятся караулом у тела вождя.

Шахсултан

Воины! Оповещаю вас:
Камень в полбатмана мой
Три четвертых весит сейчас [1].
Очень малая сила я...
Руку свою закусила я!
Вот перед вами — труп вождя!

Воины

— Горе нам!
— Беда!
— Черный год!
— Я видел: его поразила праща...
— Что делать будет Азербайджан?
— Его не забудет Азербайджан!
— Сироты мы!
— Черный год набежал.

Пэрисад рыдает. Слышны вздохи и шепот мужчин. Шахсултан стоит с сухими глазами и сжатым ртом, не сводя взора с Бабека.

Муса

Однако, воины, шлем войны
Еще не повешен нами на гвоздь.
Вождя, друзья, мы выбрать должны.
И должен быть этот новый вождь
Бодрей орла в молодой орде,
Мудрей, чем мулла в седой бороде.
Кто ж человек этот? Кто он и где?

Голос

Муса!

Муса

О нет: я болезнью объят:
Сила моя от меня бежит.

Голос

Сумбат?

Муса

Не очень силен Сумбат.

---

[1] Народное выражение печали.

Голос

Джамшид?

Муса

Не очень смышлен Джамшид.

Голос

Дауд?

Муса

С ветерком жена у него:
Влиять, пожалуй, должна на него.

Баромид

Что ж? Неужели нет никого?

Молчание.

Шахсултан

Воины! Наш великий герой,
Свой дух испуская на этих руках,
Поставил вождем над этой горой,
Над замком Аль-Бадд, над войском его —
Меня!

Сумбат

Ого...

Мансур

Те-бя?

Шахсултан

Меня!

Муса

Ну что ж. Конечно. Они родня.
Одна кошма. Один дымок.
Он мог завещать тебе замок Аль-Бадд.
Но... войско тебе завещать не мог.

Шахсултан

Вот как? Но разве из слабых я?
Свинчатка-биток среди бабок я!
С детства с мальчиками росла.

Как у мужчины — моя стрела!
Чем вас пугает моя коса?

Муса

Тем, что женщина ты, краса.
Как воина, чту я, мой друг, тебя,—
Но очень боюсь, что будут, ханум,
Собачьи свадьбы вокруг тебя.

Шахсултан

Но он завещал мне мужа, Муса.

Воины

— Мужа?
— Слышали?
— Но кого?

Шахсултан

Великий вождь, указав на того,
Сказал: «Супругой при этом быть!»

Она указала на Бабека. Бабек вздрогнул... Все ошеломлены.

Как нам с таким заветом быть?

Мансур

Откуда же вождь его знал?

Сумбат

Стой!
Не верю я этому!

Баромид
(срываясь)

Ах ты, джинн!
Башка твоя пусть станет седой!
Чурек ты простой! Орех ты пустой!
Не верит он, а? Не верит! Кому?
Мертвому! Мертвому самому!

Голоса

— Однако же мы не знаем его!
— Кто он такой?
— Где его родство?
— Муж — это меч, жена — ножны;
Муж всегда важнее жены:

Он будет властвовать надо всем.
Но кто он такой?
— Мальчик совсем!

Баромид
(мягко)

Воины! Свет вы моей души!
Помните! В сказках наших была
Птица власти — «Девлет куши».
Бабушки вам говорили о ней...
Если где искали царей —
Птицу ту выпускали скорей.
Что было — то и случится, друзья:
Вот эта самая птица, друзья!
(Указывает на Шахсултан.)

Бабек
(вспыхнув)

Мать моя!

Баромид

Тихо...

Бабек

Чайка моя!

Баромид

Кыш! А где тут нагайка моя?
Вот я тебя сейчас проучу...

Бабек

Уйди, ана-джан... [1]

Баромид

Замолчи!

Бабек

Уйди!
Воины! Горечь в моей груди...
Слова не вымолвил Джавидан.
Врет моя мать. И эта врет.
Слова не вымолвил Джавидан.

---

[1] Ана-джан — милая мать.

Мне и вождение не по плечу.
Кто я такой? Всего пастух.
Слова не вымолвил Джавидан:
Молча горел. Молча потух.

Баромид
(бросаясь к нему)

Ой, сыночек! Маленький мой!
Пусть белый свет мне станет тюрьмой...
Очень слова твои хороши.
Похорошела я с этих пор.
Ниточку выдерну из души —
Эти твои слова завяжу,
Песню соловья затвержу.
Ах, Муса! Ты не можешь понять:
Мать черна, но счастлива мать,
Что ее сын — это белый снег!

Муса

Эй, джигиты! Сказать ли за всех?

Голос

Скажи, Муса! Ты умнее всех!

Муса

Что в горах зеленее всего?

Голоса

— Трава?
— Карагач?
— Золотая руда?

Муса

Нет! Зеленее всего вода:
Где вода пробежала, там
Зелень высунет жало там.

Голоса

— Верно, Муса!
— Спасибо тебе.

Муса

А что нужнее всего в борьбе?

Голоса

— Конь!
— Лук!
— Серебро палаша!

Муса

Нет. Важнее всего — душа.
Где душа обнаружена — там
Будет конь, и оружие там.
Есть ли душа у мальчика?

Голос

Есть!

Муса

Что же еще душе предпочесть?

Сумбат

Постой!

Муса

А теперь я вот что сказал:
Много народу живет на полях,
Много народу живет среди скал.
В этом народе немало таких,
Кто мог бы возглавить джигитов лихих,
Только... случая нет у них.
У этого мальчика случай есть.
Но если кто и получше есть,
Пусть докажет силу свою,
Победивши его в бою.

Голоса

— Верно, Муса!
— Истинно, друг!

Муса

Эй, джигиты! Сделайте круг!
Поглядим, какой он в борьбе.
Ну, выбирай силача по себе.

Молчание.

Бабек

Кто эти люди?

Муса

Все из дворца.

Бабек

Азербайджанцы?

Муса

А кто же еще?

Бабек
(помолчав)

Нет среди них для меня борца.

Голоса

— Ишь ты какой!
— Скажите, какой!
— Может быть, всех нас левой рукой
Возмечтал поразить Бабек?
Свистом одним обратить нас в бег?

Смех.

Бабек
(смущенно)

Что вы! Где мне бороться уметь?
Я чабан. Простой чабан.
Встретился мне на дороге медведь —
Разве я спрашивал: кто кого?
В пропасть махнул я грубо его!
(Вот — на мне еще зубы его.)
Встретился беркут мне у гнезда —
Разве я спрашивал: кто кого?
Моя расправа была проста:
Сбил я ударом локтя его!
(Вот — на мне еще когти его.)
Нет... Балова́ться я не учен.
Слишком весомы кости мои.
Но разве могу нанести урон
Вам, дорогие гости мои,
Если ты, или тот, или он
Нужны стране моей для войны?
Значит, хоть нет за мною вины,
Хоть, может, в бою мы будем равны,—

Считай, Муса, что я побежден:
Не трону джигита моей страны.
(Кланяется им до земли и уходит из круга.)

Джигиты переглядываются.
Бабек нравится им все больше и больше.

М у с а
(мягко улыбаясь)

Ну? Какой будет наш ответ?
Считать ли его побежденным?

Г о л о с а

Нет!

Ш а х с у л т а н

К тому ж говорят про его дела
Зубы медведя и когти орла.

М у с а

Верно, ханум. Но душа и мощь —
Это еще не все для вождя.
Находчивостью отличается вождь.
Вожди видали и черные дни,
Но — духом барсы — умели они
Лисицею выползти из западни.
Так пусть же покажет сметку свою
Тот, кто мощь показал в бою.

Г о л о с а

— Верно, Муса!
— Истинно, друг!

М у с а

Вот я загадку ему задаю:
Пусть одного из наших волчат
Арабы в башне своей заточат.
Хватился веревки — веревки нет.
Как ему выйти на белый свет?

Молчание.

Б а б е к
(улыбнувшись)

Слышите голос мой молодой?
Девушки утром пойдут за водой.

Песня моя слетит горячо,
Сядет какой-нибудь на плечо.
Скажет ей: «Золотая моя!
Ты отыщи одного муравья...
Паутинку к нему привяжи,
К той паутинке, если добра,
Волос косы твоей подвяжи,
Голос-басок, если есть домбра;
Только тогда, золотая моя,
Ты и пусти по стене муравья!
Муравей по стене ползет,
Паутинка волос везет,
Волоска шелковистая нить
Тянет тоненькую струну,
Струнка же может соединить
С длинной веревкою».

Сумбат

Ну?

Бабек

Ну-ну!

Муса
(усмехаясь)

Друг! Ты читаешь в самой судьбе.
Но как же провидят твои глаза,
Что муравей поползет к тебе?

Бабек

Но это же очень просто, Муса:
Медом, что в этой тыкве течет,
Смажу я пальцы ладони моей,
Тот муравей почувствует мед —
В руку придет ко мне тот муравей.

Даудиях

Да это ж мудрец!

Мансур

Он разумней муллы,

Сумбат

А можешь ли сшить халат из скалы?

Бабек
(улыбаясь)

Можно. Задача твоя не тяжка.
Песчаные нитки дай для стежка.

Сумбат

Но из песка ведь ниток не вьют!

Бабек

А разве из скал халаты шьют?

Смех.

Голоса

— Ай да Бабек!
— Истинно, друг!
— Выпей вина из воинских чаш!

Муса

Так пусть же он будет водитель наш...
(К Шахсултан.)
И по желанию — твой супруг.

Пэрисад с легким стоном убегает.

Хоть ты соврала, Шахсултан-бала [1],
Спасибо тебе! Хорошо соврала.

Шахсултан
(злобно)

Эй, седовласый! Что говоришь?
От хитрости ты становишься рыж.
Ваш водитель не он, а я!
Я разрешу и мир и войну.
А этого просто беру в мужья,
Как вы, мужчины, берете жену.
(Подходит к Бабеку.)
Юный Бабек мой! Моя любовь!
Нравится ли тебе моя бровь?
Певцы Арана воспели ее,
Сравнивая с пиявкой, Бабек.
А как ты находишь движенье мое,
Плавное, словно теченье реки?

[1] Бала — дитя.

Как лебедя путь — мановенье руки,
Дыханье мое — как розовый сад.

Бабек
(озираясь)

А где же... Постой ты! Где Пэрисад?

Орел издает картавую трель.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Крепость Аль-Бэдд. Площадь перед дворцом, украшенная зеркалами, коврами, знаменами и заполненная народом. На крыльце — Шахсултан. Рядом — Бабек, Муса, Баромид.

Шахсултан

Люди собрания! Вот Бабек.
В мужья мне его завещал Джавидан.
Видел он Майтюбэ и Казбек,
Но дым этих крыш — это дым его!
Хотите такого?

Старик
(вежливо)

Хотим его.

Голоса

— Но что нам Казбек?
— Что Майтюбэ?
— Пусть расскажет нам о себе.

Бабек
(тихо)

Я знаю, люди, что многим седым
Ближе близкого этот дым.
Меня он окутал с первого дня,—
Верно про это сказала ханум.
Но есть у нас и повыше родня.

Муса

Эй, киши! [1] Ты что говоришь?
Что может быть выше, чем дым этих крыш?

---

[1] Киши — мальчик.

Бабек

Выше то — что сверху, Муса.
Вот оно.

Муса

Что это?

Бабек
(подымая на плечо орла)

Беркут, Муса.
Сидя дома у дыма куги,
Видел я в небе его круги;
Кизяком разжигая очаг,
Думал я о его очах...
Видели вы, когда в зорях он
Волка гонит перед собой?
Как наша родина, зорок он,
Как наш джигит, налетает в бой,

В толпе волнение.

Эй, старики! Вы берите дым,—
Беркут же нужен нам, молодым!

Муса
(умиленно)

Верно, краса!

Толпа

— Молодец!
— Охек!

Шахсултан

Люди собрания! Это Бабек!
Хотите такого?

Толпа

Хотим! Хотим!

Шахсултан
(вдохновенно)

Покрасьте же гриву его коня
Красною хорасанскою хной!
Пусть на веселых копытах, звеня,

Вьются розовые венцы,
Бьются бронзовые бубенцы!
Пусть вокруг него и за ним
Перекликаются жеребцы!

Отныне время откроется вам
Не по заре и пению птиц,
Не по арабским песочным часам,
А по его трубе боевой.
По тяжкой, скажу я, тропе боевой
Будем путь прокладывать свой.
Так. А теперь, чтобы в замке Аль-Бадц
Меж населения дружба была,
Пусть, когда трубы мои протрубят,
Люди сюда свое горе несут.
Здесь мы будем вершить свой суд.

Трубы трубят.

Муса

Итак, подходите!

Подходят хромой нищий и чайчи.

Нищий

О Шахсултан!
Очень великий ум тебе дан.
Иду по базару, смотрю — шашлык.
От шашлыка я давно отвык,
Но этот шипит и пускает сок...
Э! Достаю я хлеба кусок,
Чуть-чуть подержал над паром его
И съел, конечно, задаром его.
Прав ли я?

Чайчи

Он не прав, Шахсултан,
Очень великий ум тебе дан.
Я — чайчи. Шашлык этот мой.
Пусть он заплатит, проклятый хромой.

Нищий

За что же платить? Я шашлык не ел.

Чайчи

Но ты над паром сидел?

Нищий

Сидел.

Чайчи

Нюхал?

Нищий

Нюхал.

Чайчи

А запах что?
Четыре дирхема плати за то.

Нищий

Четыре дирхема? Средь бела дня?!

Шахсултан

Дело ясное для меня.
Четыре дирхема много, чайчи:
Половину с него получи.

Чайчи

Мало!

Шахсултан

Бедный он человек.

Нищий

Два дирхема? За свой же чурек?

В толпе ропот сочувствия.

Бабек
(нищему)

Дай свои два дирхема.

Нищий

Но он...

Бабек

Дай сюда!

Вздыхая, нищий достает черную медь и бросает ее на ладонь Бабеку. Бабек звенит деньгами перед самым носом чайчи.

Слыхал этот звон?

Чайчи

Слыхал.

Бабек

Ну, и все!
(Нищему.)
Забирай свою медь.
А ты, чайчи, запомни впредь:
За пар от еды кто деньги берет,
Звон от монет получает тот.

В толпе гул одобрения.

Муса

Еще подходите!

К крыльцу подходят Сумбат и старуха Сакина.

Сумбат

О Шахсултан!
Очень великий ум тебе дан.
Вот старуха. Пряха она.
Порядочная неряха она.
Шерсть я ей дал. (Соткать ковер!)
И вдруг, понимаешь, залез к ней вор.
Шерсти, конечно, пропал и след.
Должна она мне вернуть или нет?

Шахсултан

Должна, конечно.

Сакина

Конечно, должна.
Но как верну? Я на свете одна.
Не каждый день пожую и чурек.
Как я верну ему, джан Бабек?

Бабек

Как же вернет она, а?

Сумбат

Ну да:
В том-то и дело, что никогда.
Пускай, однако, за это тут
С нее хотя бы ногти сорвут.

Баромид

Ногти? У старой? Ах ты, змея!

Шахсултан

Дело ясное для меня.
Что об этом закон говорит?
«Взятое — выдаче подлежит».
Поэтому, как нам ни жалко, но...
Придется, старуха, отдать руно.

Толпа

— А где ж ей достать?
— Руно не вода!
— Она не достанет его никогда.
Это совсем не то что трава!

Бабек

Тшш... Шахсултан, конечно, права!
Так же учила меня моя мать:
Раз ты взял, то должен отдать.
(К Сумбату.)
Шерсть она тебе, друг, вернет.
Только, конечно, не вдруг вернет.

Сумбат

Не важно когда, а важно шерсть.

Бабек

Есть ли, хатун [1], у вас хижина?

Сакина

Есть.

Бабек

Так вот. Обнесите этот свой дом
Самым простым колючим кустом.
Мимо, возможно, стада пройдут,
Бока об колючки всегда обдерут.
А вы этот пух собирайте, хатун,
Но уж теперь запирайте, хатун.

Сумбат

Но это же будет через года!

[1] Хатун — женщина.

Бабек

Важно шерсть — не важно когда.

Хохот. Народ приветствует Бабека.

(Тихо, старухе.)
Хатун! Не знаешь ли, где Пэрисад?

Сакина

Не знаю такой.

Бабек

Закутана в шаль...
А?

Сакина

Не знаю.

Бабек

Бурнус полосат...
На ножке — обруч...

Сакина

Не знаю.

Бабек
(вздохнув)

Жаль.

Муса

Дальше кто?

Даудиях тащит к крыльцу каравангщика, который, однако, и не думает упираться. За ним идет Айшэ, жена Даудияха.

Даудиях

О мудрый Бабек!
Да будет счастлив твой род вовек!

Шахсултан

Ты что, Дауд? Ты где? На луне?

Даудиях

А что?

Шахсултан

Обращаться надо ко мне!

Даудиях

О луноликая Шахсултан!
Очень великий ум тебе дан...
Была одна женка. Муж один был.
Одну эту женку один муж любил.
И вот из-за моря он ей прислал
Один драгоценный камень — лал.
Прислал я камень через него,
И он говорит, что отдал его...

Айшэ

Не отдавал он!

Караванщик

Ты врешь, Айшэ!

Айшэ

Молчи! Паук у тебя в душе!

Даудиях

Вот караванщик мой. Вот жена.
Кто ж виноват? Неужели она?

Толпа зашумела.

Шахсултан

Скажи, караванщик: ты помнишь вполне,
Что отдал камень его жене?

Караванщик

Клянусь Савелян-горою, ханум!

Шахсултан

Свидетели есть?

Караванщик

Целых трое, ханум.

Шахсултан

Но где же они?

Караванщик

Свидетели, эй!

Из толпы выступают трое мужчин.

Шахсултан

Вы были при том, когда этот ей
Отдал камень Дауда?

Первый

Ну да.

Второй

А как же?

Третий

Конечно! Как раз тогда
Мы шли втроем в караван-сарай,
И я сказал: «Айшэ, не теряй!»

Айшэ

Врешь ты все!

Третий

Но-но-но...

Айшэ

Это ложь!
Не было их! Ты, ханум, разберёшь!
Ты не допустишь...

Дауднях

Ханум, рассуди!
Боль, как яд, у меня в груди...
Жаль мне камня, а женки сильней:
Очень хочу я поверить ей.

Шахсултан

Бедный Дауд мой... Бедняжка Айшэ,
Мне и самой это тяжко, Айшэ.
Но как в твою пользу дело повесть,
Когда у него свидетели есть?
Ведь как-никак, а суд — это суд.
Сам Соломон растерялся бы тут.

Толпа застыла.

Бабек

Ханум! Я, конечно, не Соломон...

Толпа

— Охек, Бабек!
— Пусть рассудит он!
Ум его — семицветный алмаз.
— Суди!

Айшэ
(плача)

Бабек! Заступись за нас...

Бабек

Вот что. Уши зажмите им!
Поговорю сначала с одним.

Толпа бросается к свидетелям и закрывает им уши, за исключением первого, который стоит перед Бабеком.

Ты этот камень видал?

Первый

Видал.

Бабек

Какой же цвет имел этот лал?

Первый

Синий.

Бабек

Синий. Так. А размер?

Первый

Не помню.

Бабек

А все-таки! Например!
Такой? Или, может, такой?

Первый
(неуверенно)

Такой.

Бабек

Хо-ро-шо. Подходи другой.

Второй свидетель подходит к Бабеку.

Какой расцветки тот камень был?

Второй

Желтой.

Бабек

Желтой?

Второй

Как пламень был.

Бабек

Ну, а размер?

Второй

Да с пол-огурца.

Бабек

Давайте третьего молодца!

Третий свидетель становится перед Бабеком.

Какой этот камень цвет имел?

Третий
(бойко)

Черный.

Бабек

А может быть, белый?

Третий
(обрадованно)

Как мел!

Белый, как сама белизна!

Смех.

Правда, я был тогда со сна...

Хохот.

Бабек

Ну, а размер?

Третий

С кулак!

Бабек

(изумленно)

С кулак?

Третий

С детский, понятно.

Бабек

Ага. Ну, так.
Дауд! Какой же он был, этот лал?

Даудиях

Лал этот был, как зарево, ал.
Размер же с бусинку — как четки-тезбек.

Бабек

(тройке)

Слыхали?

Первый

Прости нас, великий Бабек!

Второй

Прости нас, Бабек!

Третий

Бабек, прости...

Падают перед ним на колени.

Бабек

Под арабские выставить их пращи!

Толпа

— Вот это судья!
— Вот он — человек!
— Как его имя? Бабек?
— Бабек.

— Юн, а какая сила в душе!
— А Шахсултан осудила уже...
— Но что ей бедность? Ее родня
От спеси уже не слезает с коня.

Муса

Дальше кто?

К крыльцу подходят торговец плащами и юноша-воин, лицо которого покрыто забралом.

Купец

О Шахсултан,
Очень великий ум тебе дан.
Я купец. Состоит мой товар
Из всяких чапанов, джубэ, шаровар.
Понятно каждому: деньги есть —
Можешь любой товар приобресть.
Денег нет — проходи, не стой.
А этот вот юнец холостой
Подходит себе, выбирает джубэ
И, не заплативши, уходит себе.

Шахсултан

А ты что скажешь?

Юноша

О Шахсултан!
Вчера я напал на арабский стан,
Но стрелы их до того горячи,
Что я остался без епанчи.

Купец

А мне что за дело? Вот глупец!

Юноша

Но я же тебя защищаю, купец.

Купец

Врешь ты! Ваш разбойничий стан
Не нас защищает, а крестьян!

Юноша

Крестьяне — первые в нашей борьбе.

Купец

Джубэ отдавай! Отдавай джубэ!

Бабек

Юноша! Голос твой молодой
Напоминает мне золотой.
А золотой бы напомнил блеск
Жарких кос одной Пэрисад,
Этот солнечный арабеск,
Это солнечное литье,
Да будут на мне все печали ее...
Кстати: вы не встречали ее?

Купец и юноша

Нет.

Бабек
(юноше)

Но запах одежды твоей
Дикий перец напомнил мне,
А это совсем аромат кудрей
Бедной девушки Пэрисад.
Медный облик ее и взгляд
В твоих очах отражен, кишй,
Не милый ли ты ее, а? Скажи!

Юноша

Нет... О нет!

Бабек

А скажи мне, джигит:
Зачем боевым забралом покрыт?
Зачем скрываешь свой лунный лик
Передо мной, оскорбляя меня?
Разве, если б ты был велик,
И я бы в забрале взошел на крыльцо?

Юноша

Арабы забрали меня в кольцо
И огненной паклей сожгли лицо.

Бабек

Ага. А скажи мне, юный джигит:
Как твое имя в подлунной звучит?

Юноша

Имя мое «Белый Барс».

Бабек

Пусть так.
Но это — прозвище. А в роду?

Юноша

Род мой, Бабек, это так... Пустяк...
Не осветит он моей головы.
А имя мое не придаст молвы
Тому, что известно о нем, увы.

Купец

Ханум! Я спешу! Присуди мне джубэ.
Сколько раз говорить тебе?

Баромид

Но он же *тебя* защищает, купец!

Купец

Не нужно мне этой защиты, ханум!
Имею я право хотеть, наконец,
Чтобы меня защищали те,
Кто думает о моей полноте?

Шахсултан
(печально)

Ты прав, купец. И джубэ твое.
Не думаем о полноте мы твоей.
(Белому Барсу.)
Отдай джубэ.

Бабек

Но возьми мое!
Оно в рубцах. Чернопего от ран.
И хоть уж не пахнет так, как джейран,—
В нем запахи трав отдаленных стран.
Возьми!

Юноша

О Бабек! Ни холод, ни жар
Меня не страшат. Я джигит коренной.
Но я потому приму этот дар,
Чтоб твой аромат был всегда со мной.

Бабек торжественно снимает с себя джубэ и надевает его на юношу, который так же торжественно возвращает джубэ купцу. Вдруг из переулков и с крыш выбегают и скатываются мальчишки, женщины и старики.

Крики

— Арабы идут!
— Арабы идут!
— Бегите!
— Арабы!
— О, горе нам!
— Они под стенами!
— Кончайте суд!
— Они на зубцах!
— Нет, выше они:
На самой высокой крыше они!
— Как мыши они... Как мыши они...

Муса

Зачем шумите? Проказа на вас!
Никто не пойдет без приказа на вас.
А если бы был такой приказ,
Лазутчик давно бы уведомил нас.
Арабы шумят? Но шум — это дым.
А дым — это, жители, только тень.
Дыбя тень поворотам крутым,
Не перескочишь через плетень,
Ибо торчит палисадник еще.
Дыбящий тень не всадник еще:
В пустоте его дымчатый бег...

Крики

— Довольно, Муса!
— Пусть скажет Бабек!
— Бабек! Скажи хоть слово друзьям...

Сумбат
(ехидно)

Заставьте речь его говорить!

Бабек

Много нечего говорить.
Каждый все понимает сам:
Время сраженью и бою час —
Азербайджан призывает нас!
Эй, джигиты!

Воины

Э-гей!

Бабек

Коня!

Ему подводят коня. Он вскакивает на седло.

(Матери.)
Ана-джан! Обними меня...

Баромид

Мальчик мой! Я тоже с тобой!

Бабек

Мама! Это не кухня — бой.
Чем ты поможешь бою кипеть?

Баромид

Мальчик... Я буду громко петь.

Бабек

Ой, моя маленькая... Моя мать...
Жертвой мне за тебя бы стать [1].
Эй! Повезти ханум на арбе!
Где джубэ?

Озирается — видит купца. С маху срывает с него только что возвращенное по суду джубэ и набрасывает на мать.

Надевай джубэ!
Джигиты, за мной! Вперед! На врага!

Воины
(произнося боевой клич)
Урага!

---

[1] Народное выражение преданности.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Горный пейзаж над долиной в окрестностях Дарвага. Утесы, обрывы, пропасти. Над ущельем — огромный рыжий валун в железистых подтеках. На нем тонкая, как струйка дыма, чинара. Через лужайку пробегает разбитый отряд арабской пехоты. За ним, «на плечах», бабекиты. Арабский начальник в походной одежде, но с зеленой чалмой на голове, пытается скатиться в низину, но тут врываются Бабек, Джамшид, Даудиях, Муса, Сулейман и Шахсултан. Араб забирается в расселину валуна.

Бабек

Джамшид! Гони их за берега,
Как беркут, насевший на бирюка!
Оглядываться не давай, Джамшид!

Джамшид

Джигиты, за мной — на врага!

Воины

На врага!

Исчезают.

Бабек
(увидя плащ араба, торчащий из каменной щели)

Эге... А это что за джигит?

Воины

— Араб?
— Араб!

Бабек

Эй ты! Оробел?

Даудиях

Смотри: на глазах становится бел!

Муса

Совсем притупился коготь его.

Даудиях

А ну, выходи!

Бабек

Не трогать его!

Даудиях

Да он, наверно, к штанам прилип.

Смех.

Бабек

Ах, какой ты, Даудиях!
(Арабу.)
Цып-цып, обожаемый... Цып-цып-цып...
(Поддевает его саблей.)
Видишь, Дауд? Так-так... вот-вот...
На ласку даже цыпленок идет.

Араб застенчиво вылезает из щели.

(Резко.)
Саблю!

Араб вытаскивает из ножен клинок и кладет перед Бабеком.

Имя?

Араб молчит.

Ну? Говори!

Молчание.

В пропасть его!

Араб

Бухари! Бухари!

Бабек

Сан?

Араб

Начальник сотни.

Бабек

Ах, так?
Но если неправду ты говоришь,
То правду скажет этот тесак.
(Разглядывает саблю.)
Какая вода! Какое литье!..
Не наших узоров это витье.
И нет у нас ковачей таких,
Чтоб лить струю из металлов тугих.

Значит — ты не отбил ее!
Значит, хаджи,— твоя эта сталь!
Значит, если ты Бухари,
То с прибавленьем приставки «Аль».
Значит — ты шейх!

Араб

О нет!

Бабек

А тесак —
Вылит в городе Мехрджанкадак.

Араб

Ну, хорошо. Допустим. И что ж?

Бабек

А то, что Джангер, ваш сталевар,
Только за то, чтобы выковать нож,
Даже с нищих берет динар.
Сколько же может стоить, хаджи,
Этот твой полумесяц? Скажи!
Молчишь? По-моему — триста!

Сулейман

Алла!

Бабек

Значит, не сотне начальник ты,
А, думаем мы,— начальник крыла!

Муса
(тихо)

Бабек! Но, если такая он знать,
Значит, можно его обменять!

Бабек

Тсс... Мне другая мысль пришла...

Воин
(вбегая)

Ханум! Где ханум?

Ш а х с у л т а н

Я здесь.

В о и н

Западня!
Арабы в тыл по ущелью текут.
Они очень скоро появятся тут...

Ш а х с у л т а н

Скоро? Когда? На закате дня?

В о и н

Раньше, раньше!

Ш а х с у л т а н

Дауд — вперед!
Перейдешь эту речку вброд,
Войдешь в ущелье — и дашь бой.

Д а у д и я х

Джигиты, айда!

Б а б е к

Не надо! Отбой!

Ш а х с у л т а н
(вспыхнув)

Однако, Дауд, я сказала: вперед!

Д а у д и я х

Джигиты...

Б а б е к

Дауд! Пожалей народ.
Побереги дорогих коней.
Видишь валун: он еле висит,
Зато у входа в ущелье висит.

М у с а

Постой, Бабек... Ничего не пойму:
Что нам за польза спускать валун?
В ущельях скачут по одному.
Не очень многих он перебьет.

Шахсултан

Верно!

Бабек

Неверно! Важен брод:
Если обрушим этот гранит —
Ход из ущелья будет закрыт.
Тогда им нужно вернуться назад,
А там уж одна из наших засад.

Шахсултан

Но я уже слышу конский топ!

Муса

Мы не успеем!

Даудиях

Они уже здесь!

Бабек

Эй, Сулейман! Скорее подкоп.

Сулейман растерянно смотрит на Шахсултан.

Ну! Я кому говорю! Скорей!

Сулейман бросается к валуну.

Даудиях

А я?

Бабек

Ты с конницею своей
Устрой засаду с той стороны.
Там водопад. Сквозь его быстрины
Они по пятеркам выйдут туда,—
И ты их побьешь почти без труда.

Муса

Что ж... Это правда!

Даудиях

Джигиты! Айда!

Даудиях уходит. Бабек вдруг поворачивается к арабу и глядит на него тонко и пронзительно, как его беркут.

Б а б е к

Слушай! В ущелье твои войска.
Их бытие — это тень волоска.
Нет у них из-под сабли пути.
Но ты, араб... ты их можешь спасти.
Хочешь, а?

А л ь - Б у х а р и

Хочу. Говори.

Б а б е к

Если ты крикнешь,— внизу главари
Конницу уведут, Бухари,
Мои не успеют примчаться туда.

А л ь - Б у х а р и
(угрюмо)

Но ты ведь за это убьешь меня?

Б а б е к

Да.

А л ь - Б у х а р и
(хрипло)

Кричать не умею...

Б а б е к

Надо суметь!
Зато какая великая смерть...
Арабы тебя объявят святым!
А?

Ш а х с у л т а н
(тихо)

Зачем издеваться над ним?

Б а б е к

Я знаю, что делаю.

Ш а х с у л т а н

Но...

Б а б е к

Молчи.
(К Аль-Бухари.)

Не хочешь? Ну-ну.
(К своим.)
Подводите мечи!

С двух сторон мечами подкапывают камень, на который оперся валун. Бабек опутывает этот камень веревкой.

Все ко мне!

Воины вместе с Бабеком ухватились за канат.

Ну как, Бухари!

Аль-Бухари
(показывая на горло)

Голос...

Бабек

Бедняжка. Ну: раз, два, три!

Огромный валун, черкнув по небу тонкой своей чинарой, окутываясь дымом, грохнул в пропасть.

(Глядя вниз.)
Так. Теперь не пройдет даже мул.
Однако я слышу воинственный гул.
Это арабский Дарваз шумит.
Пойдем посмотрим на ваших, джигит.
Кстати: возьми свой лунный клинок,—
Бабек не любитель богатых вещей.
Я бы луною рубить не мог:
Я под луною любить привык.
(К своим, тихо.)
Дауд придет — подайте крик.

Бабек и араб всходят на скалу.

Вай, сколько сабель! И склон... И дол...
Хо! И у всех барабан. Зачем?

Аль-Бухари

В ветрах поет барабан-доол...
Ну, и врага пугает затем.

Бабек

Зря. Барабан мешает в борьбе.
Много тратите вы на бойца!

Сколько богатства несут на себе:
Седла в бобрах чернобурых у них,
Крупы в барсовых шкурах у них,
Сбруя вся в кистях золотых.

А л ь - Б у х а р и

Это добыча.

Б а б е к

Это груз!
С таким хозяйством джигит — не джигит.
Бедный Афшин... Берет меня грусть:
Ну, что с такою конницей он?
Только за смертью гонится он.
А кстати: где тут его шатер?

А л ь - Б у х а р и

Вон!

Б а б е к

На горе?

А л ь - Б у х а р и

Зачем? Между гор.

Б а б е к

А ты не лжешь?

А л ь - Б у х а р и
(волнуясь)

Я правду сказал...

Б а б е к

Откуда я знаю?

А л ь - Б у х а р и

Знамя на нем.
Да и рисунки: лев и шакал...

Входит Д а у д н я х и издает условный крик.

Б а б е к

Дауд? Ну как?

Даудиях

Все сделано.

Бабек
(кладет руку на сердце)

Друг!
Эй, бабекиты! В долине Афшин!
Так ли силен, бабекиты, наш дух,
Чтобы, ударив араба с крыла,
Даже не дать ему крикнуть «Алла»?

Воины

— Наш дух силен!
— Джан Бабек, веди!

Бабек

Но вот какая мне мысль пришла:
Те, кто будут скакать впереди,
Измажьте бурою глиной лицо!
Афшину почудится средь кутерьмы
Отряд, который заперли мы.

Воины
(восторженно)

— Охек, Бабек!
— Скорей, скорей...
— Какой молодец!
— Пропустите меня!
— Опять араб побелел от скорбей.
— А голову тоже мазать, сосед?
— Зачем ее мазать?
— А если я сед?

Смех.

Шахсултан

Бабек!

Бабек

Ну?

Шахсултан

Кто позволил тебе
Бабекитами их называть?

Бабек
(с невинным видом)

А что? Это очень нужно в борьбе.
Если кому скажу «бабекит»,
Он уж из боя не убежит
(Я почему-то герой для них).
А ты, если хочешь обидеть лихих,
Попробуй назвать «шахсултанцами» их.
Я это звание сам воспою!
Оно приятно. Но — не в бою.
(К воинам.)
Ну как?

Даудиях

Веди! Мы готовы.

Бабек

Э, нет.
Теперь поведет нас Аль-Бухари.

Аль-Бухари

Я?

Бабек

А кто же? Ты знаешь своих,
Знают тебя твои батыри...
Если, джан, ты поскачешь вперед,
Никто ничего уже не разберет.

Хохот.

Шахсултан
(предостерегающе)

Бабек...

Муса

Бабек!

Шахсултан

Он обманет, Бабек!

Бабек
(тихо)

Я проверял его. Этот араб
По крови — шейх, а по духу — раб.
(К арабу.)

Итак, родной, повторяй, родной:
«Джигиты!»

Аль-Бухари
(уныло)

Джигиты...

Бабек

«На линию рек!»

Аль-Бухари

Нет... Не могу я...

Бабек
(хищно заносит над ним саблю)

За мной!

Аль-Бухари
(испуганно)

«За мной!»

Воины с хохотом устремились за ним, сверкая клинками.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Горный перевал, за которым видна снежная вершина Савелян. На переднем плане палатка эмира Афшина Хардара ибн Кауса. Афшин и его помощник Джафар глядят, как с перевала отступают их войска. Но вот на гребень восходят азербайджанцы. Бабек бьется на саблях с тремя арабами. Поразив двух и обратив третьего в бегство, он видит, что вокруг него скатываются и срываются арабы, увлекая за собой камни и дымные клубы праха.

Бабек

Арабы! Остановите бег!
Невинную кровь зачем проливать?
Вот война — и вот я, Бабек,
Хочу я сразиться палаш о палаш
С врагами один на один. Баш-а-баш.
Где же ваш вождь? Полководец ваш?

Афшин

Я этот вождь.

Бабек

Выходи тогда —
Сразимся грудь к груди тогда.

Афшин

О Черный Тигр! Твой меч горяч.
И я хоть стар, как старый грач,
Но сладко пред твоей ордой
Перекрестился бы с тобой
Моей серебряной гурдой [1].
Но что нам даст столь близкий бой?
Кто ни был бы из нас убит —
Азербайджанец иль араб,—
Отряд ведь этим не разбит,
А раб — везде и всюду раб:
Он будет рад, оскалив пасть,
На победителя напасть.

В это время к Бабеку подходят Шахсултан, Баромид, Даудиях и пленный араб.

Шахсултан

Эге! Он боится боя вблизи!

Бабек

Ну, хорошо. Доставай стрелу.
Все твои хитрости рыжей лисы,
Наверное, отпадут тогда —
Неверные не нападут тогда:
Далече будет наша орда.

Афшин

О мой Бабек! Клянусь Аллой,
Я рад померяться стрелой.
Но видишь сам, как тучен я:
Водой и салом вспучен я.
Куда б стрела твоя, звеня,
Ни направляла свой полет,
Она везде найдет меня,
Везде меня она пробьет.
Тогда как ты, великий вождь,
Уж так-то тонок, так-то тощ,

---

[1] Гурда — сабля.

Что, попадая даже в грош,
В тебя никак не попадешь!

Арабы хохочут.

Бабек

Правда твоя. Но ты не грусти!
Тебе помогу я в деле твоем:
Белой линией ты очерти
Тело мое на теле твоем.
И если я неумелой стрелой
В тебя попаду за белой чертой,—
Не будем считать стрелы мы той.

Теперь смеются азербайджанцы.

Афшин! Домашняя крыса ты!
Взгляни в ущелье с твоей высоты:
Что видишь там?

Афшин

Я вижу туман.

Бабек

Нет, Афшин: это синий дым.
А что, Афшин, ты видишь за ним?

Афшин

Я вижу волнистое что-то...

Аль-Бухари

Река!

Бабек

Нет, Афшин: это стадо овец.
Что видишь при овцах ты, наконец?

Джафар

При овцах, наверное, пастухи.

Бабек

Нет, Афшин: три араба твоих
Пируют, крестьян ограбя моих:
Один араб, седой человек,
Снимает джораб с ноги мертвеца;
Другой крошит в молоко чурек;

А третий, который очень высок,
Вплетает в бороду волосок.
Доверься же этому глазу, Афшин.
Стрела моя даст ли мазу, Афшин?
Око, видящее тебя,
Ненавидящее тебя?

Афшин

Однако же стрелоокий ты!
Твой глаз алмазной остроты
Пронзает даже недра гор.
Войди же в бедный мой шатер,
Поговорим с тобою там,
Договориться нужно нам:
Быть может, я свою гурду
В ножны отправлю и уйду.

Баромид

Э, Афшин! Ты, я вижу, хитер:
Ты, вижу я, хочешь его схватить!

Шахсултан

И все же Бабек войдет в твой шатер.

Баромид

Как войдет? Почему войдет?
Серый шайтан пусть к нему войдет!

Бабек

Нет, я пойду, ана-джан.

Баромид

Не пойдешь!

Бабек

Нет, пойду.

Баромид
(взмахнув плетью)

А ну, становись!

Бабек
(тихо)

Это не дома. Остановись!

Шахсултан

Что вы, ханум? Тут войска... Молодежь...

Баромид

Где твоя тень?
(Замахивается на нее плеткой.)
Пойдешь?

Бабек

Пойду.

Баромид
(стегая тень Бабека плеткой)

Не ходи на беду! Не ходи на беду!
Ну? Пойдешь?

Бабек

Я обратно приду.
Но пусть не скажет народ обо мне,
Что я, опасаясь кинжала в спине,
Мира не пожелал войне.

Шахсултан

Ханум, не вмешивайтесь в войну:
Тут я управляю!

Баромид

Смотри: прокляну!

Шахсултан

Пойдем, Бабек.
(К Баромид.)
Отойдите... Ну!

Бабек

Пленника только возьмем с собой.

Шахсултан

Зачем?

Бабек

Это будет подарок, ханум.
А кстати — и жертвой перед судьбой.

Берет за руку араба и, посадив орла на плечо свое, спускается к Афшину. Шахсултан — за ним.

(Арабу.)

Пойдем, Бухари. Приехали мы.
Великий Афшин! Подарок прими.

Аль-Бухари падает в ноги своему князю. Афшин коснулся его плеча. Аль-Бухари встает.

Афшин
(воздев руки)

Бабек-ага! Простор и мир!

Шахсултан

Простор и мир, Афшин-ага.

Афшин
(не обращая на нее внимания)

Садись за мой убогий пир.
Считай, что ты не у врага.
Считай, что я твой лучший друг —
Ты мне как радуга меж дуг.
(Представляя своих.)
Аль-Бухари. Любитель книг.
Али Джафар. Мой ученик.

Бабек
(так же)

Шахсултан! Учитель мой.
«Чернозоб»! Хранитель мой.

Арабы переглядываются, но делать нечего — кланяются женщине и птице.

Афшин

Но где танцовщица? Сааз?
Где уль-удэ? Рабаб? Тамбур? [1]

Входят музыканты и бедуинка.

Танцуй, красавица, для нас:
Изобрази походку бурь.
А вы... вы пробуйте каймак.
Вот тут миндаль. А это мак.

Бедуинка танцует.

Ну? Хорошо?

---

[1] Сааз, уль-удэ, рабаб, тамбур — музыкальные инструменты.

Бабек

Не скажу, что нет.
Но знал я пастушку одну, сосед.
Пери она... (Да и звать — Пэри́.)
Она пройдет — корабль плывет...
Увидишь — растаешь слаще зари!
Трудно поверить, может быть,
Что эта походка может быть.
Но кто увидал — не сможет забыть...

Афшин делает жест.
Танец прекращается.

Шахсултан

Видала я эту пастушку, Афшин.

Афшин

Да?

Шахсултан
(пренебрежительно)

Сложена, как этот кувшин.
Просто прыгает, как коза.

Бабек

А ты ведь, ханум, не сумеешь так.

Шахсултан

Ну, а глаза?

Бабек

А что глаза?

Шахсултан

Я даже цвета не помню их.

Бабек
(вздыхая)

А я... я помню.

Шахсултан

Еще бы! Жених!

Бабек

Очи ее как два вороных!

Джафар

Мы просим вас: вот тут пилав...
Со сладким урюком чилав.

Бабек

Еда невежды — враг жизни его.
Если, Афшин, мы с тобою друзья,—
Скушай ты, а потом уже я.

Шахсултан

Он прав!

Афшин

Ну что ж. Не скажу ничего.
Не думал кормить отравой тебя,
Но я понимаю, право, тебя.

(Ест небольшими палочками пилав. Шахсултан так же. Бабек берет рис прямо пятерней и отправляет его себе в рот.)

Шахсултан
(тихо)

Зачем ты кушаешь пятерней?

Бабек

Затем, что пять у меня, а не шесть.
Не шестерней же могу я есть.

Шахсултан

Палки возьми! Ка-кой дурной...
(Оставляя еду и умыв кончики пальцев розовой водой.)
Ну вот, теперь говори про дела.

Афшин
(проведя ладонями сначала по щекам, затем по бороде и соединив пальцы у конца ее, начинает издалека)

Что́ я скажу про ваши дела?
Я только стремя, маш Алла [1].
Где ногу держит падишах.
Я только медь его седла.
В твою страну внедряя шаг
И ваши головы меча,

[1] **Маш Алла** — да сохранит бог.

Я только лезвеё меча,
А ложе держит падишах.
Но что поделаю, друзья?
Мне рукоятью быть нельзя.

Итак, военный этот стан,
Его шатры и племена —
Всего лишь веточка одна
Того, что есть Арабистан,
Который смог, как старый тис,
В созвездья самые вплестись,
Корнями за́ землю держась.

Его Йемен, его Геджас
И город в кратере — Аден,
Пустыня лавы — эль Харра,
Пустыня камня — эль Хасса,
Гадрамаут, и, наконец,
Береговая полоса —
Все это сядет на коней,
Все это завтра будет тут.
Арапы на седых конях,
Арабы на гнедых конях,
Хорезмия на золотых,
Гиркания на вороных,
Белуджистан и Курдистан,
Китайцы из-под Синда-фу,
Как сновиденья наяву,
На ваших ринутся крестьян.

Как серый сокол-балабан
Пугает зайцев или птиц,
По вас ударит барабан —
И вам не петь и не пастись!
Не станет пойла для коров,
Хотя ручьи подымет кровь;
Уйдет верблюд из этих мест:
Он человечину не ест.
Нальется горечью зерно;
Где зеленело — там черно,
Где пахли травы — уголь там!
И нежным девичьим устам
Плодов земли не осязать,—
На все наложит смерть тамгу,

Придя, как полунощный тать.
Вот все, что я хотел сказать,
И все, что я сказать могу.

Молчание.

Шахсултан
(оробев)

Ойе... Послушай... Дженаб-э-эли...
Не считай за обиду мои слова.
Зачем вам возиться в нашей пыли?
Что такое Азербайджан?
Стоит ли боя Азербайджан?
Туча крестьян — горсть горожан...

Афшин

По-моему, дал я вам понять,
Что я — лезвеё, а не рукоять;
Что этот мой военный шаг
Определяет падишах.

Бабек
(глухо)

Скажи, что вам нужно? Будь мне отец!
Масло мы дали... Дали овец...
Приходят — уходят... Пришли опять...
Деньги просят... Деньги я дал...
Землю просят. Но как отдать?
Наши берлоги вам отдадим —
Как налоги вам отдадим?
Без очага — какой уже дым?

Афшин
(раздражаясь)

Но я же сказал, Бабек-ага,
Что я лишь стремя, а не нога.

Бабек

Слушай, ты! Не морочь ты меня!
За каждый день, что ты сел на коня,
Платят тебе десять тысяч дирхем.

Афшин

С чего ты взял?

Бабек

Мы знаем кой-что.
Тут притворяться не перед кем.
Некогда слушал я раз соловья —
Некогда слушать сейчас соловья.
Каждому чувству — птица своя.
Дыханье мое — Азербайджан...
Как прыгал, так будет прыгать джейран!
Как жил любой болотный кот,
Как проживала любая дрофа,—
Вот так же будет из года в год.
Эй! Покуда я лют и бран —
Живи-поживай себе, горный баран!
Не тронет араба тебя барабан.

Азербайджан! Дыханье мое!
Братья мне — все живое твое...
В лесах Талыша живет дикобраз,
В плесах камыша — тигр живет,
И я, Афшин, с тобою борясь,
За этих зверей готов умереть!
За каждую птицу, что хочет петь!
За каждую пчелку, чей мед — как медь.
А больше всего — за наших крестьян...
За девушек, у которых стан
Тоньше, чем этот кувшин с водой;
За наших старушек, которые нас
Не ослабляют слезою святой,
Но вместе с нами в битву идут!
Где сын — она здесь. Где бой — она тут.
Пойдем, Шахсултан... На плечо, бургут!

(Кланяясь Афшину.)

Прощай!

(Идет к выходу.)

Афшин
(к Шахсултан)

Ханум! Услада услад!
Скажи мне — как, ты сказала, зовут
Пастушку, которая...

Ш а х с у л т а н

Пэрисад.

А что?

А ф ш и н

Ничего... Он сказал про кувшин —
Вот я и вспомнил.

Ш а х с у л т а н
(лукаво грозя пальцем)

Э, Афшин!

А ф ш и н

Увы... Я не лучше других мужчин.

Б а б е к
(у выхода)

Да, я хочу, дженаб-э-эли,
Чтобы вы уходили с нашей земли.
Если другой имеете край,
Если другое место есть —
Прошу я тебя: шатры забирай!
Пусть обсудит твой совет
Этот дружеский мой совет.
Идите отсюда. Здесь места нет.

Аль-Бухари и Джафар, выхватив сабли, бросаются на Бабека.

А л ь - Б у х а р и

Убить его надо!

Д ж а ф а р

Убить! Убить!

Б а б е к

Назад! Ко мне, бабекиты мои!
(Он выхватил саблю — арабы отпрянули.)

А ф ш и н

Арабы! Здесь не нора змеи!
Как вы осмелились забыть
Свой долг пред гостем? Как могли
Позорным криком оскорбить
Вождя воинственной земли,

Священного, как хлеб и гроздь?
Прости меня, великий вождь,
За их поступок.

Шахсултан

Вот что, Афшин:
Это собранье твоих старшин
Не так оскорбило криком его.
Как ты, называя великим его.
Слушай, если имеешь слух:
Вождь Аль-Бадда не он, а я!
Он только супруг мой, а был пастух.
Подумай об этом. В мыслях читай.
За обиду слова мои не считай.
(Уходит. Бабек за ней.)

Афшин

Ушел?

Джафар

Ушел.

Аль-Бухари

Афшин!

Афшин

Молчи!

Аль-Бухари

Зачем ты зверя упустил?

Джафар

Зачем ты удержал мечи?

Аль-Бухари

Ты что задумал?

Афшин
(грозно)

Бухари!

Джафар

Ты что задумал, говори!

Афшин

Джа-фар!

Молчание.

Аль-Бухари

Прости меня, Афшин,
Но я...

Афшин

Довольно. Эй, Али!
Скажи, чтоб узника ввели.

Джафар
(кланяясь)

Прощенье...
(Уходит.)

Афшин

Я упустил бы жизни нить
Чуть побыстрей, чем ваша прыть
Успела бы его сразить.
К тому же я заметил связь
Меж ним и некой Пэрисад.
Жена ревнует. Это раз.
Жена с ним борется за власть,
А власть губительней, чем страсть.
Короче — в шахматах его
Кой-что понятно.
Ничего!
Пускай альбаддец, разъярясь,
Уйдет зализывать в камыш
Свои ранения.
Алла!
Важна не матка из дупла,
А все роение.
Дотла
Гнездо по следу разъяришь.
Не тигр важен — важен след.

Аль-Бухари

Но где же этот след, Афшин?
Надежды даже нет, Афшин.

А ф ш и н
(улыбаясь)

Не беспокойся: след у нас.

А л ь - Б у х а р и

Но где же он, могучий князь?
В жемчужной ли твоей душе?
В туманной ли какой дали?

А ф ш и н

Он здесь уже. У нас уже.
А кстати: вот идет Али.

Входит А л и, сопровождая пленного С у м б а т а.

С у м б а т
(падая перед Афшином на колени)

Душу свою тебе предаю!
Азербайджанец я. Бабекит.
Сумбат — мое имя. Сражался в бою,
Но притаился между ракит.
Я покоряться судьбе не хочу:
Я передаться к тебе хочу.

А ф ш и н

Увы, Сумбат. Как быть теперь?
Могу ль тебе открыть я дверь,
Когда ты изменил вождю?

С у м б а т

Какой он мне вождь?

А ф ш и н

А кто же он, друг?

С у м б а т

Я и дирхем за него не даю.
Я был владетель долины одной.
Три фарсаха считай подо мной!
Замок имел. Сады вокруг.

А ф ш и н

И где же все это сейчас, мой друг?

Сумбат

Когда на коне проезжал Бабек,
Метнул он в ворота свое копье.
«Равны,— сказал,— и крестьянин и бек.
Вредно считать «мое» и «твое».
Ну, и другое еще сказал...
Но так это он горячо сказал,
Что пастухи принялись шуметь.
А я в душе ревел, как медведь:
Ведь на три пальца пробил он медь!
На три пальца!

Афшин

Вот что, Сумбат!
Слыхал ли ты о замке Аль-Бадд?

Сумбат

Как не слыхать? Я же там стою.

Афшин

Так слушай меня: ты получишь назад
И замок свой, и долину свою.

Сумбат
(выспренне)

Афшин, ты маг!
(Деловито.)
А когда там быть?

Афшин

Надо сперва соглядатаем быть.
Вот что, друг: возвращайся в Аль-Бадд,
Войди в доверие к Шахсултан.

Сумбат

Ага!

Афшин

Сделай вид, что любовью объят.

Сумбат

Так.

Афшин

С нею ты речь поведешь
О том, что Бабек — величайший вождь.

Сумбат

Дальше.

Афшин
(сыплет ему золото)

Вот — пока пятьдесят.
На эти деньги ночною совой
Сыщи мне девушку — Пэрисад.
Девушку эту чуть-чуть подтолкни —
Так, чтобы в эти ближайшие дни
Ее увидали бы пред собой
Не он, не она...

Сумбат

А кто же?

Афшин
(улыбаясь)

Они!

Сумбат

Все будет так... Я их сосед...

Афшин отворачивается от него и подходит к Аль-Бухари. Сумбат, кланяясь, пятится к выходу.

Афшин

Ну, вот вам и тигриный след,
Аль-Бухари, ловец минут!
Следы и травки не сомнут,
Но мехом пахнут далеко!
Их аромат, о мой юнец,
Заполучить не так легко,
Но, схваченные наконец,
Приводят в логово они,
И стрелоокого они
Застигнут в собственном гнезде!
И будет, бедный, на кресте
Качать плечами, как весы...
Но только — что ни говори —
На это надобны часы,
Ловец минут, Аль-Бухари!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Горный ручей. Баромид и Шахсултан с кувшинами на плече спускаются к водоему.

Шахсултан

Это такой был страшный сон:
Ведь я и вы — мы тонули в реке!

Баромид

Ай-ай-ай... Чем же кончился он?

Шахсултан

Ну, как такие кончаются сны?

Баромид

Проснулась?

Шахсултан
(смеясь)

И где же? У самой стены!

Баромид

Не стоило просыпаться тебе.
Надо было купаться тебе,
Пока не увидела бы конец.

Шахсултан

Еще чего! Ведь я же тону!
Надоело мне, наконец.

Баромид
(упрямо)

Проснулась — значит, пошла ко дну.
Дай кувшин. Я сама зачерпну.
А ты берегись даже маленьких рек.

Шахсултан

Э, не важно. Скажите, ханум:
А что, если б это увидел Бабек?
В воду кинувшись наобум,
Кого бы стал наш герой спасать?

Баромид

Конечно, меня.

Шахсултан

Почему?

Баромид

Я мать.

Шахсултан

А я — жена, дорогая ханум.

Баромид

Женой может быть и другая, ханум.
А мать — как хочешь — только одна.

Шахсултан

Да, но это не то, что жена.
Мать... Кому теперь мать нужна?
Разве помощница духа она?
Все равно — старуха она:
Лицом сера, умом сера...

Баромид

Ну, не так уже я стара.

Шахсултан

А сколько же вам, золотая ханум?

Баромид

Сколько, сколько... Ну, шестьдесят.

Шахсултан

Э... свои годы считая, ханум,
Вы столько сочли лет десять назад.

Баромид

И не отказываюсь. Нет-нет!
Слово свое говорю я раз:
Что сказала назад десять лет,
То́ же тебе повторю и сейчас.

Смеются.

Сумбат
(появляясь)

Мать и дочь! Какой славный вид!

Шахсултан

Садись.

Сумбат
(тихо)

Как жаль, что ты не одна...

Баромид

З чем пришел?

Сумбат

К тебе, Баромид.
Монету хочу разменять. Вот она.

Баромид

Динар?

Сумбат

На ребре стоящий динар.

Баромид
(разглядывая монету)

Это не настоящий динар:
Слишком сухой у этого жар.

Сумбат

Сколько даешь?

Баромид

Половину.

Сумбат

Давай.

Баромид

Тоже дорого. Четверть!

Сумбат
(смеясь)

Вай-вай!
Это же мне без ножа — как нож.

Шахсултан

Зачем смеешься над нею, Сумбат?
Знаешь — карман у нее небогат:
Черный дирхем еле-еле найдешь.

Сумбат
(старухе)

Так ты и скажи, что в карманах твоих
Сроду не было золотых.

Баромид
(не сдаваясь)

Раньше не было — нынче есть.

Сумбат
(с издевкой)

Тогда окажи мне по дружбе честь:
Займи динар! Даю зарок:
Отдам тебе в самый короткий срок.

Баромид

Э... хоть и стали богатые мы —
Динара не дам я тебе взаймы.
Но раз уж давно мы дружим с тобой,
То срок могу тебе дать любой.
(Подымается, берет кувшин на плечо и уходит.)

Сумбат

Уф! Наконец-таки! О Алла!

Шахсултан

А что тебе в том, что она ушла?

Сумбат

Хотя бы то, что осталась ты.

Шахсултан

А что во мне?

Сумбат

Ох, много, ханум...
Нет ли такой травы иль воды,
Пусть даже между могильных плит,
Которая боли утихнуть велит?

Шахсултан

Зачем тебе?

Сумбат

Грудь, понимаешь, болит.

Шахсултан

Ну, грудь у такого как ты,— ничего.

Сумбат

Вот как? А ты спроси — отчего?

Шахсултан

Ну, отчего?

Сумбат

От любви!!!

Шахсултан

Ого!
Но ведь любовь — это жемчуг души.
Разве кто-нибудь лечит его?

Сумбат

Я!

Шахсултан

Ну, вот и напрасно, Сумбат,
Это чувство прекрасно, Сумбат.
Мы дети, любя! Мы птицы, любя!
И этакий дар жемчужный — лечить?
Кого же ты любишь, друг мой?

Сумбат

Тебя!

Шахсултан
(смеясь)

А! Ну, тогда его нужно лечить.

Сумбат

Смеешься? Ну, что ж. Понимаю. Молчу.
Когда предо мной возникает Бабек,
В руку его я вручаю камчу —

Пусть он стегает меня по глазам:
Это мне — как слепому, бальзам.
Захочет — глаза свои вырву сам!
Бабек... Счастливая ты, Шахсултан.
Быть супругой такого вождя —
Это почти божественный сан!

Шахсултан

Постой.

Сумбат

Ну-ну?

Шахсултан

Перебить я должна:
Я ведь, Сумбат, не только жена.

Сумбат

А кто же?

Шахсултан

Ты разве не знаешь? Я —
Владелица этого замка Аль-Бадд,
Военачальница и судья!

Сумбат

Э, ханум! Это ложь, ханум.
Ты ведь сама сознаешь, ханум,
Что этим словам твоим — грош, ханум.
Все наши тетки и все дядья
Знают, кто настоящий судья.
Что же касается замка — увы!
Без разрешения самого
Ослик не ущипнет травы.
Нет! Жена — это есть жена!
Ты, правда, почетом окружена,
Но только за то, что Бабеку нужна.

Шахсултан

Ты забываешь, глупый джигит,
Что он моим языком говорит!

Сумбат

Верно, ханум. Ты при нем — как сааз:
Словом он стал владеть, как конем!

Кто побеседует с ним хоть раз,
Тот всю жизнь тоскует о нем.

Шахсултан

Чурбан! Сова на башку твою!
Разве об этом я говорю?

Сумбат

О чем же?

Шахсултан

Если скажу я «да»,
Он никогда не скажет «нет».
Так было, так есть, так будет всегда!
Ведь он называет «учитель» меня.

Сумбат

Э!

Шахсултан

Молчи! Ты хуже слепня!
Разве так уже я нежна,
Так далека от дела войны,
Что одному Бабеку нужна?
Ну! Отвечай!

Сумбат

Боюсь.

Шахсултан

Почему?

Сумбат

Ах, ханум... Не нужна ты ему.

Шахсултан

Как? И ты знаешь?!

Сумбат

Нетрудно, ханум:
Бабек всегда при тебе угрюм.

Шахсултан

Угрюм... Ну и пусть! А все же, Сумбат,
Покуда пастушки нет — он мой!

Сумбат

Здесь она.

Шахсултан

Кто?

Сумбат

Пастушка.

Шахсултан
(забывшись)

Мой брат...
Сердце мое... Где она живет?

Сумбат

Где — не знаю. Но — видишь — вот
Бусы ее.

Шахсултан
(выхватывая их)

Дешевый коралл!

Сумбат

Не в этом дело. Их подобрал
Мой человек. И знаешь ли где?

Шахсултан

Ну!

Сумбат

Не поверишь, ханум: на суде!

Шахсултан

Она была на суде?

Сумбат

Была.

Шахсултан

Но я ведь... Сама я тяжбы вела...
Глаза мои не утратили свет...
Врешь!

С горы спускается Бабек. Проходит не останавливаясь.

Бабек

Это ты, Шахсултан?

Шахсултан
(лениво)

Ну, я.

Бабек

Приходи на военный совет.
(Уходит.)

Шахсултан

А? На военный совет... Слыхал?
И мой надменный ответ слыхал?
Как же ты говоришь, аксакал,
Что я при владычестве его
Уже не значу почти ничего?
Смеешься, жилы мои теребя?
Радуешься печали моей?

Сумбат

Ханум...

Шахсултан

Не хочу я видеть тебя!
Не наш ты!

Сумбат
(смеясь)

А кто ж я? Араб? Или рум?

Шахсултан

Уйди!

Сумбат

Хорошо. Как знаешь, ханум.
(Церемонно раскланявшись, удаляется.)

Шахсултан
(одна)

Он прав. Я все меньше и меньше нужна.
Мог бы меня Бабек и не звать.
Вражда меж нами обнажена.
Но он позвал. Почему? Как знать.

Может быть, он позвал и мать.
Обычай.
А может, ревнует, а?
Увидел Сумбата... Приревновал...
Милый мой... Моя суета...
Смыла б я горе свое добела,
Если бы это правда была.

Однако что говорил Сумбат
Об этой пастушке? Имя ее
Разносится пением жеребят,
На неоседланном скачет коне...
А впрочем, что волноваться мне?
Где она? Нигде ее нет!
Есть только бусы простого зерна,
Но все-таки бусы — еще не она.

А хоть бы она? Э, Шахсултан...
Где твоя гордость, большая моя?
Если твой удивительный стан
Не устоит своей красотой
Против красы табунщицы той,
То разве лучи твоего ума,
Ученость твоя и отвага в бою
Ничуть не усилят красу твою?

А кроме того — ты знаешь сама:
Пастушка сильна, пока ее нет.
Под пеплом сердца горит ее след.
Но только явись — и ее красота
Утратит жемчужную дымку свою,
Очарованье бессонных снов!
И вдруг, увидав невидимку свою,
Он сразу поймет, угрюм и суров,
По векам, ноздрям, очертанию рта,
Что *эта* девушка — вовсе не *та*.
(Наклоняясь к ручью, глядит на свое отражение.)
Ах, дитя! Ты сверкание дня!
Очень умная ты у меня,
Недаром «учитель» тебя он зовет...
Так вот ее бусы! Вот они! Вот!
(Рвет ожерелье и кидает по зернышкам в воду. Навстречу им поднимаются рыбы.)

КАРТИНА ШЕСТ.

Шатер Бабека в горах. Вдали высится серебряная вершина Савелян. Перед шатром на циновках сидят ребятишки, среди которых, на равных с ними правах, Бабек. Муса обучает их азбуке. У него аспидная доска и мел.

Муса
(пишет на доске букву)

Алиф!

Все
(хором)

Алиф!

Муса
(стирает и пишет новую)

Это — даль.

Все

Даль!

Муса

Точка над буквою — баль.

Все

Баль!

Муса

Эта рыбешка — син.

Все

Син!

Муса

Точка над ней — уже шин.

Все

Шин!

Муса

Ра.

Все

Ра!

Муса

Вниманье, Гуссейн!
Точка над ней — уже зейн.

Все

Зейн!

Муса

Джим.

Все

Джим!

Муса

Мим.

Все

Мим!

Муса

И все-таки, думается, Бабек,
Что надо бы нам ударить самим.
Айн. Повторяйте за мною,

Все

Айн!

Муса

Точка над нею — яйн!

Все

Яйн!

Муса
(Бабеку)

Эх, краса. Ведь ты воин лихой,
Народ у нас тоже — совсем неплохой.
Пока они вместе, народ и Бабек,
Кто, скажите, осилит нас?
Меч твой беден, и конь твой пег,
Но сколько раз, о славный боец,
Арабский бежал от тебя жеребец?

Мальчик 1-й

Сто раз, наверно!

Муса

Молчи, Максуд.

Мальчик 2-й

Это не я, это он!

Мальчик 3-й

Врешь!

Муса

Не драться!

Мальчик 4-й

Женщины к нам идут...

Входят Баромид и Шахсултан.

Баромид

Простор и мир!

Бабек

Мир и простор!

Муса

Ну, мальчики...

Мальчик 1-й

Знаем: домой!

Все

Домой!

Мальчики вскакивают и, подхватив циновки, спускаются вниз.

Муса

А вас, друзья, мы просим в шатер.
Ай-ай-ай! Это дым или пыль?
Не баловаться! Гуссейн! Халиль!

(Входит в шатер, садится.)

Бабек, Баромид и Шахсултан рассаживаются вокруг него... Являются Даудиях и Белый Барс. Обнажив сабли, они становятся у входа на часах. Лицо Белого Барса по-прежнему покрыто забралом. Но затем он чуть-чуть приподнимает его — и тогда видны его стройная шея и чудесный алый рот.

Дети! Слушайте старика:
Надо ударить на Ардебиль.

Дрогнула у Афшина рука.
Все говорят, что арабы сейчас
Женским страхом боятся нас.

Смех.

Баромид

Ты прав, Муса. Очень прав, Муса...
(Тут же засыпает и спит в продолжение всего совещания.)

Муса

А ты что скажешь?

Бабек

Рано, хаджи.
Арабы на седых лошадях,
Арапы на гнедых лошадях,
Все это — вот — в десяти шагах!
До облаков подымается пыль!
А ты говоришь — взять Ардебиль.
Ну, а потом, если правду сказать,
Мы очень много тратим бойцов.
К союзникам надо бы поскакать.

Муса

К союзникам? Ну, а где их сыскать?
Кто отзовется на воинский зов?
И дереву жаль своего корья.
А ты что скажешь?

Шахсултан

Я... Ах, я?

Муса

Задумалась?

Шахсултан
(очнувшись)

Пусть говорит Бабек.

Бабек

Надо найти такие края,
Которые сами Багдаду враги.

Полные желчи и яду враги —
Туда бы направить надо шаги.

Ш а х с у л т а н

Но где же эти края?

Б а б е к

Молчи!
Об этом не должен знать никто.
Есть один край. Там нужны мечи.
Возьму один сыр и один каравай.
И нынче же ночью уйду в этот край.

Ш а х с у л т а н

Ты никуда не уйдешь, Бабек.

Б а б е к

Ну-ну...

Ш а х с у л т а н

Никуда тебя не пущу.
Ты нужен здесь. Ведь ты вождь, Бабек.

Б а б е к

Ну да. Когда тебе нужно — я вождь,
Прошло — и я под ногами хвощ.
Слушай: когда-то я вел караван
И вдруг увидал далеко вдали
Рай, какого не знал и Коран:
Это западных румов страна,
Византия — зовется она.
Ее-то подмога нам и нужна.

М у с а

Что ж. Отлично, краса. Ну что ж.
Но Шахсултан — она тоже права.
Разве послом отправляется вождь?
Где ты видел, чтоб атаман
В каждое дело влезал? Ай-аман!
Что ты — какой-нибудь Сулейман?
Или Джамшид? Полководец ты!
Народ ведешь, не народец ты.
Есть Дауд. Пусть отправится он.
Он знает греческий лексикон.

Бабек

Я понял тебя. Пусть Дауд.

Шахсултан

Ну вот!
Вот и прекрасно! И все обошлось!
Где Дауд? Кто его позовет?
Дауд!

Баромид
(очнувшись)

Что такое? Куда, ханум?
Барабаны? Тарамба-трум?

Шахсултан

Спите, спите...

Баромид

Ай-ай, бала:
Как это можно, чтоб я спала?
(Снова засыпает.)

Даудиях
(входя)

Простор и мир! Я слышал зов.

Муса
(торжественно)

Дауд! Скажу тебе несколько слов,
Но ты, краса, ты запомни их,
Как самый сладкий и томный стих,
Ты объяснишь ему, толмаджи [1],
Что если эта его страна
Не выставит за Бабека мечи,
Не выступит если этот хан —
Его не спасет никакой талисман;
Не обижается пусть старина —
Выбьют его сапоги из стремян.

Даудиях

Кому изложу я все это, скажи?

---

[1] Толмаджи — переводчик.

Бабек

Тайна. Узнаешь потом, толмаджи.
Ступай. Снаряди огневого коня.
В шатре Мусы тебя ждет броня:
Рубашка-решетка, шлем и клешня.
Все это ты надевай, Дауд,
Но слов на копье не читай, Дауд:
Когда проедешь за царство твое,
Скажет тебе в письменах копье
Имя страны и хана ее.

Муса

Вот какая задача тебе.

Бабек

Иди. Да будет удача тебе.

Даудиях уходит.

Так. Византийцы. Ну что же. Пусть так.
Но тут ликовать может только простак:
Военный союз тогда лишь хорош,
Когда и граница совместная есть,
Иначе, Муса, цена ему грош.

Муса

Пожалуй.

Бабек

Но если снаружи удар —
Это, скажем, червонный динар,
То — думаю я — не меньше, чем в три
Надо ценить удар изнутри.

(Встает и достает шахматную доску, на которой расположены крошечные модели твердынь с башнями, подъемными мостами и флагами.)

Большие дела теперь нам предстоят.
Смотрите сюда, дорогие мои:
Вот перед вами игрушки стоят.
Башенки эти и эти кремли —
Замки и крепости нашей земли.
Лазурную глину всегда я любил.
С лазутчиками города я лепил.
На эту шалость потратил я год.
Зато в каждой крепости нашей страны

Знаю теперь каждый выход и вход.
(Снимает с доски какую-то крепость с четырьмя турами.)
Есть на свете крепость Барда.
Как возможно проникнуть туда?
А вот как. Видите эту дыру?
Это колодец. В нем даже вода.
Но он же — подкоп. Через лисью нору
Можете выйти прямо сюда —
В женскую баню. Подымется писк,
Но это, друзья, незначительный риск.
Что нам известно о замке Барда?
Арабы его захватили тогда,
Когда с Джавиданом была беда.
Ханом теперь там — арабский князь.
Но жители города — кровью за нас!
Все в душе — повстанцы они!
Истинно азербайджанцы они!
Да будут белы их черные дни!..
Туда, в этот город направившись,— я
Вздыблю восстание, как коня.

Шахсултан

Ты не пойдешь!

Бабек

Пойду.

Шахсултан

Пусть Ахмет!
Джамшид! Сулейман, наконец!

Бабек

Ах, нет!
Я!

Шахсултан
(робко)

Непременно? Но отчего ж?

Бабек

Там нужен уже не посол, а вождь!

Белый Барс

Ты прав, Бабек.

Муса
(вздрогнув)

Это кто?

Белый Барс

Бабек —
Это всем обездоленным друг.
Одного имени этого звук
Может уже бардинцев поднять.
Иди, ни слова не говоря.
Иди! Я там был. Мне дали понять,
Что наше знамя — для них заря!

Шахсултан

Послушай, джигит! Ты откуда здесь?

Белый Барс
(смеясь)

Спал я. Очень нехудо здесь.

Шахсултан
(не понимая)

Эй, джигит! В забрале не спят:
От этого душит спящего храп.

Белый Барс
(забавляется)

Я сплю, залитый броней до пят,
На случай, если приснится араб.

Шахсултан

Эй, джигит! Вот трава астрагал..,
Но где ж очертание сна твоего?

Белый Барс

Увы... Мой сон от меня ускакал —
Здесь я разыскиваю его.

Бабек
(страстно)

Твой сон — в постели моей! У меня!
Ты не поймаешь его один!

Белый Барс

Вдвоем иметь одного коня —
Еще не в обычае у мужчин.

Бабек

Да, но с девушкой, жаркой, как медь,
Разве не сладко на скакуне?

Белый Барс

Сладко. Но девушку надо иметь.
Зачем же ты с этим пришел ко мне?

Бабек

Затем, что бровь рыжеет твоя —
Это от хинного зелья, джан;
Что в белой полоске шея твоя —
Это от ожерелья, джан!
А в войске моем — это знает свет —
Ни рыжих, ни полосатых нет.
Когда я сейчас к тебе подошел
(Слушай внимательно, рыжий, меня),
Ты со своих бабуччей [1] сошел,
Чтобы казаться ниже меня.
Этот обычай, конечно, пустяк,
Но только женщины делали так!
Какая ж еще примета нужна?
Откройся, кто ты! Чья ты жена?
(Подходит к Баромид и будит ее.)
Ана-джан! Подойди сюда!
Вот перед нами кто-то стоит.
Что это: губы или уста?
Что это: пальцы или персты?
Ана-джан! Что скажешь ты?
Может, примету подскажешь ты?

Баромид

Ну что же. Такая примета есть.
Эта примета без всякой лжи:
Красный цветок тебе надо принесть,
На ночь в постель к нему положи.
Если он мальчик — увянет тот.
Если девочка — расцветет.

---

[1] Бабуччи — деревянные сандалии.

Шахсултан

Горе мне!

Бабек

Не вздыхай, ханум...
Нынче дыханье мое — самум!
Как я заметить могу этот вздох?
Мать! Подруга моя по мечу!
Жертвой мне за тебя бы стать...
Замуж ее за себя хочу.
Скажи ей какие нужно слова,
В раковипе жемчужной слова:
Бедна для нее моя голова.

Баромид подходит к Шахсултан и целует край ее платья.

Баромид

Что я поделаю? Мать одна:
На один раз человеку дана.
(К Белому Барсу.)
Да будут лазурью виды твои,
Не считай слова за обиду мои:
Кто отец твой?

Белый Барс
(пожав плечом)

Азербайджан.

Баромид

Мама кто?

Белый Барс

Савелян-гора.

Баромид поворачивается к снежной вершине Савелян и кланяется в пояс.

Баромид

Эй, гора! Душа моя, джан!
Дочку уже выдавать пора.
Что вы на это скажете, ну?

Гора молчит.

Нечего вам на это сказать...
Милость мне окажите одну:
Сына имею я одного,
Сна не имею я от него.

Конь его не хочёт скакать,
Если не слышит смеха ее;
Бронь его не хочет сверкать,
Если не видит доспеха ее.
А нам ведь надо вести войну.
Что я одна поделаю, ну?
Э, душа моя, джан-гора!
Ты стара, и я стара.
Мы ведь с тобой понимаем их.
Давай, Савелян, обвенчаем их:
Твоя невеста — мой жених.

Белый Барс

Нет, Баромид моя... Мальчик я...
Напрасна, напрасна речь твоя,
Ах, напрасна.

Бабек

Яр! Подожди!
Не я ль волосок с горы увидал?
Узнал я тебя сквозь все миражи!
По запаху перца тебя узнаю,
По стуку сердца тебя узнаю...
О луноликая! Ты — как янтарь
На душу мою, на рану мою!
Вот — меч, и вот — я! Взмахни и ударь!
Касыду [1] тебе заране пою:
Когда ты к воде нисходишь тропой
И рыбка, струясь к тебе из ручья,
Зеркальцем станет перед тобой,
Знай, что это не рыбка,— я!
Когда под бубен сандалий твоих
На самом хвосте танцует змея,
Тонкая, как тончайший стих,
Знай, что это не змейка,— я!
Когда ты, смеясь, утешаешь всех
И голубь слетает, жадно клюя
Ядрышками рассыпанный смех,
Знай, что это не голубь,— я!
Когда ж под луною ложишься ты спать
И нежно покроет тебя кисея,—
Горе мое! Эта ткань, эта прядь —
Вовсе не я... Ах, совсем не я!

---

[1] Касыда — иранская песнь.

Как же мне стать кисеею твоей?
Знак подай из-под милых бровей,
Бирюза ты моей души,
        Пэрисад!
Паруса ты моей тиши,
        Пэрисад!..

Баромид

Ну! В таких случаях «да» говорят.

Белый Барс

Что мне сказать, великий Бабек?
(Поднимает забрало.)
Да, я девушка... Пэрисад...
Да, я тоже люблю тебя, джан.
Но, прежде чем войти в этот стан,
Хотела б услышать я Шахсултан:
Иначе душа будет дымной, Бабек.

Бабек
(умоляюще)

Ой, Шахсултан...

Шахсултан

                    Скажи мне, Бабек:
Правда ль, что ты меня невзлюбил,
Когда у одра Джавидана был,
За то, что в сиянье твоей красы
Я, о смерти его говоря,
Не пролила ни одной слезы?

Бабек молчит.

Но как могла я заплакать, скажи,
Когда я...
(Гладит беркута.)
        Тебя увидала, орел?
Когда я хотела без всякой лжи
Бросить все, что сан мой обрел...

Пэрисад

Больше не скажешь?

Шахсултан
(хмуро)

                    Ну, что я скажу?
Задай вопрос любому стрижу:

Что он сделает против орла?
Раз уж ты ему в грудь забрела,
А грудь вмещает одну, а не двух,—
Что мне поделать? Бери его, друг.

Пэрисад

О ханум...

Бабек

Ты в сердце моем!

Шахсултан

Но, прежде чем вы заживете вдвоем
И вместе сойдутся ваши пути,—
Нужно, как ты, Бабек, говорил,
В город бардинцев тебе пойти.
Забыл? Нельзя откладывать дел.

Бабек

Ты ж не хотела!

Шахсултан

Но ты хотел!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Крепость Аль-Бадд. Площадь перед дворцом. Народ построен в круг, пляшет и поет песню Бабека в честь его свадьбы с Пэрисад. У крыльца сидит угрюмая Шахсултан.

Народ

Ты не пой по горам, вода!
Опаленный ветер, остынь!
Будь безмолвнее, чем всегда,
Серебристая ночь пустынь...
Не качай оперением, тис,
Белый дым костра, опустись!
Не шурши, не свисти, змея,—
Чтобы слышалась песнь моя.

Сумбат

Эй, Муса!

Муса

Что надо?

Сумбат

Постой!
Где Бабек? Его нет среди нас.
Я уже слышал — народ простой
Очень обижен. Ворчит народ:
«Зачем мы стоим у этих ворот?»

Муса

Не знаю, где он.
(Уходит.)

Сумбат

Эй, Джамшид!

Джамшид

Ну?

Сумбат

Как ты думаешь — где Бабек?
Глаз его, видимо, ниткой зашит,
Если не видит того, что здесь:
Ведь свадьба же, а? Ведь его же песнь!

Джамшид пожимает плечом.
В это время вбегают дозорные.

Дозорные

Арабы! Арабы! Арабы идут!

Муса

Откуда?

Дозорный

С северной стороны...

Шахсултан

Муса!

Муса

Я здесь.

Шахсултан

Джамшид!

Джамшид

Я тут.

Шахсултан

Отбить набег и разрушить связь.

Народ

— Но где же Бабек?
— Бабек!
— Где Бабек?

Шахсултан

Отныне Бабек не тропа для вас.
Слово мое — труба для вас.
Идите.

Муса

За мной!

Уходит. За ним все молодые мужчины, бывшие на площади. Шахсултан снова почувствовала себя в блеске власти. Раздувая ноздри, она хищно вглядывается в толпу. Наконец увидела то, что искала.

Шахсултан

Пэрисад-баджи! [1]

Пэрисад

Здесь я, сестра.

Шахсултан

Подойди ко мне.
Ты, девочка, знаешь мои рубежи:
Всюду, как видишь, всевластна я.
Ты любишь Бабека? Прекрасно. Я
Тоже люблю его. Больше, чем ты.

[1] Баджи — сестра.

Пэрисад

Но ты уступила его, сестра.

Шахсултан

Э, дитя... Во мне доброты
Столько, сколько имеет копье.
Что мне нужно, то будет мое.

Пэрисад
(сухо)

Чего ж вы хотите, ханум?

Шахсултан

Выбирай:
Либо уйдешь в аравийский край,
Покуда еще не вернулся Бабек,
Либо Сумбат зарежет его!
Что с тобой, а? Лихорадка-безек?
Э, не разжалобишь больше меня...
Иди. Придешь на закате дня.
Если надумаешь — дам коня.

Пэрисад в ужасе убегает. Шахсултан в изнеможении садится на ступеньку крыльца. Из толпы женщин выходит Баромид. За ней семенит Сакина.

Баромид

Ты что, Сакина?

Сакина

Я к тебе, Баромид.

Баромид

Ну!

Сакина

У козы моей кровь болит.
Шерсть вылезает. Короста на ней,
Глаза я исплакала просто над ней,
Жертвой бы мне за козу эту стать.

Баромид садится рядом с Шахсултан и достает из кармана нижней юбки изюм.

Баромид

Надо, старуха, смолы достать.

Сакина

Ну!

Баромид

Ну, и смазать ей плечи и грудь.

Сакина

А мне говорили, что надо дуть.

Баромид

Можно. Кто говорил, тот прав,
Но все же немножко смолы прибавь.

Сакина

А дуть осторожно?

Баромид

Совсем как мышь.

Сакина

Спасибо, ханум.

Баромид

На! Кушай кишмиш.

Сакина

Уй, как много дала!

Баромид

Ничего.

Сакина

А где же твой сын? Не видно его.

Баромид

Тшш... Об этом не говори!

Сакина
(шепотом)

А что?

Баромид

Ушел он за край зари.

Сакина

Зачем?

Баромид

Не знаю. Но знаю то,
Что это не должен знать никто.

Сакина

А! Понятно...
(Вдруг засуетилась. Ей ужасно хочется кому-нибудь рассказать тайну.)
Прощай!

Баромид

Иди.
Так помни: мажь по плечам и груди.

На правой стороне площади, у подножья башни, Пэрисад сталкивается с Сумбатом.

Сумбат

Райская фея Пэри, привет!
Где твой жених? Почему его нет?

Пэрисад убегает. Сумбат глядит ей вслед, потом обернулся — увидел старуху Сакину.

А, это ты! Ну, как моя шерсть?
Накапливаешь?

Сакина
(робко)

Собираю, Сумбат.

Сумбат

Ага.

Сакина

Я думаю, лет через шесть...

Сумбат

Э... а как же моя тахта?

Сакина

А что Бабек говорил тогда?
Важно шерсть — не важно когда.

Сумбат

А кстати, хатун: где же сам Бабек?

Сакина

Тсс. Об этом не говори!
Ушел!

Сумбат

Тце-тце... Это что же: побег?

Сакина

Что — не знаю. Не знаю — что.
Но ты смотри, чтоб не знал никто!
(Уходит.)

Сумбат

Эге... Так-так, хоть птенчик и мал,
А все же до гнездышка доведет.
Ниточку я как будто поймал...
Семья уж, наверное, знает все.
Что ж... Побеседуем... То да се...
(Подходит к крыльцу, где сидят Баромид и Шахсултан.)
Простор и мир, золотая ханум!
Привет и тебе, Шахсултан.

Шахсултан
(сухо)

Привет!

Сумбат

Что вы такое едите?

Баромид

Изюм.

Сумбат

Дай-ка одну.

Баромид дает ему одну изюминку.

(Смеясь.)

Одну и даешь?

Баромид

А сколько ж тебе? Вот молодежь.
Дай ему ягоду — требует все.
Какая разница, что одна?
Такой, как у прочих, вкус ее.
Кислая? Острая? Сахар? Вода?
Знаешь одну — все знаешь тогда.
Зачем меня обираешь тогда?
(Встает и, собрав в подол свой изюм, уходит.)

Сумбат хохочет.

Пэрисад
(появляясь в бойнице угловой башни и вглядываясь в даль, поет грустным голосом песню)

Где ты, голубь голубой,
С белоснежной головой?
Унеси девичий вздох
Прямо в ветер гулевой...

Где ты, рыбка шамая,
Красноперая моя?
Утопи мою слезу
В пене белого ручья...

Где ты, змейка-серебро?
Сделай, милая, добро:
Укати с моей души
Горя горькое ядро.
(Рыдает.)

Сумбат
(подсаживается к Шахсултан)

Ну, что? Оставил тебя Бабек?

Шахсултан

Молчи.

Сумбат

Оставил.

Шахсултан

Молчи, Сумбат!

Сумбат

Клеткой стал ему твой ночлег.
На коврик твой не может он сесть.
Пищу твою не может он есть.
Что же тебе остается? Месть?

Шахсултан

Э, Сумбат! Это слово — гул.
Не труп мне нужен его, а любовь.

Сумбат

Да, но ведь он народ обманул!

Шахсултан

Как обманул?

Сумбат
(как бы поверяя тайну)

От погони бежал.

Шахсултан

Ах, ты про это? Никто не бежал:
К соседствующим он ушел рубежам.

Сумбат
(опешив)

А? Но зачем?

Шахсултан

Тайна, Сумбат.

Сумбат

Как? От меня?

Шахсултан

От тебя и от всех.

Сумбат

Но разве джигит языком богат?
Сплетник я? Ах, да бросьте, ханум!
Вот что: сыграем в кости, ханум:
Если шестерку выброшу я,
Значит, тайна ваша — моя.
Внимание, Шахсултан, мечу!

Шахсултан

Довольно, Сумбат.

Сумбат

Хорошо. Молчу.

Пэрисад

(мечется в башне)

Нет его... Нет. Пустынен луг...
Но он... он придет... Он почувствует, да?
Вот я зажмурюсь, открою — и вдруг
Увижу его пред собою вдруг!

Пауза.

Нет его... Скоро закат... Его нет...
Что мне делать? А тучи горят...
Вот уж заря... Нужно дать ответ!

(Озирается и видит Шахсултан и Сумбата сидящими вместе.)

Сумбат? Но о чем они говорят?
Может, решили, что я не приду?
Может, готовят ему беду?
Разве можно довериться ей...
Надо узнать! Скорее... скорей!

(Исчезает.)

Сумбат

Когда еще жив был сам Джавидан
И я у него наездником был,—
Глаз мой однажды тебя увидал
И сразу усердно тебя полюбил.
Я виннопенный,— раб я твой!
Военнопленный араб я твой!
В ухе моем — кольцо твое!
В духе моем — лицо твое!
В печени словно торчит копье...
Взгляни ж на того, кто в муках зачах,
Столько ночей не смыкая очей!
Ах, об этих моих ночах
Не прорыдает ни чанг[1], ни сааз...

Шахсултан

Ой, неправду, Сумбат, говоришь...

---

[1] Чанг — музыкальный инструмент.

Сумбат

Правду сказал я на этот раз!
Уйдем со мной! Под тень моих крыш!
Верь мне, ханум! Посмотри вокруг:
В этот день ты одна в слезах.
А кто с тобою? С тобою друг!
Были Муса, Мансур, Абдаллах...
Но кто к тебе в этот миг подошел?
Я один из них подошел!
Ах, царица! Поверь уж мне:
Если тайну доверишь мне,
Если скажешь, зачем этот зверь,
А также в какие страны ушел,—
Счастлива станешь, ханум, поверь!
В этом клянусь тебе я, Сумбат!
Все певцы в своих робайят
Тебя воспоют и твоих ребят!
Открой же тайну! Опять молчишь?
Где Бабек? Отвечай же!

Шахсултан
(оглянувшись)

Тшш...

Сумбат оглядывается и видит Пэриса;

Что делаешь, джан, втихомолку здесь?

Пэрисад

Ищу я, ханум, иголку здесь.

Шахсултан
(едко)

Игла, Белый Барс, не то, что булат,—
Она не пойдет к твоему плащу.

Пэрисад

В плаще моем было много заплат.
Иглу утерявши — ее ищу.

Шахсултан
(раздраженно)

Ты в пляске целый день, как в дыму,
Когда же это ты шить могла?

Пэрисад
(раздражаясь)

Я шила, ханум, у себя на дому;
Плясала ж, когда потерялась игла.

Шахсултан
(злобно)

Но как же сюда попала она?
Иголку ищут там, где и шьют.

Пэрисад
(дерзко)

Но там темно, а здесь луна,
Поэтому я ищу ее тут.

Сумбат

Ах ты, дерзкая! Кто ты ей? Мать?

Шахсултан
(с величавостью красивой женщины, обращающейся к менее избалованной простушке)

Ты хочешь подслушать лепет любви?

Пэрисад
(вспыхнув)

Нет! Я хочу тебе помешать
Выдать Сумбату тайны твои.

Шахсултан

Тайна моя — не тайна твоя.

Пэрисад

Тайна твоя — тайна войны.

Шахсултан
(задыхаясь)

Иди, иди! Проболтаюсь я —
В этом не будет твоей вины.
(Сумбату.)
Да, так мы говорили с тобой,
Душа моя, джан, что он далеко;
Что он задумал не просто бой,
А битву, в которой с его стороны...

Пэрисад

О Шахсултан...

Шахсултан

...с его стороны
Будут войска бардинской страны.

Пэрисад

Как ты посмела!

Сумбат

Но сам-то он где?

Пэрисад
(в отчаянии)

Молчи!

Шахсултан
(наслаждается)

А сам он, конечно, в Барде.

Сумбат

Ах, вот что!

Шахсултан

Ну, как? Довольна теперь?
Много думаешь о себе!
Думаешь, если талышский зверь,
Охотничий этот тигр, Бабек,
Охочий до женских игр, Бабек,
Тебя приласкал, то это навек?
Думаешь, если тигр — он,
То это значит — тигрица ты?
Думаешь сесть на этот мой трон?
Эй, берегись возгордиться ты!
В самую грязь упадешь с высоты.

Сумбат

Не ссорьтесь. Вы обе как луч к лучу.
Не так уже разны ваши пути.

Шахсултан

Молчи, Сумбат!

Сумбат

Молчу, молчу...
Кстати, сейчас я должен уйти.
В лавке одной для меня берегут
Ловчую птицу одну — бургут.

Пэрисад

Ты! Никуда! Не уйдешь, Сумбат!

Сумбат
(удивленно)

Ойе?!

Пэрисад

Никуда!

Сумбат

Но это смешно.
Ужель твои перси по мне болят?

Пэрисад
(краснея и тем не менее настойчиво)

Слышишь ты? Никуда не уйдешь!

Сумбат

Ай-ай-ай... Жаль — нет Баромид.
Она бы сказала: «Вот молодежь!
Сама навязывает себя!»
Увы, мой дружок... Не люблю я тебя...
Привет, привет, Пэрисад-баджи...
Поздно! Лавочку могут закрыть.

Пэрисад преграждает ему дорогу.

Пэрисад

Пока не вернутся с боя вожди —
Ты от меня, Сумбат, никуда!

Шахсултан

Вожди?

Сумбат

Ого! Ты, однако, горда!
А это видала? Это — гурда!

Ш а х с у л т а н

Вожди? Ах, вот оно что... Поняла!
Ах ты, вьющаяся юла,
В могилах лежала б твоя семья...
Ты хочешь, лукавая, чтобы Бабек
Считал тебя преданнее, чем я?

П э р и с а д

Что ты, ханум? Опомнись, ханум!..

Ш а х с у л т а н

Молчи! Извелась я от этих дум!
Мало того что, кольчугу надев
И в коннице мальчиком назовясь,
Блистала ты среди наших дев,
Мальчишеской женственностью маня.
Теперь ты хочешь унизить меня!
Перед Бабеком меня очернить!
Совсем-совсем оборвать нашу нить...
Так вот тебе! Вот!

Выхватив кинжал, она закалывает Пэрисад. В это время входит М у с а с отрядом.

С у м б а т

Эй, эй, Шахсултан!

Б а р о м и д
(издали)

Ай, что ты делаешь?

М у с а

Дикая ты!

Бегут к убитой и с криками окружают ее.

С у м б а т
(ни к кому не обращаясь)

Надо скорей бежать на мейдан... [1]
Хозяйка бы... лавочку... не заперла...
Могут перекупить орла.
(Убегает.)

---

[1] М е й д а н — рынок.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Азербайджанский город Барда, захваченный арабами. Площадь заполнена возами, образовавшими полукруг. На возвышении восседает наместник города — Аль-Бухари. Черная стража шныряет в толпе. Среди крестьян — Бабек, одетый в козью шкуру. Торговцы и разносчики обхаживают зрителей, выкрикивая свои товары.

Разносчики

— Аба! Джубэ! Плащи! Епанчи!
Аба из замши! Аба из парчи!
— Тибетский мускус!
— Гашиш! Гашиш!
— Опиум из Тибета!

Толпа

Тшш...

На середину круга выходит азербайджанский феодал Шамси-Камар, одетый в великолепные шелка. Воспользовавшись минутой общего внимания к феодалу, базарный вор подкрадывается к Бабеку и, как бы нечаянно толкнув его, ловко срывает с его пояса мешок с монетами. Затем отбегает в сторону и разглядывает добычу.

Вор
(изумленно)

Как угадать, где встретишь добро?
С виду бедняк, а в мешке — серебро!

Шамси-Камар

Бисмиллах иррахман-иррехим!
Наместник калифа в Барде-городке,
Аль-Бухари абу Ибрагим,
Устраивает состязанье певцов.
Вы видите, сколько на его зов
Прибыло из деревень возов?

Бабек

Нагайками их пригнали сюда!

Аль-Бухари
(вскочив)

Кто это крикнул? Ты?!

Старик
(испуганно)

Ай-аман!

Что вы!

Аль-Бухари

Смотри у меня, борода!

Шамси-Камар

Итак, значит, этот город Барда
Со всеми селениями его,
Приславшими жителей на торжество,
Не носит в сердце своем ничего
Против калифа. Наоборот,
С каждым днем этот пленный народ
Убеждается в том, что калиф —
Друг азербайджанских крестьян.

Бабек

Врешь,— купцов!

Шамси-Камар

Милосерд, справедлив,
Он ни в чем не препятствует нам,
Даже благоприятствует нам.
Какая же почесть вот этим стенам,
Что именно в них наш славный народ
В честь его свои песни споет!
Итак, у кого соловей в груди —
Мы просим того: на круг выходи.
Ну? Кто первый?

Мелик-Надир

Мелик-Надир.

Под барабанный бой на круг выходит азербайджанский феодал, сверкающий золотистой парчой и саазом в шелковых лентах.

Шамси-Камар

Кто второй?

Хаджи-Ягья

Хаджи-Ягья!

Барабанный бой. Входит толстый азербайджанский купец в чалме и атласной одежде. В руках у него серебряная пиколка.

Шамси-Камар

Но кто же закончит песенный пир?
Кто будет третий? А?

Бабек

Я, я!

С маленьким бубном выходит он на круг, но Шамси-Камар останавливает его.

Шамси-Камар

Ты? А где же твоя домбра?

Бабек

Вот.

Шамси-Камар

Но это же бубен.

Бабек

Ну да.

Шамси-Камар

А что за наряд? Смотри сюда!
Ты словно олово меж серебра.
Нет, чабан. Ты вот что, чабан:
Сперва забирай отсюда правей,
А там по болотной травке чакан
Иди себе прямо к сакле своей.
С песней великой не шлют посла,
Который воняет шкурой козла.

Шамси-Камар со смехом поворачивается к другим ашугам и тихо начинает вести с ними переговоры. Бабек выходит из круга.

Бабек
(усмехаясь)

Беда небольшая. Был бы с грошом:
Можно одеться и торгашом.
(Засовывает руку под козью шкуру к поясу и вдруг обнаруживает пропажу. Сокрушенно покачал головой. Задумался: что ж теперь делать?)

Разносчик

Аба! Джубэ! Плащи! Епанчи!
Аба из замши! Аба из парчи!

Бабек

Эй!

Разносчик

Чего?

Бабек

(с невозмутимым видом)

Что поделаю я?
Хотел бы, конечно, белую я.

Разносчик

Есть, хозяин. Есть, дорогой.
Вот тебе плащ.

Бабек

А он дорогой?

Разносчик

Пять серебряных. Пять, душа-джан.

Бабек

Э, дешевка... А это джубэ?
Дай-ка сюда. Это что?
(Берет джубэ и разглядывает его.)

Разносчик

Джейран.

Бабек

Какая джубэ твоему цена?

Разносчик

Цепа? Цена не больше восьми.

Бабек

А это что?

Разносчик

Это бурка одна.

Бабек

А ей цена?

Разносчик

Восемь стоит она.

Бабек

Ну, раз им обоим не больше восьми,
Раз им обоим цена равна —
Дай мне бурку, джубэ возьми.
Вот и расчет. Верно? Сполна.

(Берет у разносчика бурку и отдает ему его же джубэ.)

Разносчик

Постой, постой! Разве дело в цене?
А кто же за бурку заплатит мне?

Бабек

За бурку? Но я же отдал тебе
Равностóящее джубэ!

Разносчик

Тогда за джубэ мне заплатят пускай!

Бабек

Джубэ я не взял у тебя, хаджи.

Разносчик

Шайтан башку твою хватит пускай!
Кто же за бурку заплатит, скажи?

Бабек

Но я ведь за бурку отдал тебе
Равностоящее джубэ!

Разносчик

Но за джубэ ты не дал ни гроша!

Бабек

Но ведь джубэ я не взял, душа.

Разносчик

Но бурку, душа, ты все-таки взял.

Бабек

За бурку джубэ я тебе отдал.

Разносчик смотрит на него обалдело.

Разносчик

Ай-аман! Вот тебе на...
Бурки нет — а расчет сполна.

Бабек
(надевая на себя бурку)

Ну-ну, земляк... Я шучу, земляк.
Бурку свою получишь опять.

Шамси-Камар

Иррахман-иррехим бисмиллах!
Скучно двум певцам выступать.
Кто же третий?

Бабек

А третий я.

Шамси-Камар
(всматриваясь в него)

Тайн полны пути бытия:
Где-то я видел тебя, дитя.

Бабек

Не смотри на лицо — на бурку смотри!
Купец я. Понял? Имею лабаз
На главной улице Самарры.

Шамси-Камар

А как твое имя, скажи?

Бабек
(подумав)

Белый Барс.

Шамси-Камар

Не помню что-то... Впрочем, иди.
Люди собрания! Тишина!
Все вы сегодня в сане судьи.
Пророк сказал: «Народ — это мир!»
Итак, перед вами Мелик-Надир.

Мелик-Надир начинает свою песнь, сопровождая ее игрой на саазе. Голос у него мягкий, взволнованно печальный. Это подлинный лирик.

ГАЗЕЛЛА МЕЛИК-НАДИРА

Душа моя опалена, душа моя зажглась...
Зачем не видит звездочет созвездья твоих глаз?
Зачем не слышит саазчи, как волосы твои
Звенят под ветром и поют, как солнечный сааз?
Зачем не чувствует слепой, в твои лучи войдя,
Что он загаром золотым объят в полночный
час?
Зачем лишь я, лишь я один, все это испытал,
Без сновидения и сна на ложе сна мечась?
Не пожелаю и врагу тебя я возлюбить:
Ведь желчью дьявола покрыт твой желтый
альтабас.
Но нет! О чем я говорю? Безумец! Счастлив я,
Овитый вихрями огня и мыслями дымясь...
Когда бы ворон пролетел
сквозь твой невинный взор,
Он утерял бы черноту и вспыхнул, как
алмаз,—
Так опаленный, как и он, певец Мелик-Надир
Алмазною голубизной сияет среди вас.

Зрители одобрительно переговариваются.

П е р в ы й

Ну? Что скажешь, Мамбет?

В т о р о й

Якши.

Т р е т и й

Особенно про слепого.

В т о р о й

Да-да.

П е р в ы й

Это ашуг — богатой души.

В т о р о й

Ага.

Т р е т и й

Человек большого огня!

Шамси-Камар

Люди! Перед вами Хаджи-Ягья.

Хаджи-Ягья, подмигнув зрителям, просвистел на пиколке птичью трель и запел свои куплеты. Это — балагур и забавник.

РОБАЙЯТ ХАДЖИ-ЯГЬЯ

Я влюблен. Я онемел.
Щеки стали словно мел.
Целый день о ней вздыхал бы,
Если б... время я имел.

Трель.

Я влюблен. На сердце — ад!
Блещут тучи. Хлещет град.
Я бы ждал ее всю жизнь,
Только... долго, говорят.

Трель.

Я влюблен. Она легка,
Словно серна берг-йорга.
Превратился б я в оленя —
Одного боюсь: рога!

Толпа посмеивается. Но тут на круг выходит Бабек, прерывая песню, хлопает певца по плечу.

Бабек

Славно поешь! Не сгорая, гори!
Но что подумает Аль-Бухари?
Разве, народ мой, мы любим так?
Разве рога — это только смех?
Рога — оружие для атак!
Любовь же — не только к серне любовь:
Пламенна, неимоверна любовь,
Когда это чувство — знамя рабов.
Отойди же, Хаджи-Ягья,
Ты, бесстыжий Хаджи-Ягья.

И вот Бабек запевает песню. Это та самая песнь, которую пел он в своей горной хижине. Эта та самая, которую пел народ, чествуя свадьбу Бабека. Бабек поет. Бубен ходит в его руках, угрожая и рокоча, как рассерженный беркут. Голос у Бабека глух. Но это голос вождя.

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ БАБЕКА

Ты не пой по горам, вода!
Опаленный ветер, остынь!
Будь безмолвнее, чем всегда,
Серебристая ночь пустынь!
Не качай оперением, тис,
Белый дым костра, опустись!
Не шурши, не свисти, змея,
Чтобы слышалась песнь моя!

Угнетатели ночью спят.
Угнетателей не проймешь.
Угнетенные копят яд...
Угнетенные точат нож...
Так бывало из века в век:
Угнетенный велик человек!
То, что было множество раз,
Повториться может сейчас.

Если я найду свой конец,
Не успевши знамя поднять,—
Ты забудь меня, мой отец,
Ты забудь меня, моя мать...
Даже ты забудь, о жена:
Ты другому будешь нужна.
Но, свершив погребальный обряд,
Не забудет меня мой брат.

Он уйдет в ущелье, рыча,
Он покинет и мать и жен.
Он сверкнет голизной меча,
С дымом вырвав его из ножон.
Он зажжет на горе костер —
И откликнется наш простор!
И джигиты в его дыму
За свободой пойдут к нему.

Так не плачьте, друзья, во мгле!
Подымайся, кто молод и зол:
Если тень орла на земле,
Значит, близок этот орел!
Верь в него, не видя его!
Больше я не скажу ничего:

Золотая узда — коротка.
А златая песня — кратка.

Аль-Бухари
(вскочив)

Он! Он! Я знаю его!

Шамси-Камар

Но кто это «он»?

Аль-Бухари

Это он! Схватить!

Бабек

Назад! Не дразните меча моего!

Ринувшаяся было на него стража замерла при виде мастерски свистящей сабли Бабека.

Эй, разносчик! Возьми свою заморскую бурку! Сейчас я уже могу обойтись своим азербайджанским козлом. Принимаете ли меня таким, люди города Барда? Я — Бабек!

Толпа

— Принимаем, Бабек!
— Жертвой твоей хотим мы стать, джан Бабек!

Крики восторга. Крестьяне окружают Бабека, целуют ему руки, обнимают его.

Вор

Бабек! Повесь меня за ребро:
Я украл твое серебро!

Народ

— Славься, Бабек!
— Не сгорая, гори!

Вор
(протягивает Бабеку мешок)

Бери, Бабек! Обратно бери!

Бабек

Не надо, человек. Пусть этот мешок остается твоим: его серебро — слишком ничтожная награда за твое золотое сердце.

Аль-Бухари

Зачем пришел ты сюда, Бабек?
Этот город навеки мой!
Не увеличивай в нем калек.
Если ты любишь этот народ,
Не создавай же новых сирот.
Я дам тебе стражу до самых ворот:
Там будет конь и вьючный осел.
Уйди туда, откуда пришел.

В толпе волнение.

Бабек

О джепаб-э-эли! Милосердие твое равняется дружелюбию твоему. Хотел я поднять этих людей на восстание, но — конь хорошо, а вьючный осел еще лучше! Хотел я сказать им, что стяг мой — это конец делению мира на «мое» и «твое»; что стяг мой велит женщине быть равной мужчине, а мужчине — ангелу, свергающему аллаха, ибо истинный бог — это огонь, дарователь жизни, отчего и стяг мой — красен.

(Вынимает из-за пазухи ленту. В его руках она оживает, как язык огня.)

Хотел еще сказать, что стяг этот будет пожаром для арабских шейхов, но мирным очагом для азербайджанских крестьян.

Аль-Бухари

Слушай, ты! Говорливый чиж!
Ведь ты же все это им говоришь!

Бабек

Э, нет! Не говорю я этого, Бухари. Но каюсь: хотел сказать. Однако милосердие твое вырвало знамя из рук моих.

(Бросает ленту к ногам Аль-Бухари.)

Но, прежде чем уйти, хочу быть свидетелем высшего торжества твоего. Что толку в песнях ашугов, Аль-Бухари? Ашуг — один. Если их трое — это три раза один. Иное дело — народ! Эй, люди собрания! Споем песню великому шейху, который мог бы раздавить меня, но дает мне уйти. Душа ищет удачу, как нищий монету. Великий шейх помог мне найти ее. Я начну песню, жители. Когда же взмахну бубном, воскликните все, как один, великолепное имя владыки вашего: «Бухари».

Толпа явно недоумевает.

Бабек

Кто сияет, как алмаз?

Толпа молчит.

Шамси-Камар

Бухари!

Бабек

Кто наместникам у нас?

Шамси-Камар

Бухари!

Бабек

Кто приемлет нашу дань?

Шамси-Камар

Бухари!

Бабек

Настоящая ты дрянь...

Толпа
(сразу все поняв)

Бухари!

Хохот.

Бабек

Коль овца дала приплод —
Штуки три,
Кто за ними к вам пришлет?

Народ

Бухари!

Бабек

Старушонка наскребла
Сухари,—
Кто смахнет их со стола?

Народ

Бухари!

Бабек

Вашу дочку увидав,
Цвет зари,
Кто взлетает, как удав?

Народ

Бухари!

Бабек

Кто задумал нашу рать
Покарать?
Кто злодей наш, говори.

Народ

Бухари!

Аль-Бухари вскакивает, делает знак. Арабская стража, феодалы и купцы в испуге сплачиваются вокруг него, обнажив кинжалы и сабли.

Бабек

Долго ль нам творить намаз
Подле вас:
«Вы — сверканье! Вы — алмаз,
Бухари» —
Пусть же каждый, кто джигит,
Зарычит:
«Вон отсюда, алчаг-ыт [1],
Бухари!»

Народ

Вон! Вон отсюда! Во-о-он!!!

Вздев на свой меч брошенную им алую ленту, Бабек ринулся в строй стражи. Народ с оружием бросается за ним. Восстание началось.

---

[1] Алчаг-ыт — презренная собака.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Замок Аль-Бадд. Угол башни. За стенами — сигналы арабских труб. Далекое ржание коней перекликается с близким рыданием верблюдов. Осажденные разводят костры.
Ночь.

М у с а

Прошу я тебя, Шахсултан-сестра:
Поддерживай дым своего костра.
(Идет дальше.)
Бабушка-джан! Ты жива?

Б а р о м и д

Жива.

М у с а

Как твой костер?

Б а р о м и д

Горит мой костер.

М у с а

Ты будешь, ханум, поддерживать два.

Б а р о м и д

Можно два. Можжевельник давай.
Хворост и сизый ельник давай.

М у с а

Дам, все дам.
(Идет дальше.)

Г ю л ь н а р а

Геймят, смотри!

Г е й м я т

А что?

Г ю л ь н а р а

Два костра взяла Баромид.

Г е й м я т

Да? Захочу — возьму себе три.

Айшэ

Эй! У тебя и один не дымит.

Геймят

(увидев Мусу, оставляет костер и подбегает к нему)

Муса! Слыхал? Спускаются с гор!

Муса

Слышу, слышу Ты знай свой костер.

В это время с башни на веревке спускается Даудиях. К нему сбегаются Мансур, Сулейман, Джамшид, Абдаллах и другие джигиты. Подходит Муса.

Даудиях

Простор и мир.

Мансур

Дауд!

Сулейман

Дауд!

Муса

Ну, как там с помощью?

Даудиях

Помощи нет.

Муса

Как? Почему?

Даудиях

Ничего не дадут.
Феофил был не прочь, но нечем ему...
Сам боится попасть в кутерьму.
К тому же сынок его, Феофоб,
Императором провозглашен.
Старик на него раздувает зоб,
Но войско держится за сынка...
Словом — там не до нас пока.
А как арабы? Идут?

Муса

Идут.

Даудиях

А где Бабек?

Муса

Ушел Бабек.

Даудиях

Как ушел?

Муса

Скоро будет тут.

Даудиях

А сколько осталось бойцов?

Муса

Отряд.
Я для того и велел сейчас
Зажечь двенадцать костров подряд,
Чтобы казалось, что много нас.

Вдруг раздается крик ночной птицы.

Мансур

Лунь.

Даудиях

Это не лунь.

Муса

Молчи.
Откуда был крик?

Мансур

Из башни, Муса.

Муса

Ага. Хорошо. Навострите мечи!

Мансур

Разве это не крик луня?

Муса

Нет... Это он... Он ищет меня...

Идет к башне, глядит вверх,
но Бабек появляется из нижнего пролома.

Бабек

Муса!

Муса

Бабек... Ты здоров, Бабек?

Бабек

Муса, готовь отряды твои.
Я слышал в горах скрипенье телег.
А? Понимаешь? Это Афшин.
Везет тюмены осадных машин.

Муса

Гм... Что же делать?

Бабек

Этот твой дым
Пусть поддерживает меньшинство.
Афшин за холмом уже. Надо самим
Как можно скорей напасть на него.

Муса

На каждого нашего — там по пяти!
Напасть... Да и плох я на скакуне.
Раз ты здесь — ты сам нападп.

Бабек

Ясно. Ясно.

Муса

А что Барда?

Бабек

Было, как надо. Наша орда
Вышла за мной. Но за городом вдруг
Мы оказались в военном кольце.
Куда ни посмотришь — арабы вокруг,
Афшин сомкнул северян и южан.
Кто-то предал Азербайджан.
Кто-то им обо мне донес.
Стой... Вы слышите пенье колес?
Давай, Муса! Живей, живей!
Внуков зови, зови сыновей:
Чуть зазеваемся — нас поразят.
Где Баромид?

Муса

Вон Баромид.

Бабек

А где жена моя — Пэрисад?

Муса
(вдруг)

Откуда я знаю? Я глух и нем.
Не евнух я. Не хожу в твой гарем.

Бабек

Ну, хорошо. А сердиться зачем?

Муса

Зачем пристал? Не евнух я.
Не знаю о ваших царевнах я.
Слыву стариком среди древних я.
(Уходит.)

Бабек

Что такое? Какой чумной...
Ана-джан!

Баромид

Сыночек мой!
Здоров ли ты? Не сгорая, гори!

Бабек

Здоров, здоров. А где же Пэри?

Баромид
(притворно)

Да, а где же она?
(Зовет.)
Пэрисад!

Бабек

Нету.

Баромид
(вдруг)

Зачем на меня кричишь?
Самый худший из поросят!

Бабек

Я? Кричу?

Баромид

Ведь я тебе мать!
Разве можно на маму кричать?
Разве так учу я тебя?
Иди себе! Не хочу я тебя.

Бабек

Что с тобой? Ты — мой свет при луне!
Каждое слово — пословица мне!
Что же с тобой?

Баромид

Нездоровится мне...
(Отходит к костру.)

Бабек

Что такое случилось у них?
Не узнаю ни друзей, ни родных.
Эй, Шахсултан!

Шахсултан

Бабек?

Бабек

Шахсултан!
Да будут шелком косы твои...
Странный какой-то стал этот стан.
Не узнаю ни родных, ни друзей.
Скажи мне, ханум,— я послушаю; эй!
Не видела ты невесты моей?

Молчание.

Что ж ты молчишь? А? Говори,
Где, наконец, золотая Пэри?

Молчание.

Э! И тебя я не узнаю!

Шахсултан

Убита она...

Бабек
(потрясенный)

Убита? В бою?

Шахсултан

Под платаном зарыта она.

Бабек

В каком же бою убита она?

Шахсултан

Ах, Бабек... Лишена я сна...
Голод мой — еды не берет,
Сокол мой — следы не берет...
Повешусь я у твоих ворот...

Бабек

Скажи мне что-нибудь.

Шахсултан

Что мне сказать!
Вот любовь — и вот я, Шахсултан!
Думала быть я тебе как мать,
Но страсть надо мною как шах и султан!
Глаз не смыкала я о тебе...
Желчь ходила, как знамя в бою.
Нет! Погибла она не в борьбе,—
Я убила невесту твою!

Бабек

Ты!

Шахсултан

Я! Ну, что ж ты замолк?
Лежит она... Не подымает век...
Я загрызла ее, как волк,
И не жалею об этом, Бабек.

Бабек
(хрипло)

Где находится этот платан?

Шахсултан

Какой? Где зарыта она?

Бабек

Да, да!

Ш а х с у л т а н

Слушай... Ты слышишь? Я, Шахсултан,
Убила невесту твою — и горда!

Б а б е к

Где... платан?

Ш а х с у л т а н
(стискивая руки)

Но зачем он тебе?

Б а б е к
(рыча)

Платан!!!

Ш а х с у л т а н

У воды... На тигриной тропе.

В о и н ы

— Арабы, арабы!
— Идет Джафар!
Где же Бабек?

Б а б е к

Коня!

М у с а

Коня...

К Бабеку подводят коня.

Дуйте в трубы. Побольше фанфар!

Г е й м я т бежит от костра к мужу своему — Мансуру.

Г е й м я т

Мансур!

М а н с у р

Геймят...

Г е й м я т

Дай мне свой рот!
Зачем, зачем он тебя берет?

М а н с у р

Я сам иду.

Геймят

Уйди от него!
Я буду ждать тебя у ворот...

Мансур

Молчи.

Стоят обнявшись. Айшэ подбегает к Даудияху.

Айшэ

Дауд!

Дауд

Родная моя!

Айшэ

Не оставляй его одного...
Дай мне твой лоб... подбородок... рот...
Твой меч... Твою правую руку... Твой дрот...
(Осыпает его поцелуями.)

Бабек
(вскакивая в седло)

Все мужчины — за мной!

Муса

Вперед!

Бабек молча и угрюмо выезжает за башню.
Воины идут за ним.

Баромид

Ну? Сказала ему?

Шахсултан молчит.

Что же он?
Плакал хотя бы? Ругал тебя?
Плохо мужьям от любящих жен!
Сама понимаешь: после всего
Надо б тебя на месте убить!
Но раз, Шахсултан, ты любишь его
Так, что могла невесту убить,—
Что же он может? Совсем ничего.
Сама понимаешь. Как ему быть?

Между тем женщины взлезают на стену,
чтобы наблюдать за сражением, хотя нет никакой надежды
увидеть что-либо в темноте.

Сакина

Эй, Баромид!

Баромид

Это ты, Сакина?

Сакина

Иди скорей... Смотри: огоньки!
Скорей!

Геймят

Как сыплется эта стена!

Сакина

Пустите! Это Бабека мать.

Айшэ

Иди, Баромид!

Геймят

Садись вот тут.

Гюльнара

Здесь можно, ханум, кое-что услыхать.

За стеной гремит топот удаляющейся конницы.

Баромид

Слышала топот? Это Бабек!

Сакина

Ну? Откуда ты знаешь?

Баромид

А кто ж?

Гюльнара

Да будет Азербайджану успех!

Айшэ

Да отлетит боевая стрела
От сердца Бабека и от чела!

Баромид

А глаз? А горло?

Айшэ

Тоже пускай!

Сакина

От всяческой его кожи пускай!

Вдруг раздается птичий гам и хлопанье тяжелых крыльев.

Геймят

Слышите — крылья? Птицы летят!

Баромид

Это они вспугнули дроф.

Айшэ
(вслушиваясь)

Туда, куда ходим напиться, летят...

Молчание. Потом отдаленный вой раненого зверя.

Геймят

А это что?

Баромид

Это тигр.

Сакина

Ну?!
Значит, они уже в джунгли вошли.

Гюльнара

Ах! Кто выдумал эту войну?

Геймят

Ай, как воет...

Айшэ

Визг, а не вой.

Геймят

Еще чего?.. Разве тигры визжат?

Баромид

Наверно, наехали на него.

Айшэ

Очень, наверно, недужно ему...

Геймят

Э, Айшэ! Так и нужно ему...
Наелся, наверно, баранины он.

Баромид
(строго)

Молчи, Геймят! Первый раненый он!
Может, сейчас и твой джигит,
Пробитый стрелою, вот так визжит.

Женщины подымают отчаянный крик.

Тише, женщины! Что за гам!

Геймят

Там же мой муж!

Баромид

Подумаешь — муж!
Сын мой там. Весь народ наш там.

Женщины затихают.

Только слышно, как всхлипывает Геймят.

Гюльнара

Бедный тигренок... Как он ревет...
Жертвой мне за него бы стать.

Геймят

Так и быть — пусть баранину рвет!
Разве мало у нас овец?

Гюльнара

Пусть дерет, дорогая хапум,—
Ему ничего не скажет отец.

Вдруг далекое душераздирающее предсмертное ржание. За ним другое... третье...

Сакина

Ай-аман! Это бой...

Айшэ

Бой?!

Геймят
(дико)

Отдайте мужа мне моего!

Баромид

Э, хатун! Что такое с тобой?

Геймят

Мужа отдай!

Баромид

Сила вражия ты!
Видишь, всех взбудоражила ты...

Геймят

Мужа!!!

Баромид

Накличешь бе́ды на нас!
Женщины! С битвой победною вас!
Камень в полбатмана мой
Четвертушку весит сейчас.

Сакина

Откуда ты знаешь?

Баромид

Затихло у них:
Значит, наши их стали гнать.

Айшэ

Ой, Баромид... Боюсь, что нет...

Б а р о м и д

А что?

А й ш э

Не слышишь? Топот опять!

Г ю л ь н а р а

Все ближе!

Г е й м я т

Пропали светлые дни!

Б а р о м и д

Что ты, что ты? Джигиты они...

Топот быстро приближается к крепости.

Ж е н щ и н ы

Разбиты они... Разбиты они!

Крики, вой, исступление ужаса.
Вбегает Б а б е к с седлом на плече. За ним д ж и г и т ы.

Б а р о м и д

Ай, Бабек! Что делать, скажи?

Б а б е к

Возьми арбу свою, арабаджи [1],—
Мать мою отвезешь туда,
Где старая сакля наша стоит.
А я, ана-джан, ухожу.

Б а р о м и д

Куда?

Б а б е к

Куда же еще? К румийцам пойду,
Как-нибудь поправим беду.
Прощай, ана-джан моя.

---

[1] А р а б а д ж и — возница.

Баромид
(обнимая его)

Счастлив будь.

Бабек

Айда, айда... Поскорее в путь.

Джигит и старуха уходят.

Шахсултан

Ну? А со мной не простишься, Бабек?

Бабек
(вздрогнув)

Не обращайся ко мне, ханум...
Есть у арабов храм — Баальбек.
Знаешь, наверное? Кровли там
Не уступают нашим горам.
Такой же был в моем сердце храм,
Но злоба твоя смыла его!
Теперь это сердце — могила его.
(Уходит.)

Афшин
(появляясь на стене)

Вон Бабек! Я видел: Бабек!
Джафар-ага! На берег бег,
Иначе он спасется вплавь!
Аль-Бухари! Навстречу правь
Своих коней! А ты, Сумбат,
Ищи наложницу свою!
Его дальнейшую стезю
Узнай у ней.
Набат, набат!

Бьют в медные барабаны.
Афшин исчезает.

Сумбат
(увидя Шахсултан)

Постой! Это кто? Ойе! Это ты?
Благословенье моей нищеты.
Благодаренье твоей судьбе...

Шахсултан

Молчи, Сумбат. Я слышала все!
Ни-че-го не скажу я тебе.
Последний ты из последних ты!
Поклялся мне, что не сплетник ты,
Но оказался изменник, Сумбат.

Сумбат

О ханум...

Шахсултан

Из-за денег, Сумбат.
Ах, разве предал бы нас Бабек?!

Сумбат

А кстати, где он сейчас, Бабек?!

Шахсултан

Где Бабек и в какую из стран
Думает удалиться сейчас —
Все это знает Шахсултан,
Но никогда не узнает Афшин.

Сумбат

А мы в колодец бросим тебя,
Ведьма такая... Двукосый джинн...

Шахсултан

Все равно я тебе не скажу,
Хотя б изорвали тело мое.
Только одно я тебе скажу
(Но это совсем уже дело мое):
Там, у ручья, на тигриной тропе,
Старый-старый платан растет.
Только это скажу я тебе:
Нет Бабека подле него,
Не узнаешь о нем ничего.
Но если... он... ползя по кустам...
В этот час... окажется там —
Бери его, враг мой, к нашим врагам!

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Крепость Самарра в Месопотамии, резиденция Афшина Хардара ибн Кауса. Мост через арык на Мечетной площади. По ту сторону его — толпа, на мосту — стража, по эту сторону — огромный черный крест, на котором распят Бабек. Он зашит в шкуру вороного быка. Голова его стиснута съежившейся на солнце бычьей мордой с огромными рогами. Лицо окровавлено. Перед ним на оттоманке, покрытой иранскими коврами, возлежит Афшин. На левой руке его — попугай.

Аль-Бухари и Джафар с арапниками расхаживают по берегу арыка. Бабек тихо поет.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЕСНЬ БАБЕКА

Азербайджан! О тебе пою!
Голос твой, как воду, я пью.
Солнце мое ты, Азербайджан,
Сердце мое ты, Азербайджан,
Горный венец мой, Азербайджан,
Кровный отец мой, Азербайджан!
Ты моя роза и мой соловей;
Душу мою дыханьем овей,
Горе мое дуновением свей.

Азербайджан! Ты сердце мое.
Азербайджан! Ты солнце мое.
Дай мне силу все перенесть,
Не уронить перед смертью честь,
Сыном твоим возлюбленным быть,
Стоном тебя
не оскорбить,
Не замечать своих алых ран!
Азербайджан... Азербайджан...
(Беззвучно рыдает.)

Толпа

— Бабек...
— Бабек!
— Какой Бабек?
— Тот самый, да?
А вдруг не тот?

Старик

Он сына моего рассек,
Убийца!

Голоса

— Йаҳ! А вдруг уйдет?
— Ведь, говорят, он просто зверь...

Старик

Кровавый тигр! Изувер!
Убийца сына моего!

Женщина

Зачем ругаете его?
Ну, кто был сын твой?

Старик

Кто? Мулла!

Женщина

За что убит?

Старик

Да ни за что!

Женщина

А может быть, вина была?
Святым Бабек не делал зла.
Я это знаю хорошо.

Краснобородый

Во всяком случае, друзья,
Уж если правду говорить,
То наши милые князья
Такую показали прыть,
Что рядом с ними этот зверь
Козленком кажется, поверь!

Молодой араб

Еще бы! Этот Бухари
(Дай только ухо, аксакал)
Из чашки с кровью пузыри
Через соломинку пускал.

Старик

Неправда!

Молодой араб

В городе Бардс!

Голоса

— Какой он?
— Покажите!
— Где?

Женщина

Ну, а Джафар?

Одноглазый

Хо-хо! Джафар!
А ну-ка, провези товар,
Когда он, сделавши намаз,
Часок катается верхом!
В пыли я был за ним влеком...
Вы видите на нем алмаз?

Краснобородый

Ага.

Одноглазый

Теперь смотри сюда!
Ты видишь: глаза нет?

Краснобородый

Ну да.

Одноглазый

За то, что нищ я был пред ним,
Он, тихим гневом разгорясь,
Вот этим камнем дорогим,
Как лекарь, вырезал мне глаз.

В толпе возгласы удивления и ужаса.

Краснобородый

Уж если правду вам сказать,
То, может быть, один Бабек
И был тот самый человек,
Который мог их наказать.

Женщина

Да, да!

Молодой араб

Клевал их, как стерво!

Краснобородый

За что же нам ругать его?
Кто враг моим врагам, друзья,
Тому и другом буду я.

Сумбат выходит на мост в сопровождении двух трубачей. Они дают сигнал, требующий внимания. Толпа затихла.

Сумбат

Люди города Самарра!
Вот перед вами — Черный Бабек.
Но не пугайтесь! Сегодня с утра
Мы, заковавши в корале[1] его,
Кожу его содрали с него!

Голоса

— Содрали?
— Кожу?
— Но к чему?
— Не много ль и того ему,
Что он повешен на кресте?
— Вот так свирепствует Афшин.
Он так свирепствует везде!
— Вы сами звери!
— Грех на вас!
— Да будет проклят этот князь!!

Сумбат

Люди города Самарра!

Народ

— Гиена ты!
— Разбойник!
— Джинн!

Сумбат

Люди города Самарра!
Вас ожидает торжество!

[1] Кораль — загон для скота.

Взявши кожу и косы его,
По его образу мастера
Чучело набивают сейчас!
Чучело это в вечерний час
(Такое увидите только во сне)
По кафельной площади Абудилиф
Проедет на африканском слоне.

Толпа

— Ойе!
      — Не надо!
            — Не хотим!
— Вы издеваетесь над ним.
— Давай слона!
            — Слона давай!
— Не нужно нам слона!
                  — Слона!
— На лысину твою слюна,
Стервятник ты!
            — Могильный гриф!
— Снимите бедного с креста!
— Арабы, эй! Займем места.
На площади Абудилиф...
— К Абудилиф!
            — К Абудилиф!

Толпа хлынула на площадь.
Вдруг Сумбат, пронзенный стрелой, падает.
Джафар врывается в толпу, размахивая арапником.

Джафар

Кто застрелил его?

Афшин
(свирепея)

            Джафар!
Карай любого! Вон того!
Вот этого! Карай его!
Арапником карай!

Толпа
(дразня Афшина)

            Кар-кар!

Афшин

Арканом и в сарай, Али!

Толпа

— Кар-кар...
— Что делаешь, сакал?
— Воронья кость!
— Позор земли!
— Шакал, шакал, шакал, шакал!

Джафар и стража, нанося удары по толпе, вытесняют народ с площади.

Афшин

Но где цирюльник? Брадобрей!
Аллаха нынче я добрей.
Потешь же мастерством меня
(Тебя я златом воспою) —
Вплети-ка в бороду мою
Три волоса его коня,
Потом, косицу заплетя,
Ты за́ ухо ее конец
Заложишь.

Цирюльник

О, якши, наш отец!

Афшин
(Бабеку)

Ну как, Бабек, мое дитя?
Как ты находишь Самарру?
По нраву ли она иль нет?
В ней что ни дом, то минарет,
Что ни лужайка — то мечеть. .
Проигрывающим игру
В ней так отрадно умереть.

Бабек молчит.

Молчишь? Тебе не до потех?
В плену, конечно, не житье...
Но где твой юмор? Где твой смех?
Где остроумие твое?

Бабек
(глухо)

Мой смех, араб, такая броня,
Которую ножичком не сковырнешь.

Когда обдирали ногти с меня,
Разве, араб, не смеялся я?

Афшин

Смеялся, да... Но отчего ж
Ты так уныл, вися дугой?
Ты не нашел ответа вдруг
На эти минареты, друг,—
Ведь это ж слабость, дорогой.

Бабек
(тяжело дыша и улыбаясь)

О собеседник! Аллах виарды!
Что в минарете хорошего есть?
Берется колодец, где нет воды,
И выворачивается ввысь.
Такие бы и у нас нашлись,
Если смотреть не вверх, а вниз.

Афшин
(вскочив)

Чудо! Страшный ты человек!
Истинно: смех всегда при тебе.
Однако вот что скажи, Бабек:
Ты, который увидеть смог
В черной пропасти сквозь дымок
У араба один волосок,—
Как же ты, мой опал, Бабек,
У платана тигриной тропы
В бабьи тенета попал, Бабек?
Разве это достойный конец?

Бабек

Если б я умер, не повидав
Тени платана того, наконец,
Был бы, дженаб-э-эли, ты прав.

Афшин
(иронически)

Итак, ты доволен?

Бабек
(превозмогая боль)

Доволен, Афшин...

Афшин

Страшный ты человек, Бабек,—
Карлик я у твоих вершин...
Ты и без кожи, как на меху,—
Унизить тебя никак не могу.

Бабек не отвечает.

Проклятье! Засыпает он!
Аль-Бухари! Давай флакон,
Который, как сказали мне,
На время воскрешает дух.
Желаю я, чтобы мой друг
Себя увидел на слоне.

Аль-Бухари

Но как, однако, он силен!
Он сам, собака, точно слон,—
Не охнул даже.

Афшин

Ничего!
Я вырву из души его
Не только вздох, не только стон,
А вой! Рыдающий! Со дна!
Есть новость у меня одна...
Ему понравится она.
(Задумчиво.)
Я кожу с лютого содрал,
Кровинки выварил в коралл —
Они, украсив мой наряд,
Как ожерелие, горят...
Уже, как мертвый махаон,
На этот крест наколот он...
Рога надел я на него!
Как будто больше ничего
Тут не придумаешь.
И все ж
Мутит меня моя алчба!
Его казню я, как раба,
А он парит, парит, как вождь,
Раскинув руки — два крыла —
Подобье горного орла!

Нет... Эта месть нехороша...
Что тело? Тело только прах.
Нужна душа его! Душа!
И страх... Великолепный страх.

Бабек приподымает голову.

Вот и очнулся, друг мой Бабек.
Добрый вечер! Ну, как спалось?
А кстати, ага: без моих опек
Ты бы, пожалуй, умер уже!
Не помогает юмор уже:
Черные думы в твоей душе.

Бабек

Нет... Я счастлив...

Афшин

Но почему?

Бабек приподымает голову.

Бабек

Весь пастушеский Азербайджан
Завидует концу моему.

Афшин

Завидует? Этой твоей красоте?
Но кто согласится, друг мой Бабек,
Вместо тебя повисеть на кресте?

Бабек
(с трудом)

Когда я скачу... на диком... коне...
При ком даже ветер... только... стерво...—
Все пастухи... завидуют... мне...
А кто согласится сесть на него?

Афшин

Ну, и упрям ты. Как твоя мать.
А кстати, должен тебе передать:
Мама-джан твоя, Баромид,
В горло себе воткнула нож.
Даже труп ее неомыт —
Так и валяется в сакле.

Бабек
(спокойно)

Врешь.

Афшин

Но как докажу я тебе, Бабек?

Бабек

Врешь ты все, длинноухий ишек:
Если б убила себя ана-джан,
Для страшного дела такого, араб,
Не осквернила б она кинжал:
Кто его купит после того,
Как с трупа старухи взяли б его?
Э, араб! Это надо знать —
Не портит вещей моя нищая мать.

Афшин

Верно, ага. Остер твой глаз,
Но ум твой даже и глаза острей!
Все расскажу я тебе сейчас:
Точность твою я хотел испытать.
Вот как убила себя твоя мать:
Она перерезала горло серпом.

Бабек

Врешь. Без ручки был он у нас.

Афшин

Но с ней одна мелочь случилась потом:
Без ручки был этот серп, ага,
И это, наверно, сердило ее.
За самую сталь держалась рука,
Мизинец же вылез на острие.
Но так как ей было мизинца жаль,
То, в горло свое погружая сталь,
Она мизинец приподняла!
Очень опрятной она была.
Эй, Бабек!
Без памяти он...
Подай-ка снова тот флакон,
Аль-Бухари! Он мать узнал...

Джафар

Однако ловко он сказал
Про тот кинжал...

Аль-Бухари

Но где же вой?
Истошный? Волчий? Горловой?
Кровавой полный густоты?
Тот самый вой, который ты
Нам обещал? Его пока
Не слышу я, Афшин-ага.

Афшин
(раздраженно)

Еще услышишь, Бухари!
Сейчас зажгутся фонари!
На площади Абудилиф...
И медленно, как страшный сон,
Появится под башней слон,
Подобный шахматной туре...
И если бедный малый жив,
То он увидит на одре
Свои же похороны, свой
Чадящий факел гробовой.
Свою же собственную тень,
Плывущую в пустую сень
Небытия. Держу пари:
Услышишь ты не только стон —
Визжать, как куцик, будет он!
Ты визг услышишь, Бухари!!

Джафар

Очнулся он, Афшин-ага.

Афшин

Да-да... Прекрасно...

Джафар

Но боюсь:
Ему до смерти полшага.

Афшин

Цирюльник, эй! Траву ярпуз!
А ты, Джафар, устрой над ним

Прохладный ветер опахал.
Аллах алиф! Аллах керым!
Трубу слона я услыхал...
Арабы ждут... Взошла луна...
Пора бы выводить слона.

Аль-Бухари

Слона выводите!

Голос с мечети

Слона!

Голос в отдалении

Слона!..

Афшин
(подходя к Бабеку)

Ну, Черный Тигр! Пред смертью своей
Увидишь чудо: собственный труп!
Зрелище, правда, не для детей,
Но все-таки громко ты не кричи...
Вместо тебя пусть кричат бирючи.
Джафар!

Джафар

Я здесь.

Афшин

Осмотри заслон.

Звук трубы.

Слышите? Выступает слон!

Все замирает в напряжении. Хрипение труб все ближе, ближе... Вот уже выбегает толпа мальчишек.

Мальчишки

— Чучело, чучело! Ай-ай-ай!
— Куда уезжаешь, чучело?
— В рай!
— А где твой рай?
— Бараний сарай!

Появляется слон с чучелом Бабека.

Афшин

Ну как, Бабек? Доволен ты?
И все ли видно с высоты?

А правда — замысел неглуп?
Перед тобою твой же труп:
Твоя коса, твое лицо...
Не скрою, друг мой, я б желал
Теперь услышать хоть словцо.

Шум толпы вдруг обрывается. Слон движется в совершенной тишине. Время от времени коротко воют трубы.

Бабек

Как этот слон среди малых ребят
В звонках и кистях дибаджи [1] идет,
Так правда моя, о которой скорбят,
По черной земле среди лжи идет.
Хотел ты сраму предать меня...
Так отчего же стихло вокруг?
За зрелище думал продать меня —
Зачем же, араб, зеленеешь вдруг?
Или ты понял, о славный эмир,
Что поняли все в этот страшный миг:
Враг твой нес им простор и мир,
Освободителем был он для них.

Афшин

Ложь!

Бабек

То не птицы крячут, Афшин:
Это девицы плачут, Афшин...
Это мужи застонали о том,
Что некому сладить с твоим кнутом...
Это старухи взвыли про то,
Что их без меня не спасет никто.

Афшин

Ложь!!

Вокруг слона плач, стон, рыдания.

Бабек

Ты все понимаешь сам:
Чей же позор это? Чей это срам?

Афшин
(бешено)

Остановить! Аль-Бухари!

---

[1] Дибаджа — покрывало.

Останови слона... Скорей!
Джафар!

Аль-Бухари

Назад, поводыри!

Афшин

А этих джиннов и зверей
Гоните прочь!

Аль-Бухари

Толпу долой!

Джафар

Все по домам!

Стража

Домой, домой!

Афшин

Но что же воют трубачи?
Назад, собаки!

Аль-Бухари

Трубы, эй!

Афшин

А слон стоит... Он все стоит...
Халиф узнает. Боже! Стыд!
Джафар! Убей его... Убей!!

Джафар стреляет в слона из лука. За ним стража спускает целые колчаны стрел. Слон стоит неподвижно. Бабек начинает смеяться. Чем больше стрел летит в слона, тем громче смеется распятый. Афшин осатанело подбегает к нему. Маленький, пузатенький, глядя снизу на высоко подвешенного Бабека, он топает ногами, но от этого становится еще меньше.

О, этот хохот... За-мол-чи!!!

Бабек хохочет.

1940

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем томе представлены ранние драматургические произведения И. Сельвинского: «Командарм-2», «Пао-Пао», «Рыцарь Иоанн» и «Орла на плече носящий». В этих пьесах, как и во всей драматургии И. Сельвинского, отчетливо обнаруживается стремление автора к глубинному историческому осмыслению судеб и характеров героев, к психологическому раскрытию их образов.

Командарм-2 (стр. 5).— Трагедия написана в 1928 г. Впервые напечатана в журн. «Молодая гвардия» (М. 1929, №№ 7—8, 9, 10). Отдельным изданием вышла в 1930 г. в ГИЗе (М.—Л.).

В «Литературной газете» (30 сентября 1929 г.) И. Л. Сельвинский писал о том, что в «Командарме-2» он видит «проблему вождя и массы, проблему идейного самозванства, проблему технологии и поэтизма...».

Истинная революционность Чуба во имя всеобщего блага и псевдореволюционность Оконного во имя честолюбия и своекорыстия — идейный узел трагедии, определяющий ее характеры и сюжет.

Появление пьесы сразу же привлекло внимание литературной и театральной общественности. Заинтересовался ею и выдающийся режиссер того времени Вс. Мейерхольд, осуществивший ее постановку в театре, носившем его имя.

«...Я схватился за эту пьесу, потому что она дает возможность проветрить воздух на сцене, мы наконец получили совершенно изумительный язык. У нас нет трагедий,— здесь есть попытка создания трагедии, это настоящая трагедия»,— говорил он о «Командарме-2» на художественно-политическом совете театра 4 марта 1929 г. Премьера трагедии состоялась 24 июля того же года в Харькове.

При подготовке пьесы к постановке она вызвала большие споры, длившиеся на протяжении четырех заседаний и продолжавшиеся после ее постановки на страницах печати. Среди участников обсуждения были А. В. Луначарский и В. В. Маяковский, который решительно высказался в пользу ее постановки.

Руководитель театра предлагал автору основательно переработать пьесу. «Наш театр,— говорил В. Э. Мейерхольд,— более решительно, чем это сделал автор, выдвигает симпатии актеров, уча-

ствующих в спектакле, на сторону Чуба и ставит Оконного, Веру и Петрова перед более беспощадным судом, чем тот, перед которым поставил их автор».

Сценическое воплощение трагедии вызвало неудовлетворенность поэта и привело к разрыву автора с режиссером.

Однако спор автора и руководителя театра не прошел бесследно и, несомненно, способствовал дальнейшей работе Сельвинского над пьесой уже спустя много лет после того, как спектакль был поставлен и сошел с репертуара.

Первая правка пьесы сделана автором в 1936 г. при подготовке текста для стеклографированного издания (Отдела распространения Всесоюзного управления охраны авторских прав). В послевоенные годы Сельвинский подверг трагедию кардинальной переделке.

Направление ее переработки было предопределено прежде всего идейными мотивами.

Анализируя исторический опыт народа за прошедшие десятилетия и его участие в Великой Отечественной войне, поэт по-новому осмыслил проблематику и характеры героев своей первой пьесы. В раннем ее варианте больше внимания было уделено Командарму-2 — Оконному. В новом варианте резко изменены акценты. Теперь в пьесе главный — образ Чуба. Он выписан с большей определенностью и привлекательностью, чем раньше. Вместо машинистки Веры появляется комиссар Лариса Блаженина, сложный и противоречивый характер, органически вписавшийся в сюжет трагедии и ставший средоточием любовного конфликта ее.

Стройнее и четче стала композиция трагедии, динамичнее ее действие.

Автором снята известная утрировка и шаржированность речи некоторых действующих лиц, характерная для первого варианта. Углубились характеристики персонажей: эффектно-речевые заменены психологическими. Еще более оправданным стала и роль в трагедии конферансье, не только скрепляющего отдельные звенья пьесы, но и раскрывающего ее смысл, подчеркивающего авторское отношение к событиям, конфликтам, персонажам.

Сопоставление первого и окончательного вариантов пьесы в стихах «Командарм-2» дает картину творческих поисков И. Л. Сельвинского и вместе с тем является важной страницей истории советской драматургии. Печатается окончательный вариант.

Пао-Пао (стр. 93).— Драма написана поэтом в 1931 г. В «Литературной газете» от 23 мая 1932 г. была опубликована шестая картина первого акта. В этом же году пьеса целиком напечатана в журн. «Красная новь». Первое отдельное издание ее вышло в изд-ве «Советская литература» в 1933 г.

Гротесково-памфлетная, фантастическая по замыслу и сюжету, во многом парадоксальная по художественному решению, эта пьеса в стихах вызвала известное недоумение и замешательство даже среди приверженцев поэзии И. Сельвинского. Сам автор в одном из выступлений определил развитие действия «Пао-Пао» как «движение в лабиринтах «сумасшедшей темы», полной капризных неожиданностей и диких ситуаций». Однако ошибочно было бы принимать целиком на веру давнее заявление поэта. Критики М. Серебрянский, Е. Усиевич и другие еще тогда отмечали естественность лирико-философского решения основного замысла пьесы, которая реальностью своей в фантастическом сюжете делает саму условность реалистической. Антифашистская сущность драмы, с ее раскрытием темы труда и человеческого счастья в капиталистическом мире, проблем личности и общества, интеллигенции и пролетариата, выявлялась и в ее первой редакции. Тем не менее Сельвинского, как взыскательного художника, не оставляло чувство неиспользованных возможностей в реализации многозначной темы. К тому же у него был еще один важный повод для переделки драмы. В одном из писем к автору этих примечаний поэт рассказывал:

«Было это в 1931 году. По молодости лет я отнес пьесу во МХАТ. П. Марков решил показать ее Станиславскому. И вот меня пригласили к нему на дом. Я начал читать. Слушали меня три человека: Станиславский, Москвин и Марков. В перерыве Станиславский сказал: «Я вообще не умею слушать пьес и всегда засыпаю. А эту, видите, слушаю». «Эту пьесу надо ставить в белых декорациях: здесь точка, там пуф и ничего больше. А художника мы выпишем из Германии — Георга Гросса». Но конец Станиславскому не понравился. «В СССР обезьяну привозить не надо,— сказал он,— Россия слишком серьезная страна для гротеска...»

После встречи со Станиславским творческое беспокойство поэта еще усилилось и со временем помогло ему заново определить основное ядро замысла и его коллизии.

Новая редакция «Пао-Пао», которая неожиданно получила подзаголовок «Драматическое действо для кукольного театра», была опубликована в сборнике пьес Сельвинского «Театр поэта» (изд-во «Искусство», М. 1965). Действие ее уже не переносится в СССР, а происходит в Германии, где все выше начинает поднимать голову фашизм. В новой редакции глубже освещена гуманистическая и по сути антифашистская тема. В своем бездушии фашизм преуспел настолько, что полуобезьяна в мире нацистского режима оказалась интеллектуально выше и человечней мнимого «сверхчеловека».

И. Сельвинский писал автору этих примечаний в письме от 28 апреля 1951 г.: «Что касается «Пао-Пао», то у меня новый вариант, так что старый я основательно стер резинкой из памяти. О «Пао-Пао» можно упомянуть вскользь как о фантастическом жанре в моей поэзии».

Печатается драма по тексту сб. «Театр поэта» с поправкой автором отдельных слов.

Рыцарь Иоанн (стр. 185).— Трагедия писалась в 1936—1937 гг.

Отрывки из нее (акт 2, картины 4 и 6) были напечатаны в «Литературной газете» от 15 апреля 1938 г. Целиком трагедия была опубликована в журн. «Октябрь» (1938, № 5). Отдельным изданием впервые выпущена Гослитиздатом в 1939 г.

По справедливому замечанию критика З. Кедриной, «ясная по мысли, цельная по чувству, трагедия «Рыцарь Иоанн» кладет начало разработке русского национального характера в творчестве Сельвинского» [1].

В этом духе объясняет свой переход от актуальных мотивов современности к исторической теме и сам поэт: «Я хотел бы изобразить в литературе русский характер, образ человека той нации, которая, собственно, и совершила Октябрьскую революцию. Я стал изучать этот характер со всей доступной мне глубиной и, конечно, прежде всего подумал о том, какие исторические причины вызвали его к жизни в момент 25 октября? Ясно, что я должен был заглянуть в историю. Ясно также, что в истории меня должен был заинтересовать не царь, а повстанец. Так появился «Рыцарь Иоанн». За ним возник «Бабек», который заказан был мне азербайджанским правительством, но которого я не мог бы написать, если б не видел в нем черты идеального революционера, в чем-то очень близкого Болотникову... Этот образ шел параллельно моей магистральной задаче» [2].

Трагедия «Рыцарь Иоанн» стала новым и решающим шагом к овладению поэтом темой истории русского народа на его пути к революционным преобразованиям. Обращаясь к давнему историческому прошлому нашей родины, поэт раскрывает пробивающие себе дорогу сквозь мрак, невежество и гнет черты революционности народа, его патриотической приверженности к отчему краю, его нетерпимости к иноземным захватчикам. Трагедия Болотникова истолкована автором как трагедия передовой

---

[1] З. Кедрина, Исторические трагедии И. Сельвинского.— В кн. «Литературно-критические статьи», «Советский писатель», М. 1956, стр. 302.

[2] Из письма поэта к автору примечаний от 28 апреля 1961 г.

личности, самоотверженно отстаивающей цели, для победы которых в те времена не созрели еще исторические условия. И все же эта трагедия оптимистична, ибо герой ее, терпя поражения и обреченный на гибель, видит в прозрениях своих неминуемость грядущей победы, правды революционных перемен, передаваемых как эстафета от поколения к поколению.

Печатается по тексту II т. «Избранных произведений в двух томах», Гослитиздат, 1956, с авторской поправкой отдельных слов. Посвящение публикуется впервые.

Орла на плече носящий (стр. 375).— Трагедия была закончена в 1940 г. и впервые обнародована в журн. «Октябрь», 1941, № 9—10. Первоначально она называлась по имени ее главного героя — «Бабек». Под настоящим названием вышла в книге поэта «Лирика и драма», Гослитиздат, 1947.

В этой трагедии разрабатывается та же историко-философская проблема, что и в «Рыцаре Иоанне», но в более раннюю эпоху (IX в.) на почве феодального Азербайджана. Сюжет трагедии «Орла на плече носящий» опирается на исторические события, овеянные легендами. Перед Сельвинским стояла задача: используя самобытные художественные средства, исторически достоверно воссоздать атмосферу действия, дух времени, обстановку, национальный колорит, внутренний мир и психологию героев, чьи характеры резко разнились от всего, что ранее органически входило в сферу его исторических представлений и образно-поэтический строй его стиха.

Задачу эту автор трагедии решил с подлинным вдохновением. Перед читателем предстает восточная легенда, ожившая в поэтическом видении нашего современника. В ней слышится мелодика классического восточного стиха, хотя его образный орнамент и интонации лишены подражательности. Поэт Павел Антокольский писал об этой трагедии: «Крестьянский, пастушеский Азербайджан. Народная борьба с чужестранными захватчиками. На этом густо и ярко написанном фоне вырастают сильные и цельные характеры, бушуют сильные и простые страсти. Все вылеплено крупно, с отличным знанием материала и с проникновением во временну́ю даль, в дух своеобычного народа» [1].

Главная тема трагедии — тиран и народ — звучит с большой, впечатляющей силой.

Печатается по тексту сб. «Театр поэта» с поправкой автором отдельных слов.

---

[1] «Литературная газета», 24 октября 1959 г. Статья «Вечный поиск».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. И. Сельвинский. Середина 20-х годов.
2. И. Сельвинский и Вс. Мейерхольд. Москва. 1928.
3. И. Сельвинский. 1939.
4. И. Сельвинский. Конец 40-х годов.

СОДЕРЖАНИЕ

Командарм-2 5
Пао-Пао 93
Рыцарь Иоанн 185
Орла на плече носящий 375

Примечания 521
Список иллюстраций 526

Илья Львович Сельвинский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

Редактор *З. Кондратьева*

Художественный редактор
Ю. Боярский

Технический редактор
Л. Титова

Корректоры
Г. Асланянц и *Н. Гористова*

Сдано в набор 1/X 1971 г. Подписано к печати 6/VII 1972 г. А05829. Бумага типографская № 1. Формат 84×108$^1/_{32}$. 16,5 печ. л. 27,72 усл. печ. л. 20,74 уч.-изд. л. + 1 накидка = 20,9 л. Заказ № 10. Тираж 50 000 экз. Цена 2 р. 50 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Главполиграфпром Комитета по печати при Совете Министров СССР. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 2 им. Евг. Соколовой, Измайловский пр., 29, с матриц ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова, Москва, М-54, Валовая, 28